

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ

АРЛЕКИН • СКИТАЛЕЦ • ЕРЕТИК

В романах Бернарда Корнуэлла история поистине оживает.

Джордж Р. Р. Мартин, создатель «Игры престолов»

Загадка Грааля

Бернард Корнуэлл

**Арлекин. Скиталец.
Еретик (сборник)**

«Азбука-Аттикус»

2001, 2002, 2003

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Корнуэлл Б.

Арлекин. Скиталец. Еретик (сборник) / Б. Корнуэлл — «Азбука-Аттикус», 2001, 2002, 2003 — (Загадка Грааля)

ISBN 978-5-389-12624-4

Конфликт между Англией и Францией в XIV веке вылился в Столетнюю войну, в Европе свирепствуют грабежи и насилие. Пасхальным утром 1342 года в английскую деревню Хуктон врываются арбалетчики под предводительством человека, который носит «дьявольское имя» Арлекин, и похищают из храма реликвию – по слухам, это не что иное, как Святой Грааль... Сын погибшего в схватке настоятеля, молодой лучник Томас, не подозревая, что с Арлекином его связывают кровные узы, клянется отомстить за убитых и вернуть пропажу, за которой отправляется во Францию. Однако власти предрешающие не намерены уступать простолыдину святыню – она может даровать победу в войне. Скитаясь в поисках сокровища по некогда плодородным, а ныне выжженным землям, герой оказывается в царстве Черной смерти – чумы. Он вступает в схватку с религиозными фанатиками, спасая от костра красавицу Женевьеву, и тем самым наживает новых врагов, которые объявляют на него охоту... Исторические романы «Арлекин», «Скиталец», «Еретик» об английском лучнике Томасе из Хуктона – в одном томе.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-12624-4

© Корнуэлл Б., 2001, 2002, 2003
© Азбука-Аттикус, 2001, 2002, 2003

Содержание

Арлекин	8
Пролог	9
Часть первая	22
Часть вторая	113
Конец ознакомительного фрагмента.	168

Бернард Корнуэлл

Арлекин

Скиталец

Еретик

Bernard Cornwell

HARLEQUIN

Copyright © 2001 by Bernard Cornwell

VAGABOND

Copyright © 2002 by Bernard Cornwell

HERETIC

Copyright © 2003 by Bernard Cornwell

All rights reserved

Серия «The Big Book. Исторический роман»

Карта выполнена Юлией Анатольевной Каташинской

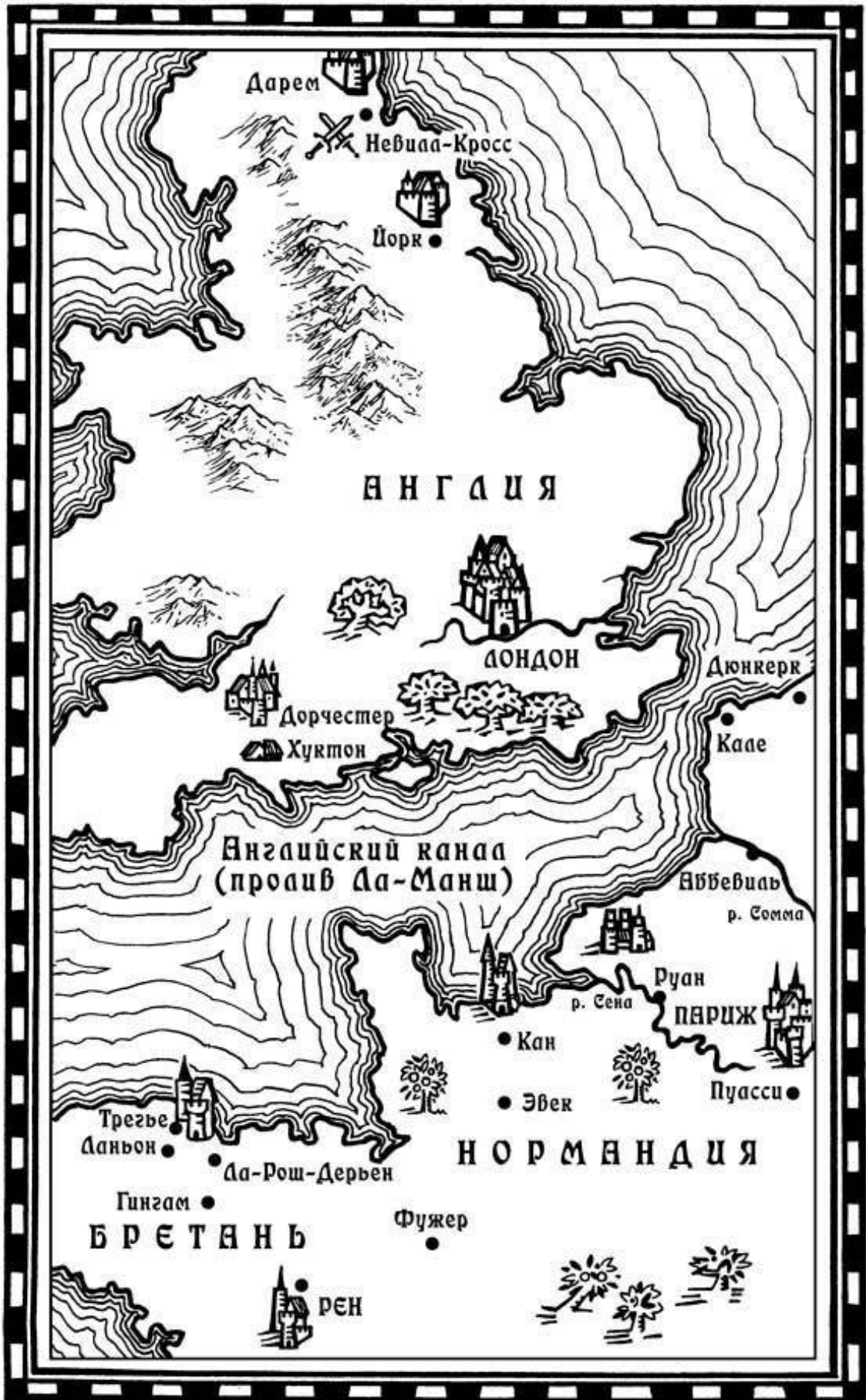
© М. В. Кононов, перевод, 2016

© В. Э. Волковский (наследник), перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

* * *

Арлекин

Посвящается Ричарду и Джулии Рутерфорд-Мур

...Много смертельных сражений было сыграно, много людей погибло, много церквей было разграблено, а душ – загублено, многие девушки были лишены девственности, достойные жены и вдовы – обещены; много городов, поместий и домов было сожжено, а на дорогах совершались грабежи и зверства и устраивались засады. И из-за всего этого правосудие не действовало. Христианская вера увяла, торговля сошла на нет, а за войнами последовало много прочего зла и ужаса, которые не описать и не перечислить.
Иоанн II, король Франции, 1360 г.

Слово «арлекин», вероятно, происходит от старофранцузского hellequin – «отряд всадников дьявола».

Пролог

Хуктонское сокровище похитили в пасхальное утро 1342 года.

Эта святая реликвия висела на стропилах церкви, и было удивительно, что такая драгоценность хранится в столь глухой деревне. Некоторые поговаривали, что не дело это – держать ее там, что следовало бы поместить ее в раку в каком-нибудь соборе или большом монастыре. Другие, и таких было немало, утверждали, что она не настоящая. Только полные олухи отказывались верить, что многие святые реликвии – подделки. По проселкам Англии шлялись шарлатаны, торговавшие пожелтевшими костями и ребрами – якобы мощами блаженных святых. Иногда кости действительно были человеческие, хотя чаще – свиные или даже олени, но глупцы все равно покупали их и молились им. «Человек может молиться хоть святому Гинфурту, – говорил отец Ральф, насмешливо фыркая. – А они молятся свиным костям, свиным костям! Блаженной свинье!»

Это отец Ральф доставил сокровище в Хуктон; он и слышать не хотел о перенесении его в другой собор или монастырь. И так оно восемь лет провисело в маленькой церквушке, покрываясь пылью и зарастая паутиной, которая отливала серебром, когда через высокое окно западной башни на нее падали косые лучи солнца. На святыню усаживались воробьи, и иногда по утрам на ней висели летучие мыши. Ее редко чистили и вряд ли когда-либо спускали вниз, хотя время от времени отец Ральф требовал принести лестницу, и когда сокровище снимали с цепей, он молился над ним и гладил его рукой. Священник никогда не хвалился им. Другие церкви и монастыри, владея они подобной драгоценностью, воспользовались бы ею для привлечения паломников. Но отец Ральф поворачивал гостей обратно. «Да так, ничего особенного, – говорил он, если пришелец спрашивал о реликвии, – безделушка, пустяк». А если гость настаивал, священник начинал сердиться: «Это ничто, пустяк. Сказано вам: ничто!» Отец Ральф был грозным человеком, даже когда не сердился. А в гневе он походил на косматого демона. Его пылающая ярость оберегала святыню, хотя сам он считал, что лучшей защитой является неведение – ведь если люди не узнают о сокровище, то Бог его сохранит. И Он его действительно хранил. Какое-то время.

Заброшенный Хуктон был для сокровища лучшим укрытием. Крохотная деревушка лежала на южном побережье Англии, где по каменистому пологому берегу спешил в море ручей Липп – почти что река. Из деревни в море выходили полдюжины рыбачьих лодок, которые ночью укрывались за Хуком – галечной косой, огибавшей устье Липпа. Во время знаменитого шторма 1322 года море, хлынув через Хук, выбросило лодки на берег и разбило их в щепки. Деревня так по-настоящему и не оправилась от той беды. До шторма от Хука отплывали девятнадцать лодок, а через двадцать лет на волнах за ненадежным барьером у Липпа качалось лишь шесть утлых суденышек. Прочие селяне работали в солеварнях или пасли овец и коров на холмах позади горстки крытых соломой хижин. Ветхие жилища сбились вокруг маленькой каменной церкви, в которой на почерневших балках висела святыня. Таков был Хуктон – селение, полное лодок, рыбы, соли и скотины, с зелеными холмами позади, широким морем впереди и невежеством посередине.

В Хуктоне, как и повсюду в христианском мире, в канун Пасхи устраивали всенощное бдение. В 1342 году эту торжественную обязанность исполняли пять человек. Они смотрели, как отец Ральф освятил пасхальные Святые Дары, а потом возложил хлеб и вино на покрытый белым полотном алтарь. Облатки лежали в простой глиняной чаше, покрытой беленым холщовым лоскутом, а вино было налито в собственный серебряный кубок отца Ральфа. Этот серебряный кубок добавлял ему загадочности. Местный пастырь был очень высок, благочестив и слишком образован для сельского священника. Ходили слухи, что он мог бы стать епископом, но дьявол искушал его дурными желаниями. Доподлинно было известно, что за несколько лет

до прихода в Хуктон он был заточен в монастырской келье за одержимость дьяволом. Потом, в 1334 году, бесы покинули его, и священника послали в Хуктон. Здесь он пугал местных жителей, молясь чайкам, либо расхаживал по берегу, проливая слезы о своих грехах или колотя себя в грудь острыми камнями. Когда грехи слишком давили на совесть, он выл по-собачьи. Впрочем, в заброшенной деревушке он нашел некоторое утешение. Отец Ральф построил себе большой бревенчатый дом, который разделил с домохозяйкой, и подружился с владельцем Хуктона сэром Джайлзом Марриоттом, жившим в каменном замке в трех милях к северу от деревни.

Сэр Джайлз был, несомненно, благородный человек. Таким же казался и отец Ральф, несмотря на свою косматую шевелюру и сердитый голос. Священник держал книги, которые почитались в Хуктоне за величайшее чудо после святой реликвии. Иногда, когда его дверь оставалась незапертой, люди разевали рот, увидев на столе башню из семнадцати томов в кожаных переплетах. Большинство книг было написано на латыни, но небольшая часть – на французском, родном языке отца Ральфа. Не на том французском, на котором говорят во Франции, а на нормандском наречии, языке английских правителей. Деревенские жители решили, что их священник не иначе как благородного происхождения, правда спросить его самого об этом никто не осмеливался. Его слишком боялись, и хотя он выполнял свой долг – крестил, совершал богослужения, заключал браки, исповедовал, отпускал грехи, отчитывал и хоронил, – но свободное время с селянами не проводил. Отец Ральф бродил в одиночестве, мрачный, лохматый, с пылающим взглядом, и тем не менее прихожане гордились им. Большинство деревенских церквей страдало от невежественных мордатых «жрецов», едва ли более образованных, чем их паства. А Хуктон в лице отца Ральфа обрел настоящего ученого, слишком умного для панибратских отношений, возможно, святого, может быть, человека благородной крови, может, раскаявшегося грешника, возможно, сумасшедшего, но, несомненно, настоящего священнослужителя.

Отец Ральф благословил Святые Дары, потом напомнил пятерым мужчинам, что в ночь перед Пасхой Люцифер выходит на промысел, мечтая утащить с алтаря Святые Дары, и потому все пятеро должны бдительно оберегать хлеб и вино. Какое-то время после ухода священника они послушно стояли на коленях, глядя на кубок с выгравированным на боку геральдическим гербом. Герб изображал таинственного зверя с рогами и клыками, который держал чашу Грааля. Этот благородный предмет внушал мысль, что отец Ральф действительно человек благородной крови, павший столь низко из-за козней дьявола. Серебряный кубок мерцал в свете двух неимоверно высоких свечей, которым предстояло гореть всю долгую ночь. Большинство деревенских жителей не могли позволить себе настоящих пасхальных свечей, но отец Ральф каждый год покупал две штуки у монахов в Шафтсбери, и прихожане робко пробирались в церковь, чтобы взглянуть на них. Но в эту ночь после наступления темноты только пятеро селян смотрели на высокое ровное пламя.

Потом Джон, рыбак, громко пустил ветры.

– Пожалуй, это подойдет, чтобы не подпустить старого черта, – сказал он, и все расхотались.

Они сошли со ступеней алтаря и уселись, прислонившись спиной к нефу. Жена Джона снабдила мужа корзинкой с хлебом, сыром и копченой рыбой, а Эдвард, владелец солеварен на берегу, принес эля.

В крупных христианских церквях такое ежегодное бдение несли рыцари. Они преклоняли колени в полном вооружении, их плащи поверх лат были вышиты поднявшимися на задние лапы львами, падающими вниз ястребами, обоюдоострыми топорами и расправившими крылья орлами, а на шлемах красовались плюмажи. Но в Хуктоне ни одного рыцаря не было. Из пятерых бдящих лишь младший, по имени Томас, сидевший чуть поодаль от остальных, имел при себе оружие – древний меч, тупой и слегка заржавевший.

- Думаешь, этот старый клинок испугает дьявола, Томас? – спросил Джон.
- Отец сказал, что нужно его взять, – ответил тот.
- На кой он сдался твоему отцу?
- Сам знаешь, он никогда ничего не выбрасывает, – сказал Томас, взвешивая оружие на

руке.

Меч был тяжелый, но он поднял его легко; для своих восемнадцати лет юноша был высок и необычайно силен. В Хуктоне его любили, поскольку, несмотря на достаток отца – самого богатого человека в деревне, это был работающий парень. Он любил вытягивать из моря просмоленную сеть, сдиравшую с рук кожу и оставлявшую кровоточащие ссадины. Томас умел управлять парусом, а в безветрие ему хватало силы работать веслом; он умел ставить силки, стрелять из лука, копать могилы, холостить телят, крыть соломой крыши или целый день косить траву. Это был рослый, ширококостный деревенский парень, но Бог послал ему отца, который желал, чтобы его Томас поднялся куда выше. Он хотел, чтобы его сын стал священником, вот почему Томас только что закончил свой первый семестр в Оксфорде.

- Чем ты занимаешься в Оксфорде, Томас? – спросил его Эдвард.
- Всем, чем не полагается.

Он откинул черные волосы с лица, такого же скуластого, как у отца. У него были голубые глаза, длинный подбородок и живая улыбка. Деревенские девушки считали его красивым.

- У них есть там девки, в вашем Оксфорде? – лукаво спросил Эдвард.
- Больше, чем нужно.
- Не говори про это отцу, а то он снова тебя выпорет. Он в этом деле мастер.
- Никого нет искусней, – согласился Томас.
- Он хочет тебе добра, – сказал Джон. – Не кляни человека за это.

А Томас клял своего отца. Он всегда клял отца. Он сражался с отцом годами, и ничто не вызывало такой ярости между ними, как пристрастие Томаса к лукам. Его дед по материнской линии изготавливал их в Уилде на продажу, а Томас прожил с дедом почти до десяти лет. Потом отец забрал его в Хуктон, где мальчик познакомился с егерем сэра Джайлза Марриотта – еще одним мастером в этом деле, и егерь стал его новым наставником. В одиннадцать лет Томас сделал свой первый лук, но когда отец нашел это сделанное из вяза оружие, то сломал о колено, а обломки использовал для порки сына. «Ты не какой-нибудь мужлан!» – кричал он, охаживая Томаса сломанной палкой. Но ни слова, ни побои ни к чему не привели. А поскольку отец обычно был занят, Томасу вполне хватало времени на свое пристрастие.

К пятнадцати годам он не уступал в этом искусстве деду, нутром чувствуя, как изогнуть тисовую жердь, чтобы внутренняя часть получилась из твердой сердцевины, а передняя – из более упругой заболони. Когда лук сгибался, сердцевина всегда стремилась распрямиться, а заболонь была мышцей, дающей такую возможность. Живой ум Томаса видел в хорошем луке нечто изящное, простое и прекрасное. Хороший лук, плавно изогнутый и тугой, напоминал плоский живот девушки. В ту ночь, во время пасхального бдения в хуктонской церкви, Томасу вспомнилась Джейн, прислуживавшая в маленькой деревенской пивной.

Джон, Эдвард и двое других говорили о деревенских делах: о ценах на овчину на Дорчестерской ярмарке, о старой лисе на Липпском холме, перетаскавшей за одну ночь целое стадо гусей, и об ангеле, которого видели на крышах в Лайме.

- Думаю, они здорово напились, – сказал Эдвард.
- Я тоже, когда напьюсь, вижу ангелов, – отозвался Джон.
- Это была Джейн, – предположил Эдвард. – Она похожа на ангела, точно.
- Но ведет себя не по-ангельски, – заметил Джон. – Девчонка забеременела.

И все четверо выразительно посмотрели на Томаса, который с невинным видом уставился на висящее на балке сокровище.

На самом деле Томаса пугало, что ребенок действительно может быть от него, и он с ужасом думал, что скажет отец, когда все узнает. Но в эту ночь юноша притворился, что ему ничего не известно о беременности Джейн. Томас с простодушием святого смотрел на сокровище, наполовину затененное вывешенной на просушку рыбацкой сетью. Четверо старших тем временем заснули. Холодный сквозняк колебал пламя двух свечей. Где-то в деревне завyla собака, и, как всегда, Томас услышал ровное сердцебиение моря: волны ударились о гальку и отползали назад, а потом, выждав, ударили снова. Он прислушался к храпу четверых мужчин и вознес молитву, чтобы отец никогда не узнал про Джейн, – впрочем, на это не было особой надежды, поскольку она настаивала на женитьбе и Томас не знал, что делать. Возможно, нужно просто бежать. Взять с собой Джейн, лук и бежать. Но он не чувствовал уверенности. Поэтому просто смотрел на реликвию под церковной крышей и молил святого о помощи.

Сокровищем было копье. Огромное, с древком толстым, как предплечье мужчины, и вдвое длиннее человеческого роста, сделанным, вероятно, из ясеня – копье было таким древним, что никто уже не мог сказать точно. Годы искривили почерневшее древко, хотя и не так уж сильно. Копье кончалось не железным или стальным наконечником, а слабо мерцавшим клином из потускневшего серебра. Древко не имело утолщения для защиты руки, а было гладким, как пика. Реликвия и в самом деле напоминала огромную пику погонщика быков, но ни один фермер никогда бы не стал делать наконечник из серебра. Разумеется, копье было самым настоящим оружием.

Не просто каким-то древним копьем, а тем самым оружием, которым святой Георгий поразил змея. И это было английское копье, поскольку святой Георгий был английским святым. Это придавало реликвии величайшую ценность, пусть она и висела под заросшей паутиной церковной крышей в Хуктоне. Многие говорили, что это копье не могло быть копьем святого Георгия, но Томас верил, что это так. Ему нравилось представлять, как поднялась пыль под копытами коня святого Георгия и змей изрыгнул адское пламя, когда конь встал на дыбы и святой замахнулся копьем. Солнечный свет, яркий, как крыло ангела, вспыхнул тогда вокруг шлема святого Георгия. Томас представил рев змея, его колотящий по земле чешуйчатый хвост. Вот конь заржал в страхе, а святой встал на стременах, прежде чем вонзить серебряное острие в покрытую броней шкуру чудовища. Копье вошло прямо в сердце. Вой змея ударился в купол неба, чудище корчилося и истекало кровью, пока не умерло. Потом пыль улеглась, и змеиная кровь запеклась на песке, а святой Георгий, должно быть, вырвал копье. И каким-то образом оно в конце концов попало к отцу Ральфу. Но каким? Священник не скажет. Однако вот оно висит, огромное темное копье, достаточно тяжелое, чтобы пробить чешую змея.

Поэтому в ту ночь Томас молился святому Георгию. Джейн, черноволосая красавица с едва округлившимся животом, спала в пивной. Отец Ральф кричал от страха перед окружившими его в темноте демонами. На холме вопили ведьмы, а бесконечные волны перекатывали и облизывали гальку на Хуке. Это была ночь перед Пасхой.

Проснувшись от крика деревенских петухов, Томас увидел, что дорогие свечи сгорели почти до самых оловянных подсвечников. В окно над белым алтарем смотрелся серый рассвет. Когда-то отец Ральф пообещал деревне, что окно будет украшено витражом с изображением битвы святого Георгия со змеем, но пока каменный проем был закрыт роговыми пластинами, придававшими освещению в церкви желтоватый оттенок.

Томас встал, чтобы пойти помочиться, и тут из деревни донеслись первые жуткие крики. Наступила Пасха, Христос воскрес, и на берег высадились французы.

Грабители приплыли из Нормандии на четырех кораблях, подгоняемых ночным западным ветром. Их предводитель, мессир Гийом д'Эвек, был бывалым воином, он сражался с англичанами в Гаскони и Фландрии и дважды возглавлял набеги на южное побережье Англии. Оба раза он приводил корабли домой целыми и невредимыми, с грузом шерсти, серебра, скота

и женщин. Мессир Гийом жил в прекрасном каменном доме на острове Иль-Сен-Жан в Кане, где был известен как рыцарь моря и суши. Светловолосый тридцатилетний мужчина с широкой грудью и обветренным лицом, веселый и легкомысленный человек, зарабатывавший на жизнь пиратством на море и рыцарской службой на суше, теперь прибыл в Хуктон.

Это место ничего собой не представляло и вряд ли могло принести большую добычу. Но мессира Гийома наняли для определенной задачи. Даже если в Хуктоне у него ничего не получится, если он не отнимет у деревенщины ни одной жалкой монеты, то все равно не останется внакладе, поскольку ему обещали за эту вылазку тысячу ливров. Договор был подписан и скреплен печатью. Согласно ему вдобавок к любой добыче, какую найдет в Хуктоне, мессир Гийом получит тысячу ливров. Сто ливров уже были выплачены, а остаток хранился у брата Мартена в канском мужском монастыре. Мессиру Гийому, чтобы заслужить эти девятьсот ливров, оставалось всего лишь привести свои корабли в Хуктон, взять там, что приглянется, и лишь церковную реликвию отдать человеку, предложившему столь щедрую сделку.

Этот человек стоял за спиной мессира Гийома на носу главного судна.

Он был молод – ему не исполнилось и тридцати, – высок и черноволос, мало говорил и еще меньше улыбался. На нем была дорогая кольчуга до колен, а поверх – иссиня-черный плащ без всякого герба; впрочем, по высокомерию и уверенности, присущим привилегированному сословию, мессир Гийом догадывался, что это человек высокого рода. Он определенно не принадлежал к нормандской знати, так как мессир Гийом хорошо знал всех ее представителей. Рыцарь также сомневался, что молодой человек прибыл из окрестностей Алансона или Мена, поскольку довольно часто мерился силой с тамошней знатью на турнирах. Оттенок кожи незнакомца указывал, что тот приехал из какой-нибудь средиземноморской провинции, возможно из Лангедока или Дофине, а там все они бешеные. Бешеные, как псы. Мессир Гийом даже не смог выяснить имени этого человека.

– Некоторые зовут меня Арлекином, – ответил тот на вопрос рыцаря.

– Арлекин? – Повторив это слово, мессир Гийом сотворил крестное знамение, поскольку такое имя вряд ли могло быть предметом гордости. – Вы хотите сказать, Эллекин?

– Эллекин – это по-французски, – сказал незнакомец, – а в Италии говорят «арлекин». Это одно и то же.

Он улыбнулся, и что-то в его улыбке привело мессира Гийома к мысли, что лучше умерить свое любопытство, если он хочет получить остальные девятьсот ливров.

Теперь человек, назвавшийся Арлекином, неподвижно смотрел на туманный берег, где только что показалась приземистая церковная колокольня, горстка крытых соломой крыш и грязное пятно коптящих костров солеварен.

– Это и есть Хуктон?

– Он говорит, что так, – ответил мессир Гийом, кивнув в сторону шкипера.

– Тогда да смилуется Бог над этим местом, – сказал Арлекин и обнажил меч, хотя четырем кораблям оставалось до берега еще с полмили.

Генуэзские арбалетчики, нанятые для этого похода, перекрестились и стали натягивать тетивы, а мессир Гийом приказал поднять на мачте свое знамя. Это было синее полотнище с тремя устремившимися вниз желтыми ястребами, которые распростерли крылья и растопырили кривые когти, готовые вцепиться в добычу. Мессир Гийом уже ощущал запах соляных костров и слышал крик петухов на берегу.

Петухи еще кричали, когда носы четырех кораблей ткнулись в гальку.

Мессир Гийом и Арлекин сошли на берег первыми. За ними устремилось два десятка генуэзских арбалетчиков, которые были профессиональными солдатами и знали свое дело. Их предводитель повел отряд вверх по берегу и через деревню, чтобы блокировать долину позади и перехватывать жителей, спасающих свои драгоценности. Оставшимся людям мессира Гийома предстояло грабить дома, а морякам – охранять корабли на берегу.

Ночь на море была долгой, холодной и тревожной, но теперь пришла пора вознаградить себя за все. Сорок солдат хлынули в Хуктон. В плотно пригнанных шлемах и кольчугах поверх кожаных панцирей, они с мечами, топорами и копьями набросились на добычу. Большинство были опытными вояками и хорошо знали, что делать. Вышибить ненадежные двери и убить мужчин. Пусть женщины кричат, но мужчин надо прикончить, потому что самый серьезный отпор окажут мужчины. Некоторые женщины убегут, но их должны схватить генуэзские арбалетчики. Когда мужчины будут перебиты, можно начинать грабеж. На это потребуется время, потому что крестьяне прячут ценное повсюду и тайники еще нужно разыскать. Придется раскидать соломенные крыши, обследовать колодцы, обыскать подвалы. Но многое находится на виду. Есть окорока, ждущие первой трапезы после Великого поста, связки копченой или вяленой рыбы, кипы сетей, добрые кухонные горшки, прялки и веретена, яйца, маслобойки, бочки соли – довольно убогие вещи, но вполне пригодные для отправки в Нормандию. Некоторые хижины принесли небольшие клады монет, а дом священника оказался сокровищницей серебряных тарелок, подсвечников и кувшинов. Там нашлись даже несколько свертков добротной шерстяной ткани и огромная резная кровать, а в конюшне – приличная лошадь. Мессир Гийом взглянул на семнадцать книг, но решил, что они не представляют никакой ценности, и вырвал из кожаных переплетов бронзовые замки, а сами книги оставил гореть вместе с домом.

Ему пришлось убить домохозяйку священника, и он немного сожалел об этом. Мессир Гийом не брезговал убивать женщин, но их смерть не приносила чести. Потому он препятствовал такой резне, если только женщина не причиняла хлопот. Но эта домохозяйка пыталась драться. Она набросилась на солдат мессира Гийома с вертелом, назвала их сыновьями шлюх и червями дьявола, и в конце концов мессир Гийом зарубил ее мечом, так как эта женщина не смирилась бы со своей участью.

– Глупая сука, – сказал он, перешагнув через ее труп, чтобы заглянуть в очаг.

В трубе коптились два добрых окорока.

– Вытащи их, – велел рыцарь одному из своих солдат, после чего оставил людей обыскивать дом, а сам отправился в церковь.

Отец Ральф, разбуженный криками прихожан, натянул сутану и бросился в церковь. Из уважения к сану солдаты не тронули его. Но внутри церквушки священник набросился на грабителей с кулаками, и пришедший Арлекин приказал воинам унять святошу. Они схватили его за руки и поставили на колени перед алтарем, покрытым белым полотном.

Арлекин с мечом в руке наклонился к отцу Ральфу.

– Господин граф, – проговорил он.

Священник закрыл глаза, возможно молясь, хотя это больше было похоже на раздражение. Потом он открыл глаза и посмотрел в красивое лицо Арлекина.

– Ты сын моего брата, – проговорил он.

Голос его прозвучал совсем не свирепо, а с глубокой печалью.

– Верно.

– Как поживает твой отец?

– Он умер, – ответил Арлекин, – как и ваш.

– Господь да упокоит их души, – набожно произнес отец Ральф.

– А когда умрешь ты, старик, я стану графом и наша фамилия снова возвысится.

Отец Ральф чуть заметно улыбнулся, покачал головой и взглянул на копьё.

– Оно не принесет тебе добра, – сказал он, – поскольку его могущество предназначено для праведных людей. Оно не будет служить нечестивым мерзавцам вроде тебя.

Тут отец Ральф издал странный мяукающий звук, шумно выдохнул и посмотрел на свой живот, куда вонзился меч его племянника. Священник силился что-то сказать, однако не смог произнести ни слова, а когда солдаты отпустили его, он рухнул у алтаря в растекающейся луже крови.

Арлекин вытер меч о запятнанное вином алтарное покрывало и велел людям мессира Гийома найти лестницу.

– Лестницу? – в замешательстве переспросил один из них.

– Они кроют свои крыши, так ведь? Значит, у них есть лестница. Отыщите ее.

Арлекин вложил меч в ножны и посмотрел на копьё святого Георгия.

– Я наложил на него проклятие, – тихо выговорил отец Ральф.

Он был смертельно бледен, но его голос звучал на удивление спокойно.

– Ваше проклятие, милорд, волнует меня не больше, чем пускающая ветры прислужница в таверне.

Арлекин швырнул одному из латников оловянный подсвечник, затем смел облатки из глиняной чаши и запихал их в рот. Он поднял чашу, посмотрел на ее потемневшую поверхность и, не найдя в ней никакой ценности, оставил на алтаре.

– А где вино? – спросил он отца Ральфа.

Тот покачал головой.

– Чаша моя преисполнена, – проговорил священник на латыни, но Арлекин только рассмеялся.

Отец Ральф закрыл глаза от боли и простонал:

– О боже!

Арлекин опустился на корточки рядом с дядей:

– Что, жжет?

– Как огнем, – ответил отец Ральф.

– Вы будете гореть в аду, милорд, – сказал ему Арлекин.

Он увидел, как отец Ральф зажал руками рану, чтобы остановить поток крови. Племянник отвел руки священника, а потом встал и со всей силы пнул его ногой в живот.

Задохнувшись от боли, отец Ральф скорчился на полу.

– Подарок от семьи, – сказал Арлекин и отвернулся – в церковь принесли лестницу.

Деревню наполняли крики женщин и детей. Их беды еще только начинались. Все женщины помоложе были изнасилованы, а самых хороших, включая Джейн из пивной, погрузили на корабли, чтобы отвезти в Нормандию и там сделать шлюхами или женами солдат мессира Гийома. Одна женщина кричала, что ее ребенок остался в горящем доме. Но солдаты ударом заставили ее замолчать, а потом передали в руки моряков, которые уложили ее на гальку и задрали юбку. Она безутешно рыдала, пока горел ее дом. Гусей, свиней, коз, шесть коров и лошадь священника под крики чаек загнали на корабли.

Когда над холмами на востоке показалось солнце, деревня уже принесла больше, чем мессир Гийом смел надеяться.

– Можно углубиться на побережье, – предложил командир генуэзских арбалетчиков.

– Мы выполнили то, зачем пришли, – вмешался одетый в черное Арлекин.

Он положил огромное копьё святого Георгия на траву кладбища, что у церкви, и теперь смотрел на древнее оружие, словно пытаясь постичь его могущество.

– Что это? – спросил генуэзский арбалетчик.

– Ничего полезного для тебя.

Мессир Гийом ослабил:

– Ударь им, и оно разлетится на куски, как слоновая кость.

Арлекин пожал плечами. Он нашел, что хотел, и мнение мессира Гийома его не интересовало.

– Пойдем вглубь побережья, – снова предложил капитан генуэзцев.

– Ну разве что на несколько миль, – согласился мессир Гийом.

Он знал, что в конце концов в Хуктон явятся наводящие ужас английские лучники, но вряд ли они доберутся сюда раньше полудня. А поблизости могла найтись другая деревня,

которую стоило ограбить. Рыцарь посмотрел на перепуганную девочку лет одиннадцати, которую солдат тащил к берегу, и спросил:

– Сколько убито?

– наших? – Генуэзского капитана удивил этот вопрос. – Ни одного.

– Не наших. Их.

– Человек тридцать. Или сорок. Несколько женщин.

– А у нас ни царапины! – с восторгом воскликнул мессир Гийом. – Жаль останавливаться!

Он взглянул на своего нанимателя, но человека в черном как будто не беспокоило, чем они займутся. Генуэзский капитан только хмыкнул. Это удивило мессира Гийома, ведь он полагал, что генуэзцу не терпится продолжить разбой. Но вдруг он увидел, что сдавленное хмыканье капитана вызвано не недостатком энтузиазма, а вонзившейся ему в грудь стрелой с белым оперением. Стрела прошла сквозь кольчугу и стеганый кожаный панцирь, как шило сквозь холст, и убила арбалетчика почти мгновенно.

Мессир Гийом плашмя упал на землю, и через миг еще одна стрела пропела над его головой и воткнулась в дерн. Арлекин схватил копье и побежал к берегу, а мессир Гийом ползком укрылся за церковной дверью.

– Арбалеты! – крикнул он. – Арбалеты!

Кто-то решил дать отпор грабителям.

Томас услышал крики и вместе с остальными бросился к двери посмотреть, что случилось. Но не успели все пятеро выскочить на паперть, как на церковном кладбище появилась группа вооруженных солдат. Их кольчуги и шлемы в утреннем свете отливали темно-серым. Эдвард захлопнул дверь в церковь, положил на скобы брус, чтобы запереть ее, и перекрестился.

– Благой Иисус! – удивленно пробормотал он и вздрогнул, услышав удар топора в дверь. – Дай мне это!

Он выхватил у Томаса меч.

Томас позволил ему взять оружие. Церковная дверь сотрясалась от ударов, два или три топора рубили старое дерево. Деревенские жители всегда считали, что Хуктон слишком мал для разбойных нападений, но на глазах у Томаса дверь разлеталась в щепки, и он понял, что это не иначе как французы. По побережью ходили рассказы о таких налетах, и на богослужениях произносились молитвы, чтобы уберечь народ от них. И вот враг был здесь. В церкви эхом отдавались удары его топоров.

Томаса охватила паника, однако сам он не замечал этого. Он лишь знал, что нужно вырваться из церкви, и потому бросился к алтарю и вскочил на него, наступив правой ногой на серебряный кубок и сбросив его с алтаря. Потом взобрался на подоконник огромного восточного окна, разбил желтые роговые пластины и сбросил их в церковный двор. Мимо пивной бежали люди в красно-зеленых камзолах, но никто не смотрел в его сторону. Томас спрыгнул во двор и бросился к канаве. Раздирая одежду, он прополз через колючую изгородь, затем пересек дорогу, перескочил через забор в отцовский сад и стал колотить в дверь кухни. Никто не ответил. В нескольких дюймах от его лица в притолоку вонзилась арбалетная стрела. Он пригнулся и побежал по бобовым грядкам к коровнику, где, кроме коров, отец держал лошадь. Спасать скотину не было времени, и вместо этого Томас забрался на сеновал, где прятал свой лук и стрелы. Рядом закричала женщина. Были собаки. Французы с криками вышибали двери. Схватив лук и мешок со стрелами, Томас разворошил солому на стропилах, протиснулся в образовавшуюся дыру и соскочил в соседский сад.

Он бежал, как будто черти наступали ему на пятки. Когда он достиг Липпского холма, в землю рядом воткнулась стрела из арбалета, и за ним погнались два генуэзских стрелка. Но Томас был молодым, рослым, сильным и проворным. Он побежал вверх по склону через расцветенное первоцветом и ромашками пастбище, перемахнул через жердь, перегораживающую

проход в изгороди, и метнулся вправо, к гребню холма. Добежав до рощи на дальнем склоне холма, он упал на густо заросшую колокольчиками землю, чтобы перевести дыхание. Он так и затаился в ожидании, прислушиваясь, но, кроме блеяния ягнят на соседнем поле, не услышал ничего необычного. Арбалетчики прекратили преследование.

Томас долго лежал среди колокольчиков. Потом осторожно пробрался назад, на вершину, откуда увидел на склоне дальнего холма разрозненную группу старух и детей. Им каким-то образом удалось улизнуть от арбалетчиков, и они явно собирались бежать на север, чтобы предупредить сэра Джайлза Марриотта, но Томас к ним не присоединился. Вместо этого он направился к зарослям орешника, где цвела пролеска и откуда было видно, как гибнет его родная деревня.

Грабители таскали добычу на четыре необычных корабля, стоявшие у Хука. Загорелась первая соломенная крыша. На улице валялись две мертвые собаки рядом с совершенно голой женщиной, которую одни солдаты удерживали на земле, пока другие снимали кольчуги, дожидаясь своей очереди. Томас вспомнил, что недавно она вышла замуж за рыбака, чья первая жена умерла при родах. На свадьбе женщина была так застенчива и счастлива, а теперь, когда она попыталась уползти с дороги, француз ударил ее ногой по голове и скорчился от смеха. Томас увидел, как волокут к кораблям Джейн – девушку, которая забеременела от него, – и со стыдом почувствовал облегчение, что не придется ссориться из-за нее с отцом. Французы бросали горящую солому на крыши других домов, и те тоже занимались пламенем. Томас посмотрел, как клубится и сгущается дым, а потом через заросли направился туда, где можно было укрыться в белой пене боярышника. Там он снарядил свой лук.

Это был лучший лук из всех, какие он сделал за свою жизнь. Его цевье было вырезано из длинной жерди с затонувшего в проливе корабля. Дюжину таких жердей прибило южным ветром к хуктонской гальке. Егерь сэра Джайлза Марриотта заключил, что они, должно быть, из итальянского тиса, поскольку это была самая лучшая древесина, какую он когда-либо видел. Одиннадцать жердей Томас продал в Дорчестере, но лучшую оставил себе. Он остругал ее, распарил концы, чтобы слегка изогнуть против волокна, а потом покрасил лук смесью сажи и льняного масла. Эту смесь он варил у матери на кухне, когда отца не было дома, поэтому тот не знал, что делает сын, хотя иногда жаловался на вонь, и тогда мать Томаса говорила, что готовит яд травить крыс. Покрасить лук было нужно, чтобы предотвратить его от высыхания, иначе дерево стало бы хрупким и сломалось от туги натянутой тетивы. Краска, высохнув, приобрела темно-золотистый цвет, как у тех луков, что обычно делал дед Томаса в Уилде. Но Томас хотел сделать лук темнее и потому втер в дерево немного сажи и намазал его воском. Он продолжал натирать его еще две недели, пока лук не стал черным, как древко копья святого Георгия. На концы лука Томас надел два куска зазубренного рога, чтобы укрепить на них тетиву из витых пеньковых волокон, вымоченных в костном клее, а потом в том месте, куда будет ложиться стрела, дополнительно обвил тетиву пенькой. Он стащил у отца несколько монет, чтобы купить в Дорчестере наконечники для стрел, сделал из ясеня древки и оперил их гусиными перьями. В это пасхальное утро в мешке у него было двадцать три таких стрелы.

Томас натянул на лук тетиву, достал из мешка стрелу с белым оперением и взглянул на троих мужчин у церкви. Они были далеко, но черный лук представлял собой грозное оружие, мощь его тисовой дуги была страшной. Один из врагов был в простой кольчуге, другой в черном плаще без всякой вышивки, а на третьем поверх кольчуги был красно-зеленый камзол. Томас решил, что это, должно быть, главарь и он должен умереть.

Когда Томас наложил стрелу на тетиву, левая рука его дрожала, во рту пересохло от страха. Он понял, что промахнется, поэтому опустил руку и ослабил натяжение тетивы. Вспомни, сказал он себе, вспомни все, чему тебя учили. Лучник не целится, он убивает. Только это наполняет голову, руки и глаза. Убийство человека ничем не отличается от стрельбы в оленя. Натянуть и отпустить – и все. Для этого он и упражнялся более десяти лет – чтобы натя-

гивание и отпускание стало естественным, как дыхание, и плавным, как текущая из источника вода. Взгляни и выстрели. Не думай. Натяни тетиву, и пусть Бог направит стрелу.

Дым над Хуктоном сгущался, и Томас ощутил прилив необычайной злобы. Он выставил левую руку вперед, а правой оттянул тетиву назад. Не отрывая глаз от красно-зеленого камзола, он оттянул тетиву до правого уха и только тогда отпустил.

Впервые Томас из Хуктона стрелял в человека. Он понял, что выстрел хорош, как только стрела оторвалась от тетивы, поскольку лук не дрогнул. Стрела полетела верно, и он следил за ее дугой, как она опускается с холма, чтобы со всей силы поразить красно-зеленый камзол. Он пустил вторую стрелу, но человек в кольчуге упал и поспешно пополз по паперти, а третий схватил копьё, бросился к берегу и скрылся в дыму.

У Томаса осталась двадцать одна стрела. По одной за Отца, за Сына и за Святого Духа, и по одной на каждый год его жизни, которая оказалась под угрозой, так как к холму спешила дюжина арбалетчиков. Он пустил третью стрелу и метнулся в заросли. Им вдруг овладела радость, его переполняло чувство силы и удовлетворения. В то мгновение, когда первая стрела взмыла в воздух, он понял, что ничего так не хотел за всю свою жизнь. Он – лучник. Оксфорд может катиться ко всем чертям, поскольку Томас нашел свое счастье. Взбегая на холм, он кричал от восторга. Стрелы из арбалета рвали листья орешника рядом, и юноша заметил, что на лету они издают низкий жужжащий звук. Но он был уже на гребне, откуда пробежал несколько ярдов на запад, прежде чем вернуться наверх. Томас задержался там, чтобы выпустить еще одну стрелу, а потом развернулся и опять побежал вниз.

Он устроил гемуэским арбалетчикам пляску смерти – от холма до живой изгороди, по тропинкам, известным ему с детства, – а они, как болваны, гонялись за ним, поскольку гордость не позволяла им признать свое поражение. Но они проиграли. Двое успели погибнуть, прежде чем с берега донесся звук трубы, призывавший грабителей на корабли. Тогда гемуэзцы развернулись. Они задержались, чтобы забрать оружие, мешки, кольчугу и плащ одного из убитых товарищей. Но едва они склонились над телом, Томас убил еще одного, и на этот раз оставшиеся в живых просто дали деру.

Томас преследовал их до окутанной дымом деревни. Он пробежал мимо превратившейся в ад пивной до самого берега, где люди сталкивали корабли в море. Моряки оттолкнулись длинными веслами, а потом стали грести от берега. За собой они буксировали три лучшие хуктонские лодки, а остальные оставили гореть. Сама деревня тоже пылала, к небу вместе с искрами и дымом огненными клоками летела солома. Томас пустил с берега бесполезную стрелу и смотрел, как она нырнула в воду невдалеке от убегающих грабителей. Потом повернулся и пошел сквозь горящую, смердящую, окровавленную деревню к церкви – единственному не подожженному налетчиками зданию. Четверо его товарищей по ночному бдению погибли, но отец Ральф был еще жив. Он сидел прислонившись спиной к алтарю, его ряса потемнела от свежей крови, а лицо было неестественно белым.

Томас опустился на колени рядом со священником:

– Отец?

Отец Ральф открыл глаза и, увидев лук, скривился то ли от боли, то ли от досады – Томас не понял.

– Ты убил кого-нибудь из них, Томас? – спросил священник.

– Да, – ответил юноша. – Четверых.

Отец Ральф поморщился и передернулся. Томас подумал, что священник – один из самых сильных людей, каких он только знал, возможно, с недостатками и все же крепкий, как тисовая жердь. Но теперь он умирал, и в его голосе слышались всхлипы.

– Ты ведь не хочешь быть священником, верно, Томас?

Отец Ральф задал вопрос по-французски, на языке своей матери.

– Нет, – ответил Томас на том же языке.

– Ты собираешься стать солдатом, – проговорил священник, – как твой дед.
Он помолчал и вновь застонал, ощутив новый приступ боли.

Томас хотел помочь ему, но уже ничего нельзя было сделать. Отец Ральф был ранен в живот, и его мог спасти только Бог.

– Я поссорился со своим отцом, – проговорил умирающий, – и он отрекся от меня. Он лишил меня наследства, и с того дня я отказался признавать его. Но ты, Томас, похож на него. Очень похож. И ты всегда спорил со мной.

– Да, отец.

Он взял отца за руку, и священник не сопротивлялся.

– Я любил твою мать, – сказал отец Ральф, – и в этом мой грех, а ты – плод этого греха. Я думал, если ты станешь священником, то сможешь подняться над грехом. Он затопляет нас, Томас, он затопляет нас. Он повсюду. Я видел дьявола, Томас, видел собственными глазами. Мы должны бороться с ним. Только Церковь способна на это. Только Церковь.

По его впалым небритым щекам потекли слезы, и он посмотрел мимо Томаса под крышу нефа.

– Они украли копьё, – грустно проговорил священник.

– Я знаю.

– Мой прадед привез его из Святой земли, – сказал отец Ральф, – а я украл его у моего отца, а сын моего брата сегодня похитил его у нас. – Он говорил еле слышно. – И будет творить им зло. Верни это копьё, Томас. Верни его на место.

– Верну, – пообещал Томас.

В церкви начал сгущаться дым. Грабители не подожгли ее, но крыша загорелась от летающей вокруг горящей соломы.

– Ты говоришь, его похитил сын твоего брата? – спросил Томас.

– Твой двоюродный брат, – прошептал отец Ральф и закрыл глаза. – Тот, в черном. Он пришел и украл его.

– Кто он такой?

– Зло, – ответил отец Ральф, – зло.

Он застонал и покачал головой.

– Кто он такой? – настаивал Томас.

– Чаша моя преисполнена, – проговорил отец Ральф на латыни еле слышным шепотом.

Томас знал, что это строка из псалма, но счел, что ум отца помутился и душа уже воспарила над близким к агонии телом.

– Скажи, кто был твой отец! – взмолился Томас.

Он хотел спросить: «Скажи мне, кто я такой. Скажи мне, кто ты такой», но глаза отца Ральфа были закрыты, хотя он по-прежнему крепко сжимал руку Томаса.

– Отец! – позвал юноша.

В церковь проникал дым и рассеивался через окно, которое во время бегства разбил Томас.

– Отец!

Но отец так и не заговорил. Он умер, и Томас, боровшийся с ним всю свою жизнь, заплакал, как ребенок. Временами он стыдился отца, но в это дымное пасхальное утро понял, что любил его. Большинство священников отрекались от своих детей, однако отец Ральф никогда не скрывал сына. Он позволял миру думать что угодно и свободно признавал, что является не только священником, но и мужчиной. А если он и грешил, любя свою домохозяйку, то это был сладкий грех, которого он никогда не отрицал, хотя и выражал искреннее раскаяние и боялся, что в последующей жизни понесет за него наказание.

Томас оттащил тело отца от алтаря. Он не хотел, чтобы оно сгорело, когда рухнет крыша. Под окровавленным телом умершего оказался серебряный кубок, который Томас случайно

раздавил. Прежде чем вытащить тело на церковное кладбище, он засунул кубок за ремень. Положив отца рядом с человеком в красно-зеленом камзоле, Томас опустил на корточки и заплакал. Он не справился со своим первым пасхальным бдением. Дьявол похитил Святые Дары, копьё святого Георгия пропало, а Хуктон погиб.

В полдень в деревню прибыл сэра Джайлз Марриотт с двумя десятками людей, вооруженных луками и кривыми садовыми ножами. На сэре Джайлзе была кольчуга, он был опоясан мечом, но сражаться было не с кем: в деревне остался один Томас.

– Три желтых ястреба на синем поле, – сказал Томас сэру Джайлзу.

– Что? – в замешательстве спросил тот.

Сэр Джайлз был владельцем поместья, человеком уже в возрасте. В свое время он поднимал копьё как против шотландцев, так и против французов. Он дружил с отцом Томаса, но самого юношу не принимал, считая его диким и невоспитанным волчонком.

– Три желтых ястреба на синем поле, – с гневом повторил Томас, – на гербе человека, совершившего все это!

Был ли это герб его двоюродного брата? Томас не знал. Отец оставил столько вопросов!

– Не знаю, чья это эмблема, – сказал сэра Джайлз, – но буду взывать к Божьему состраданию, чтобы негодяй корчился в аду за свое злодеяние.

Пока пожары не потухли, не было возможности вытащить тела с пепелища. Обгоревшие трупы почернели и скрючились от жара, так что даже самый крупный мужчина казался ребенком. Мертвых сельчан отнесли на церковное кладбище для погребения. Тела четверых арбалетчиков отволокли на берег и там раздели.

– Это ты сделал? – спросил Томаса сэра Джайлз.

– Да, сэра.

– Тогда благодарю тебя.

– Мой первый мертвый француз, – злобно проговорил Томас.

– Нет, это не французы, – сказал сэра Джайлз и, подняв одежду одного из солдат, показал вышитую на рукаве эмблему в виде зеленой чаши. – Они из Генуи. Французы наняли их как арбалетчиков. Я в свое время убил нескольких, но там, откуда они пришли, осталось еще множество. Ты знаешь, что это за эмблема?

– Чаша?

Сэр Джайлз покачал головой:

– Святой Грааль. Эти люди считают, что он у них в соборе. Мне говорили, что это большая зеленая штукавина, высеченная из изумруда, которую привезли крестоносцы. Надо когда-нибудь ее увидеть.

– Тогда я привезу ее вам, – мрачно проговорил Томас, – так же, как верну наше копьё.

Сэр Джайлз посмотрел на море. Корабли налетчиков уплыли далеко. Ничего не было видно, только солнце играло на волнах.

– Зачем они пришли сюда? – спросил он.

– За копьём.

– Сомневаюсь, что оно было настоящим. – В последнее время сэра Джайлз растолстел, лицо его было красным, а волосы поседел. – Ведь это было всего лишь старое копьё, и ничего более.

– Оно настоящее, – возразил Томас. – Потому-то они и пришли.

Сэр Джайлз не стал спорить, а сказал:

– Твой отец хотел, чтобы ты закончил обучение.

– Мое обучение завершено, – прямо ответил Томас. – Я отправляюсь во Францию.

Сэр Джайлз кивнул. Он считал, что юноша гораздо больше подходит для ремесла солдата, чем для роли священника.

– Пойдешь в стрелки? – спросил он, глядя на огромный лук за плечом у Томаса. – Или хочешь жить в моем доме и со временем стать рыцарем? – Старик чуть заметно улыбнулся. – Ты ведь благородной крови, знаешь?

– Я незаконнорожденный, – возразил Томас.

– Твой отец был высокого рода.

– Вам известно какого? – спросил юноша.

Сэр Джайлз пожал плечами:

– Он никогда мне не говорил, а если я настаивал, то лишь отвечал, что его отец – Бог, а мать – Церковь.

– А моей матерью была домохозяйка сельского священника, дочь ремесленника, изготовлявшего луки. Я отправлюсь стрелком во Францию.

– Гораздо больше чести быть рыцарем, – заметил сэр Джайлз.

Но Томас не хотел ни чести, ни славы. Он хотел мстить.

Сэр Джайлз дал ему выбрать, что он хочет взять у убитых врагов. Томас взял кольчугу, пару высоких сапог, нож, меч, ремень и шлем. Доспехи были скромными, но годными, только кольчуга требовала починки, поскольку Томас пробил ее стрелой. Сэр Джайлз сказал, что задолжал отцу Томаса деньги, что могло быть правдой, а могло и не быть, но он выплатил их Томасу и подарил четырехгодовалого мерина.

– Тебе нужен конь, – сказал он, – ведь нынче стрелки ездят верхом. И отправляйся в Дорчестер. Может быть, там найдешь кого-нибудь, кто нанимает лучников.

Тела четверых генуэзцев оставили гнить, а головы отрубили и насадили на вбитые вдоль Хука колья. Чайки выклевали мертвые глаза и общипали плоть до самых костей. Теперь черепа врагов бессмысленно таращились на воду.

Но Томас этого уже не увидел. Он отправился за море, взяв с собой черный лук. Он пошел воевать.

Часть первая Бретань

Стояла зима. С моря дул холодный утренний ветер, принося с собой неприятный запах соли и плевки дождя. Если дождь не перестанет, то он неизбежно ослабит силу тетивы.

– Это бессмысленная трата времени, и больше ничего, – сказал Джейк.

Никто не обратил на него внимания.

– Можно было остаться в Бресте, – снова проворчал он. – Сидели бы себе у огня и пили пиво.

И снова ему никто не ответил.

– Забавное название города, – после долгого молчания проговорил Сэм. – Брест¹. Впрочем, мне нравится. – Он взглянул на стрелков и высказал предположение: – Может быть, снова увидим Черную Пташку?

– Хорошо бы она сделала нам одолжение и пригвоздила тебе язык стрелой, – проворчал Уилл Скит.

Черной Пташкой прозвали женщину, сражавшуюся на стенах города при каждом штурме. Она была молода, темноволоса, носила черный плащ и стреляла из арбалета. Во время первого штурма, когда стрелки Уилла Скита были в авангарде и потеряли четверых, они оказались достаточно близко, чтобы хорошо рассмотреть Черную Пташку, и все их мысли были теперь заняты ее красотой. Впрочем, после неудачной зимней кампании, холода, голода и грязи почти любая женщина казалась красавицей. Но все-таки в Черной Пташке было что-то особенное.

– Она не сама заряжает арбалет, – сказал Сэм, не тронутый суровостью Скита.

– Ну конечно, черт возьми! – отозвался Джейк. – Еще не родилась женщина, которая могла бы взвести арбалет.

– Сонная Мэри могла бы, – возразил кто-то. – У нее мускулы как у быка.

– И она зажмуривается, когда стреляет, – сказал Сэм, по-прежнему говоря о Черной Пташке. – Я заметил.

– А все потому, что не занимаешься своим делом, черт возьми! – прорычал Уилл Скит. – Так что заткни пасть, Сэм.

Сэм был самым молодым в отряде Скита. Он заявил, что ему восемнадцать, хотя не был в этом уверен, так как потерял счет своим годам. Сын торговца мануфактурой, Сэм обладал лицом херувима, русыми кудрями и черным, как смертный грех, сердцем. Впрочем, стрелял он хорошо, иначе бы не служил у Уилла Скита.

– Ладно, ребята, – проговорил командир, – готовьтесь.

Он увидел шевеление в лагере позади. Враг скоро тоже заметит это, церковные колокола забьют набат, и на городские стены высыпают защитники с арбалетами. Арбалеты выпустят стрелы в нападающих, и задача Скита сегодня – попытаться проредить арбалетчиков на стене своими выстрелами. Как же, угрюмо подумал он. Защитники скрючатся за бойницами, не давая его стрелкам прицелиться, и, разумеется, этот штурм кончится неудачей, как и пять предыдущих.

Вообще вся кампания была сплошной неудачей. Уильям Богун, граф Нортгемптонский, возглавлявший это небольшое войско, начал зимнюю экспедицию в надежде захватить крепость в Северной Бретани, но штурм Каре закончился унижительным поражением, защитники Гингама смеялись над англичанами, а стены Ланьона выдерживали все атаки. Удалось захва-

¹ Звучит как английское breast – «грудь». (Здесь и далее примеч. перев.)

тить Трегье, но, поскольку он не имел стен, его взятие было не таким уж большим достижением и там было не закрепиться. Теперь же, в суровый конец года, войско графа не нашло ничего лучшего, как подойти к этому городишке, представлявшему собой просто деревню со стенами. Но даже это жалкое поселение бросило войску вызов. Граф устраивал штурм за штурмом, и все их отбивали. Англичан встречал шквал арбалетных стрел, штурмовые лестницы отбрасывались от стен, и с каждой неудачей атакующих защитники все больше воодушевлялись.

– Как называется это чертово место? – спросил Скит.

– Ла-Рош-Дерьен, – ответил высокий лучник.

– Все-то ты знаешь, Том, – сказал Скит.

– Верно, Уилл, – мрачно проговорил тот, – совершенно верно.

Остальные стрелки рассмеялись.

– Если ты так чертовски много знаешь, скажи мне еще раз, как называется этот проклятый городишко.

– Ла-Рош-Дерьен.

– Дурацкое название, – проговорил Скит.

Это был седой узколицый мужчина. Он сражался уже тридцать лет. Скит пришел из Йоркшира и начал свою карьеру стрелком, сражаясь против шотландцев. Ему везло, он был ловок и потому захватил много добычи, пережил много битв и поднимался по службе, пока не разбогател настолько, чтобы набрать собственный отряд. Теперь он возглавлял семьдесят латников и столько же стрелков, которых предоставил графу Нортгемптонскому. Поэтому сейчас он и скрючился за сырым забором в ста пятидесяти шагах от стены города, название которого не мог запомнить. Его латники остались в лагере, получив день отдыха после предыдущего неудачного штурма. Уилл Скит терпеть не мог неудач.

– Ла-Рош что? – спросил он Томаса.

– Дерьен.

– И что это может значить?

– Честно говоря, не знаю.

– Всеблагой Христос, – с насмешливым удивлением проговорил Скит, – оказывается, он не все знает.

– По звучанию похоже на *derrière*, что означает «задница», – добавил Томас. – Можно перевести как «скала-задница».

Скит открыл рот, чтобы что-то сказать, но тут первый церковный колокол в городе забил набат. Колокол был разбит и звучал глухо. Но через несколько секунд добавили звона другие церкви, и сырой ветер наполнился металлическим гулом. Этот шум был встречен приглушенным ревом английских штурмовых частей, которые вышли из лагеря и топали по дороге к южным городским воротам. Передние тащили лестницы, остальные шли с мечами и топорами. Штурм, как и прежние, возглавлял граф Нортгемптонский, выделяющийся среди остальных своими пластинчатыми доспехами, которые наполовину прикрывал плащ, украшенный графским гербом со львами и звездами.

– Вы знаете, что делать! – проревел Скит.

Стрелки встали, подняли луки и стали стрелять. На стене целей для них не было, поскольку защитники укрылись за парашетом. Стук стальных наконечников по камню не давал им высовываться. Стрелы с белым оперением свистели на лету. Два других отряда стрелков добавляли своих стрел, многие пускали их высоко в воздух, чтобы они падали вертикально на стену. Скиту казалось невозможным, что под этим градом оперенной стали сможет уцелеть хоть кто-то. Но как только штурмовые колонны графа оказались в ста шагах от укрепления, со стены полетели стрелы из арбалетов.

Рядом с воротами была брешь, сделанная катапультами – единственной осадной машиной, оставшейся в приличном состоянии. Брешь была убогая, поскольку огромные камни

снесли только верхнюю треть стены, и горожане заполнили пробоину бревнами и тряпьем. Но все же это было слабое место, и люди с лестницами с криками устремились туда под градом стрел. Они спотыкались, падали, ползли и умирали, но достаточное число добралось до цели, и по приставленным к полуразрушенной стене лестницам первые латники полезли наверх. Лучники стреляли изо всех сил, засыпая верх стены стрелами, но там появился щит, который тут же подперли двумя десятками жердей, и из-за него арбалетчик открыл стрельбу по лестницам, убив того, кто карабкался первым. Появился еще один щит, и еще один арбалетчик открыл стрельбу. На стену притащили огромный горшок и опрокинули его. Вниз хлынула дымящаяся жидкость, и атакующие закричали от боли. Защитники скатывали со стены валуны, а их арбалеты непрерывно щелкали.

– Ближе! – закричал Скит.

Его стрелки продрались через кусты и побежали ко рву, до которого теперь оставалось меньше ста шагов. Там они снова натянули свои длинные луки и стали посылать стрелы в бойницы. Нескольких защитников удалось убить, поскольку им пришлось высунуться, чтобы стрелять вниз, в солдат, столпившихся с лестницами у стены с брешью.

Томас вздернул левую руку, меняя цель, и, разогнув пальцы правой, послал стрелу в грудь высунувшемуся из бойницы человеку. Того прикрывал щитом товарищ, но щит на мгновение сместился, и стрела Томаса попала в узкий промежуток. За ней мгновенно последовали еще две, и сердце защитника перестало биться. Однако другим удалось опрокинуть лестницу.

– Святой Георгий! – закричали англичане.

Но святой, должно быть, спал, поскольку не оказал нападающим никакой помощи.

Со стены покатались новые валуны, потом на англичан обрушилась черная лава горячей соломы. Кто-то сумел забраться на стену, но тут же получил удар топором, который пробил его шлем и расколол череп надвое. Солдат упал на перекладыни, загородив путь поднимавшимся сзади, и граф попытался оттащить его, но сам получил удар камнем по голове и рухнул к подножию лестницы. Два графских латника отнесли оглушенного графа в лагерь, и с его отбытием нападающие совсем упали духом. Они больше не кричали. Стрелы все еще летели, и люди еще пытались взобраться на стену, но защитники почувствовали, что уже отбили этот шестой штурм. Их арбалеты разили безжалостно. И тогда на башне над воротами Томас увидел Черную Пташку. Он нацелил стальной наконечник стрелы ей в грудь, чуть приподнял лук и изо всей силы пустил стрелу. Слишком хороша, чтобы убивать, сказал он себе и понял, что это глупо. Женщина выстрелила и скрылась. Полдюжины стрел застучали по башне, где она только что стояла, но Томас заметил, что все шесть стрелков дали ей выстрелить, прежде чем выпустили стрелы.

– Черт побери! – воскликнул Скит.

Штурм не удался, и латники отступали под градом арбалетных стрел. У бреша оставалась лишь одна лестница с застрявшим в верхних ступенях солдатом.

– Назад! – закричал Скит. – Назад!

Стрелки побежали, и, пока они не пробрались сквозь кусты и не укрылись в канаве, вслед им неслись стрелы из арбалетов. Защитники ликовали, а двое с башни над воротами показывали побитым англичанам голую задницу.

– Ублюдки, – прорычал Скит. – Ублюдки! – Он не привык к неудачам. – Ведь где-то, черт возьми, должен быть путь внутрь!

Томас снял с лука тетиву и спрятал под шлем.

– Я же говорил тебе, как попасть внутрь, – сказал он Скиту.

Тот долго не отрывал глаз от юноши.

– Мы уже пытались, парень.

– Я добрался до частокола, Уилл. Говорю тебе, я сделал это. Я пробрался внутрь.

– Тогда расскажи снова, – потребовал Скит, и Томас повторил.

Скорчившись в канаве под насмешки защитников Ла-Рош-Деръена, он рассказал Скиту, как прорваться в город, и Скит слушал, потому что йоркширец научился доверять Томасу из Хуктона.

Томас пробыл в Бретани уже три года. Хотя это была и не Франция, но захвативший ее герцог постоянно приводил на смерть все новых французов, и Томас обнаружил в себе призвание к убийству. И дело тут было не в его искусстве стрелка – в войске было полно таких и горстка получше, – но он обнаружил, что способен предугадывать действия противника. Он умел наблюдать за врагами, следить за ними, замечать, куда они смотрят, и довольно часто предчувствовал их движение и был готов встретить его стрелой. Это напоминало игру, но такую, где он знал правила, а враг – нет.

И это помогло завоевать доверие Уильяма Скита. Когда они впервые встретились у тюрьмы в Дорчестере, где йоркширец испытывал пару десятков воров и убийц в мастерстве стрельбы из лука, у Скита не возникло желания взять Томаса. Ему требовались новобранцы, а король нуждался в лучниках, и люди, которым светила виселица, получали прощение, если соглашались пойти на войну. Так что добрая половина отряда Скита состояла из таких каналий. А Томас, по заключению старого солдата, никогда бы не вписался в такую компанию. Взяв правую руку юноши, он увидел мозоли на указательном и среднем пальцах, что выдавало лучника, но потом похлопал его по мягкой ладони.

– Чем занимаешься? – спросил он тогда.

– Мой отец хотел, чтобы я стал священником.

– Священником, да? – презрительно переспросил Скит. – Что ж, я думаю, ты мог бы помолиться за нас.

– Я могу убивать за вас.

В конце концов Скит позволил Томасу вступить в отряд, и не в последнюю очередь потому, что у того был свой конь. Сначала командир принял Томаса из Хуктона всего лишь за еще одного неотесанного олуха, ищущего приключений, – смышленного олуха, конечно, – но в Бретани Томас отдался жизни стрелка со всем рвением. Истинной целью гражданской войны был грабеж, и день за днем люди Скита скакали по дорогам в края, которые выразили верность сторонникам герцога Карла, сжигали крестьянские хозяйства, отбирали урожай и угоняли скот. Господин, чьи крестьяне не платят оброк, не может нанять солдат, и потому латники Скита и его конные стрелки налетали на вражеские земли, как чума. Томасу нравилась такая жизнь. Он был молод, его задачей было не только сражаться с врагами, но и разорять их. Он поджигал фермы, отравлял колодцы, отбирал посевное зерно, ломал плуги, сжигал мельницы, обдирали фруктовые сады и жил на свою добычу. Люди Скита хозяйничали в Бретани, как чертово наказание, и франкоговорящие крестьяне на востоке герцогства прозвали их «эллекин», что означало «всадники дьявола». Иногда вражеские отряды пытались поймать их. Тогда Томас узнал, что английский стрелок с большим боевым луком – король в таких стычках. Противник ненавидел лучников. Если врагу попадался английский лучник, его непременно убивали. Латника могли взять в плен, за командира могли получить выкуп, но лучников всегда убивали. Сначала пытали, а потом убивали.

Томас преуспел в такой жизни, и Скит понял, что парень умен, хотя это не помешало ему уснуть как-то раз ночью, когда он стоял на часах. И при свете дня Скит выбил из него этот грех.

– Ты был в стельку пьян! – обвинил он Томаса и крепко вздул парня, используя свои здоровенные кулаки наподобие кузнечных молотов.

Он перебил Томасу нос, сломал ребро и назвал его куском сатанинского дерьма, но парень продолжал ухмыляться, и через шесть месяцев Уилл Скит сделал Томаса винтенаром – старшим над двадцатью другими лучниками.

Почти все из этих двадцати были старше Томаса, но никто как будто не возражал против его назначения, так как все видели, что он не такой, как они. Большинство стрелков коротко

стригли волосы, а Томас отрастил их и перевязывал тетивой, так что они пышной черной гривой ниспадали до пояса. Он чисто брился и одевался только в черное. Такая манерность могла бы вызвать неприязнь в отряде, но Томас был трудолюбив, смышлен и щедр. Впрочем, он оставался странным. Все стрелки носили талисманы – дешевый металлический медальон с изображением какого-нибудь святого или высушенную заячью лапку. Томас повесил на шею высушенную лапу собаки, которую называл рукой святого Гинфорта, и никто не смел спорить с ним, поскольку он был самым образованным в отряде – говорил по-французски, как дворянин, и знал латынь, как священник. Стрелки Скита упорно гордились им как своим лучшим достижением. Через три года после вступления в отряд Томас стал у Скита одним из главных лучников. Скит даже порой советовался с ним, хотя редко следовал его советам; а Томас со своим кривым носом продолжал носить собачью лапу и нагло скалиться.

И вот теперь у него возникла идея, как проникнуть в Ла-Рош-Дерьен.

В тот же день, когда мертвый латник с расколотым черепом все еще продолжал висеть на брошенной лестнице, сэра Саймон Джекилл направил коня к городу. Там он стал развезжать туда-сюда у торчащей из земли маленькой арбалетной стрелы с черным оперением, обозначающей самую дальнюю точку поражения оружием защитников. Его оруженосец, тупой парень с разинутым ртом и вылупленными глазами, издали наблюдал за господином. Оруженосец держал копье сэра Саймона. Если кто-нибудь из городских солдат принял бы наглый вызов, каким и являлось издевательское присутствие сэра Саймона под стенами, оруженосец дал бы господину копье. Два всадника устроили бы на лужайке бой, пока кто-то из них не уступит. Но этот кто-то был бы не сэра Саймон, поскольку он был одним из искуснейших рыцарей в войске графа Нортгемптонского.

И самым бедным.

Его боевому коню стукнуло десять лет, он плохо слушался узды и имел прогнутую спину. Седло с высокими луками, крепко державшее всадника, раньше принадлежало его отцу, а кольчуга, стальная рубаха, укрывавшая тело от шеи до колен, досталась от деда. Его тяжелый меч, выкованный больше ста лет назад, зазубрился, копье покривилось от сырой зимней погоды, а висевший на передней луке шлем представлял собой старый стальной котелок с потертой кожаной подкладкой. Щит с гербом в виде кулака в стальной перчатке, сжимающего булаву, был потрепан и потерял цвет. Латные рукавицы сэра Саймона, как и остальные доспехи, заржавели – оттого-то у оруженосца и краснело распухшее ухо, а лицо выражало испуг. Впрочем, оруженосец был не виноват. Сэра Саймон не мог себе позволить купить уксуса и мелкого песка, которыми чистят сталь. Он был беден.

Беден, озлоблен и честолюбив.

И доблестен.

Никто не отрицал его доблести. Он выиграл турнир в Тьюксбери и получил кошелек с сорока фунтами. В Глостере наградой за победу стали изящные доспехи. В Челмсфорде призом были пятнадцать фунтов и прекрасное седло, а в Кентербери он чуть не зарубил насмерть француза и получил золоченый кубок с монетами. И куда теперь делись все эти трофеи? Попали в руки ростовщиков, законников и торговцев, наложивших арест на имущество сэра Саймона в Беркшире, которое он унаследовал два года назад. Но на самом деле его наследство состояло из одних долгов, и как только сэра Саймон схоронил отца, его тут же окружили ростовщики, как свора гончих – раненого оленя.

«Женись на богатой наследнице», – посоветовала ему мать и вывела, как на параде, дюжину женщин сыну на смотрины. Но сэра Саймон решил, что его жена должна быть красавицей под стать ему самому. А уж он-то был красавцем. И знал это. Он смотрел в зеркало своей матери и любовался отражением. У него были густые белокурые волосы и широкое лицо с короткой бородкой. В Честере, где он за четыре минуты выбил из седла трех рыцарей, люди

приняли его за короля, который был известен тем, что анонимно принимал участие в турнирах. Сэр Саймон не собирался дарить свои царственные взгляды какой-нибудь сморщенной карге только потому, что у нее водились деньги. Он женится на женщине, достойной его. Но амбиции не оплатят долгов, и потому сэр Саймон, чтобы защититься от кредиторов, обратился за охранным письмом к королю Эдуарду III. Это письмо ограждало рыцаря от всех юридических процессов, пока он служит королю в заморской войне. И когда сэр Саймон пересек Ла-Манш, взяв с собой из заложенного поместья шестерых латников, дюжину стрелков и разиню-оруженосца, то оставил своих кредиторов в Англии с носом. Он также увез с собой уверенность, что скоро захватит в плен какого-нибудь французского или бретонского вельможу, выкупа за которого хватит, чтобы выплатить все долги. Но пока что зимняя кампания не принесла ни одного более-менее высокопоставленного пленника и дала так мало добычи, что войско сидело на половинном пайке. А скольких благородных пленников можно взять в жалком городишке вроде Ла-Рош-Дерьена? Это была настоящая дыра.

И все же сэр Саймон разъезжал под стенами в надежде, что какой-нибудь рыцарь примет вызов и выедет из южных ворот города, выдержавшего шесть английских штурмов. Но вместо этого защитники насмеялись над ним и называли трусом за то, что он оставался вне досягаемости для их арбалетов. Эти оскорбления уязвили гордость сэра Саймона, и он подъехал ближе. Тут же под копытами его коня начали позвякивать упавшие стрелы. Защитники стреляли в него, но стрелы падали рядом. Теперь настал его черед смеяться.

– Да он просто болван, – сказал Джейк, наблюдавший из английского лагеря. Джейк был одним из негодяев Скита, убийцей, которого тот спас от виселицы в Эксетере. Он косил и тем не менее умудрялся стрелять точнее многих. – Ну что он вытворяет?

Сэр Саймон придержал коня и остановился перед воротами, так что наблюдавшие издали солдаты подумали, что, может быть, кто-то из французов собрался ответить на вызов английского рыцаря. Но вместо этого на башенке над воротами показался одинокий арбалетчик, который знаком пригласил сэра Саймона подойти ближе.

Только дурень попался бы на этот вызов, но сэр Саймон послушно двинулся вперед. Ему было двадцать пять лет, он был озлоблен и храбр. Решив, что его высокомерная беспечность поколеблет уверенность осажденного гарнизона и воодушевит упавших духом англичан, он пришпорил коня и погнал его на ту часть поля, где английские атаки захлебывались в крови под градом французских стрел. Никто из арбалетчиков не стрелял. Всего одна фигура стояла на башне над воротами. Сэр Саймон, подъехав на сто ярдов, понял, что это Черная Пташка.

Впервые сэр Саймон увидел женщину, которую все стрелки звали Черной Пташкой. Он был достаточно близко, чтобы разглядеть, что она действительно прекрасна. Женщина стояла выпрямившись, высокая и стройная, закутавшись в плащ от зимнего ветра, но ее черные волосы были распущены, как у молодой девушки. Черная Пташка насмешливо поклонилась рыцарю, и сэр Саймон ответил ей, неловко согнувшись в седле. Потом он увидел, как она подняла арбалет и приложила к плечу.

«Когда мы войдем в город, – подумал сэр Саймон, – я заставлю тебя заплатить за это. Ты упадешь на задницу, Черная Пташка, а я буду сверху». Он остановил коня. Одинокий всадник в зоне французской бойни. Он подзадоривал женщину прицелиться получше, зная, что ничего у нее не выйдет. А когда она промахнется, он насмешливо отсалюует, и французы воспримут это как дурное предзнаменование.

А что, если попадет?

Сэра Саймона так и подмывало снять с луки седла неуклюжий шлем, но он не поддался этому искушению. Он сам спровоцировал Черную Пташку на выстрел и не спасует перед женщиной. Поэтому он ждал, пока она прицелится. Защитники города смотрели на нее и, несомненно, молились. А может, делали ставки.

«Давай, сука», – пробормотал про себя сэра Саймон. Было холодно, но на лбу у него выступила испарина.

Женщина помедлила, откинула черные волосы с лица, потом положила арбалет на бойницу и снова прицелилась. Сэр Саймон держал голову высоко и смотрел прямо. «Всего лишь женщина, – говорил он себе. – Наверное, не попадет в повозку с пяти шагов». Его конь задрожал, и сэра Саймон похлопал его по шее.

– Скоро пойдешь, парень, – сказал рыцарь.

Под взглядами двух десятков защитников Черная Пташка зажмурилась и выстрелила.

Сэр Саймон увидел маленькое черное пятнышко летящей стрелы на фоне серого неба и серых каменных колоколен за стенами Ла-Рош-Дерьена.

Он знал, что стрела пройдет мимо. Знал абсолютно точно. Это всего лишь женщина, бога ради! И потому не двинулся, увидев, как пятнышко мчится прямо в него. Он не мог поверить в это. Он ждал, что стрела скользнет влево или вправо или воткнется в замерзшую землю. Но она летела прямо ему в грудь. В самое последнее мгновение сэра Саймон рывком поднял тяжелый щит и пригнулся. Левой рукой он ощутил мощный удар – стрела попала в цель и отбросила его на заднюю луку седла. Она ударила в щит с такой силой, что пробила ивовые доски и ее конец прошел сквозь кольчужный рукав, углубляясь в предплечье. Французы радостно закричали, а сэра Саймон, понимая, что другие арбалетчики захотят закончить начатое Черной Пташкой, прижал колено к боку своего коня. Тот послушно развернулся и повинулся шпорам.

– Я жив, – вслух проговорил рыцарь, словно это могло заставить стихнуть улюлюканье французов.

Чертова сука! Он бы достойно отплатил ей, так отплатил, что она бы завизжала. И сэра Саймон придержал коня, чтобы не возникло впечатления, будто он удирает.

Через час, когда оруженосец перевязал ему руку, доблестный рыцарь убедил себя, что одержал победу. Он бросил вызов и остался жив. Это была демонстрация мужества, и он выжил и потому, шагая к шатру командующего, графа Нортгемптонского, считал себя героем и рассчитывал на соответствующий прием. Шатер был сделан из двух парусов, полотно пожелтело, изнашивалось и было густо покрыто заплатами после многолетней службы на море. Приют был убогим. Уильям Богун, граф Нортгемптонский, презирал всякую помпезность, хотя и приходился двоюродным братом королю и был богат, как никто в Англии.

Граф и сам выглядел таким же заплатанным и поношенным, как его шатер. Это был приземистый коренастый человек с лицом, похожим, как говорили, на бычью задницу. Но лицо это отражало графскую душу – грубую, храбрую и прямую. Солдаты любили Уильяма Богуна, графа Нортгемптонского, потому что он был таким же грубым, как и они сами. Сэр Саймон нырнул в шатер.

Русые волосы графа наполовину скрывала повязка. Сброшенный со стены Ла-Рош-Дерьена камень пробил ему шлем, который острым стальным краем поранил голову. Граф кисло приветствовал сэра Саймона:

– Жизнь надоела?

– Глупая сука зажмуривается, когда спускает крючок! – ответил тот, не обращая внимания на тон графа.

– И все же стреляет метко, – злобно ответил граф, – и этим поднимает боевой дух ублюдков. А их и без того не нужно воодушевлять, видит бог.

– Но я жив, милорд, – весело заметил сэра Саймон. – Она хотела меня убить. И не вышло. Медведь цел, а собаки остались голодными!

Он ожидал поздравлений от окружения графа, но советники отвели глаза. Рыцарь принял их подавленное молчание за зависть.

«Этот сэра Саймон – чертов болван», – подумал граф и поежился.

Он бы не так возражал против холода, если бы войско праздновало победу, но уже два месяца англичане и их бретонские союзники испытывали сплошные неудачи и выставляли себя посмешищем, а шесть штурмов Ла-Рош-Дерьена усугубляли несчастья. И теперь граф созвал военный совет, предлагая решительную атаку в тот же вечер. Все предыдущие штурмы начались до полудня. Возможно, внезапная атака в меркнувшем свете зимнего солнца застанет защитников врасплох. Однако даже такое малое преимущество, как внезапность, было подпорчено, поскольку безрассудная выходка сэра Саймона придала горожанам уверенности, а среди командиров графа, собравшихся под пожелтевшей парусиной, царило уныние.

Четверо из них были рыцари, подобно сэру Саймону приведшие на войну собственных солдат, но остальные – наемники, платившие своим людям за службу графу. Трое бретонцев с белыми горностаевыми гербами герцога Бретонского возглавляли солдат, верных герцогу Монфору, а остальные были английские командиры, все низкого рода, загрубевшие на войне. Здесь был и Уильям Скит, а рядом с ним Тотсгем, начавший свою карьеру как простой солдат, а теперь возглавлявший сто сорок латников и девяносто стрелков на службе у графа. Оба никогда не участвовали в турнирах, да их бы никогда и не пригласили, но оба были богаче сэра Саймона, и это его раздражало. «Мои боевые псы» – так граф Нортгемптонский звал наемных командиров, и он любил их; впрочем, граф имел странное пристрастие к компании черни. Уильям Богун, хотя и приходился двоюродным братом королю, с радостью пил с людьми вроде Скита и Тотсгема, ел с ними, говорил по-английски, охотился с ними и доверял им. Сэр Саймон чувствовал себя исключенным из дружеского круга. Если кто-нибудь в войске должен был быть близок к графу – то только он, сэр Саймон, знаменитый победитель турниров. Но граф Нортгемптонский предпочитал валяться в канаве с чернью вроде Скита.

– Как там дождь? – спросил граф.

– Снова начинается, – ответил сэр Саймон, подняв голову к потолку шатра, по которому барабанили капли.

– Все ясно, – угрюмо проговорил Скит.

Он редко называл графа «милорд» и обращался к нему как к равному, что, к удивлению сэра Саймона, вроде бы нравилось графу.

– И это только цветочки, – сказал граф, выглянув из шатра и впустив облако сырости и холода. – Тетивы луков растянутся от влаги.

– Как и арбалетов, – вмешался Ричард Тотсгем и добавил: – Ублюдки.

Больше всего в английских неудачах раздражало то обстоятельство, что защитники Ла-Рош-Дерьена были не солдаты, а простые горожане – рыбаки и лодочники, плотники и каменщики, и среди них воевала даже женщина – Черная Пташка!

– Дождь может перестать, – продолжил Тотсгем, – но земля останется скользкой. Под стенами будет плохая опора.

– Давайте не пойдем сегодня, – предложил Уилл Скит. – Пусть мои парни завтра утром пройдут по реке.

Граф потрогал рану на голове. Целую неделю он штурмовал южную стену Ла-Рош-Дерьена и по-прежнему верил, что его люди могут взять эту крепость, но все же ощущал среди своих боевых псов уныние. Еще одна неудача, еще два-три десятка убитых, и дух в войске совсем упадет, так что придется тащиться назад в Финистер несолоно хлебавши.

– Повтори-ка снова, что ты сказал, – проговорил он.

Скит кожаным рукавом вытер нос.

– Три дня назад мы уже пытались, – возразил один из рыцарей.

– Вы пробовали пройти вниз по реке, – ответил Скит, – а я хочу пойти вверх по реке.

– Там такие же колья, как и внизу, – сказал граф.

– Неплотные, – возразил Скит, и кто-то из бретонских командиров перевел разговор своим товарищам. – Один из моих парней вытащил такой кол и пришел к заключению, что

полдюжины других не устоят или сломаются. Они из старых дубовых стволов, а не из вяза и совсем прогнили.

– Насколько глубока там грязь? – спросил граф.

– По колено.

С запада, юга и востока Ла-Рош-Дерьен окружала стена, а с севера город защищала река Жоди, и в тех местах, где полукруг стены сходилась с рекой, горожане установили в грязи частокол, чтобы преградить доступ в город во время отлива. Скит предполагал, что через прогнившие колья можно пробраться, но когда люди графа пытались сделать это у восточной стены, они завязли в грязи и горожане расстреляли их из арбалетов. Побоище было страшным – хуже, чем перед южными воротами.

– Но на берегу тоже стена, – заметил граф.

– Да, – признал Скит, – но эти тупые ублюдки кое-где сломали ее и устроили причалы.

Один такой прямо у гнилых кольев.

– Так что твоим людям нужно всего лишь убрать колья и взобраться на причалы – на виду у защитников? – скептически спросил граф.

– Они справятся, – твердо заявил Скит.

Граф все еще считал, что лучший шанс на успех – это подвести стрелков к южным воротам и молиться, чтобы их стрелы держали защитников в укрытии, пока графские латники штурмуют брешь. Правда, он признавал, что такой план сегодня провалился, как и накануне. И еще граф знал, что в запасе у них всего лишь несколько дней. У него осталось меньше трех тысяч солдат, треть из них – больные. Если он не найдет им приюта, то придется, поджав хвост, идти обратно, на запад. Нет, ему нужен город – любой, даже такой, как Ла-Рош-Дерьен.

Уилл Скит увидел на лице графа тревогу.

– Мой парень вчера ночью был в пятнадцати шагах от причала, – заявил он. – Он бы мог проникнуть в город и открыть ворота.

– Почему же не открыл? – не удержался от вопроса сэр Саймон. – Христовы мощи! Я был бы уже внутри!

– Вы не стрелок, – хмуро проговорил Скит и перекрестился.

В Гингаме один из его стрелков попал в плен к горожанам. Они раздели ненавистного лучника и прямо на стене разрезали на куски, чтобы осаждавшие могли видеть его муки. Сначала ему отрубили указательный и средний пальцы на правой руке, потом мужское достоинство, и стрелок, истекая кровью на крепостной стене, кричал, как кастрированный поросенок.

Граф знаком приказал слуге наполнить кубки подогретым пряным вином.

– Возглавишь атаку, Уилл?

– Не я, – сказал Скит. – Я слишком стар, чтобы пробираться через вязкую грязь. Я представлю это тому парню, который прошлой ночью прошел вдоль кольев и пробрался внутрь. Он хороший парень, поверьте. Смышленный ублюдок, но чудак. Готовился стать священником, вот так, а встретил меня и опомнился.

Графу явно понравилась эта идея. Он поиграл рукоятью меча, потом кивнул.

– Пожалуй, нам надо встретиться с твоим смышленным ублюдком. Он неподалеку?

– Я оставил его у входа, – сказал Скит и повернулся на табурете. – Том, скотина! Заходи!

Томас, пригнувшись, шагнул в графский шатер, и командиры увидели высокого, длинного, худого парня, одетого во все черное, не считая кольчуги и вышитого на камзоле красного креста. Все английские войска носили такой крест святого Георгия, чтобы в рукопашном бою отличать, кто свой, а кто чужой. Парень поклонился графу, и тот вспомнил, что уже видел этого стрелка. Да и неудивительно, ведь Томас обладал запоминающейся внешностью. Его черные волосы были заплетены в косу и перевязаны тетивой. У него был длинный кривой нос, вероятно сломанный, чисто выбритый подбородок и настороженные, умные глаза, хотя, возможно, самым замечательным в нем была его опрятность. Да еще этот огромный лук на плече

– длиннее, чем было принято, и не только длинный, но выкрашенный в черное. На передней стороне лука виднелась странная серебряная пластина словно бы с выгравированным гербом. «В этом видно тщеславие, – подумал граф, – тщеславие и гордыня». А он одобрял и то и другое.

– Для человека, прошлой ночью увязшего по колено в грязи, – с улыбкой проговорил он, – ты на удивление чистый.

– Я вымылся, милорд.

– Не подхвати лихорадку! – предостерег его граф. – Как тебя зовут?

– Томас из Хуктона, милорд.

– Ну так расскажи мне, Томас из Хуктона, что ты выяснил вчера ночью.

Томас рассказал то же, что и Уилл Скит. В темноте, когда прилив спал, он забрался в грязь у берега Жоди. Там он обнаружил частокол, запущенный, прогнивший и расшатанный, вытащил один кол, протиснулся через щель и сделал несколько шагов по направлению к ближайшему причалу.

– Я был достаточно близко, милорд, чтобы услышать, как поет какая-то женщина.

Женщина пела песню, которую пела ему мать, когда он был маленький, и его поразило это совпадение.

Когда Томас закончил, граф нахмурился – не потому, что ему что-то не понравилось в рассказе стрелка. Его беспокоила рана на голове, лишившая его сознания на целый час.

– Что же ты делал на реке ночью? – спросил граф, в основном чтобы дать себе время подумать.

Томас ничего не ответил.

– Чья-то чужая баба, – ответил за него Скит, – вот что он там делал, милорд. Чужая баба.

Собравшиеся расхохотались – все, кроме сэра Саймона Джекилла, который угрюмо смотрел на покрасневшего Томаса. Этот ублюдок был простым стрелком и тем не менее носил кольчугу получше, чем мог себе позволить сэр Саймон! И в нем была самоуверенность, от него разило наглостью. Сэра Саймона передернуло. Жизнь таила в себе несправедливость, которой он не мог понять. Стрелки из захолустья нахпали себе коней, оружия и доспехов, в то время как он, победитель турниров, сумел заполучить лишь пару сапог. Его так и подмывало сбить спесь с этого долговязого невозмутимого стрелка.

– Один бдительный часовой, милорд, – обратился сэр Саймон к графу на нормандском французском, так что лишь немногие благородные господа поняли бы его, – и этот парень умрет, а наша атака завязнет в речной грязи.

Томас бросил на сэра Саймона спокойный взгляд, оскорбительно невозмутимый, и ответил на беглом французском:

– Нам следует напасть в темноте. – Затем снова повернулся к графу. – Завтра перед рассветом уровень воды будет невысоким, милорд.

Граф удивленно посмотрел на него:

– Откуда ты знаешь французский?

– От моего отца, милорд.

– Мы его знаем?

– Сомневаюсь, милорд.

Граф не стал развивать эту тему, а закусил губу и потер рукоять меча – такова была его привычка, когда он размышлял.

– Прекрасно, если вы проникнете внутрь, – проворчал Ричард Тотсгем, сидевший на скамеечке доярки рядом с Уиллом Скитом. Тотсгем привел самый большой отряд наемников и, соответственно, имел наибольший авторитет среди командиров. – Но что вы будете делать, оказавшись в городе?

Томас кивнул, словно ожидал этого вопроса:

– Сомневаюсь, что нам удастся добраться до ворот, но если я смогу поместить пару десятков стрелков на стену у реки, они прикроют ее, пока другие приставляют лестницы.

– А у меня есть две лестницы, – кивнул Скит. – Их можно установить.

Граф продолжал потирать рукоять меча.

– Раньше, когда мы пытались напасть с реки, то взяли в грязи. И там, где вы пойдете, она будет такая же глубокая.

– Мостки, милорд, – сказал Томас. – Я нашел кое-что на ферме.

Это были части ивового плетня, из которых можно быстро соорудить загон для овец – или же мостки, чтобы пройти по грязи.

– Я говорил вам, что он смышлен, – с гордостью сказал Скит. – Ходил в Оксфорд, верно, Том?

– Когда был слишком молод и не знал ничего получше, – сухо ответил тот.

Граф расхохотался. Ему нравился этот парень, и он понимал, почему Скит так верил в него.

– Завтра утром, Томас?

– Лучше, чем в сумерках вечером, милорд. Вечером они будут еще хорохориться.

Томас бросил ничего не выражающий взгляд на сэра Саймона, намекая, что глупая демонстрация рыцарской бравады лишь раздула пыл защитников.

– Значит, завтра утром, – проговорил граф и обернулся к Тотсгему. – Но сегодня держи своих стрелков поближе к южным воротам. Пусть думают, что мы опять пойдём там. – Он снова посмотрел на Томаса. – Что это за эмблема у тебя на луке, парень?

– Так, нашел кое-что, милорд, – солгал тот, передавая лук в протянутую руку графа.

На самом деле он вырезал серебряный знак из раздавленного кубка, найденного под телом отца, и прикрепил его к передней части лука. Там его левая рука отполировала серебро.

Граф рассмотрел герб:

– Зверь с рогами и клыками? Йейл?

– Не знаю, как зовут эту бестию, милорд, – проговорил Томас, прикинувшись невеждой.

– Мне незнаком этот герб, – сказал граф.

Он попытался согнуть лук и приподнял брови, дивясь его тугости. Потом вернул лук Томасу и отпустил стрелка.

– Бог тебе в помощь завтра утром, Томас из Хуктона.

– Спасибо, милорд, – ответил тот с поклоном.

– С вашего позволения я уйду с ним, – сказал Скит.

Граф кивнул и посмотрел вслед уходящим.

– Если мы проникнем внутрь, – обратился он к оставшимся командирам, – то, ради всего святого, не позволяйте своим людям устраивать грабеж. Не давайте им разгуляться. Я собираюсь удержать этот город и не хочу, чтобы жители нас ненавидели. Убивайте, когда нужно, но не устраивайте резни. – Он посмотрел на их скептические лица. – Вы будете отвечать за гарнизонную службу, так что облегчите себе задачу. Держите людей в узде.

Командиры хмыкнули, зная, как это трудно – не дать солдатам полностью разграбить город. Но прежде чем кто-то успел ответить, встал сэр Саймон:

– Одна просьба, милорд.

Граф пожал плечами:

– Валяй.

– Вы позволите мне и моим людям возглавить штурмовой отряд с лестницами?

Граф как будто удивился этой просьбе:

– Думаешь, Скит сам не справится?

– Уверен, справится, милорд, – со смирением ягненка ответил сэр Саймон, – и все же прошу такой чести.

«Пусть лучше погибнет сэра Саймон Джекилл, чем Уилл Скит», – подумал граф и кивнул: – Конечно, конечно.

Командиры ничего не сказали. Какая тут честь – первому взобраться на уже захваченную другими стену? Нет, этот ублюдок ищет не чести, он хочет оказаться в удобной позиции, чтобы захватить самую богатую добычу в городе. Но никто не высказал своих мыслей вслух. Они были командиры, а сэра Саймон – рыцарь, хотя и без гроша за душой.

Весь остаток этого короткого зимнего дня графское войско готовилось к новому штурму города, но так и не начало его, и у жителей Ла-Рош-Дерьена появилась надежда, что их испытания закончились. Но все же они приготовились к отпору на случай, если англичане устроят новую попытку на следующий день. Они пересчитывали арбалетные стрелы, громоздили валуны на стене и подбрасывали дров в костры, на которых кипели горшки с водой для отражения атаки англичан. «Согрейте мерзавцев!» – говорили городские священники, и горожанам нравилась эта шутка. Они видели, что побеждают, и считали, что испытания скоро завершатся, поскольку у англичан подходит к концу провизия. Ла-Рош-Дерьену оставалось еще немного потерпеть, а потом вознести хвалы и благодарности герцогу Карлу.

В полночь дождик прекратился. Горожане легли спать, но держали оружие наготове. Часовые жгли сторожевые огни и всматривались в темноту.

Стояла холодная зимняя ночь, и у осаждающих оставался последний шанс.

Черная Пташка была крещена как Жанетта Мари Алеви, и когда ей исполнилось пятнадцать, родители взяли ее в Гингам на ежегодный яблочный турнир. Отец ее не был аристократом, и потому семья не могла сидеть в огороженном месте под башней Сен-Лоран. Но они нашли местечко рядом, и Луи Алеви позаботился, чтобы дочь была видна всем, поставив ее кресло на крестьянскую повозку, на которой они приехали из Ла-Рош-Дерьена. Отец Жанетты был преуспевающим шкипером и винооторговцем, хотя его удача в делах не распространялась на остальную жизнь. Один его сын умер от гангрены, порезав палец, а второй утонул во время путешествия в Корунну. Жанетта осталась единственным ребенком.

В поездке в Гингам был расчет. Знатные рыцари Бретани – по крайней мере, те, кто поддерживал союз с Францией, – съехались на турнир. Здесь перед толпой, собравшейся по случаю как ярмарки, так и ежегодных состязаний, они четыре дня подряд показывали свою удаль во владении копьем и мечом. Жанетте все это показалось изрядно скучным, поскольку преамбулы к каждому поединку тянулись долго и зачастую ничего не было слышно. Непрерывной чередой проезжали рыцари, покачивая своими экстравагантными плюмажами, но чуть погода слышался громовой стук копыт, звон металла, крики, и один из рыцарей падал на траву. По обычаю победитель накалывал на копье яблоко, чтобы преподнести женщине из толпы, которая привлечет его внимание, – потому-то отец и прикатил свою повозку в Гингам. Через четыре дня Жанетта собрала восемнадцать яблок и всю ненависть двух десятков высокородных девиц.

Родители отвезли дочь обратно в Ла-Рош-Дерьен и стали ждать. Они показали свой товар, и теперь дело покупателей – найти дорогу к их роскошному дому у реки Жоди. Спереди домик казался маленьким, но, пройдя под арку, гость оказывался в широком дворе, выходящем на каменный причал, где во время прилива могли пришвартоваться не самые большие суда мсье Алеви. За стеной двора находилась церковь Святого Ренана, а поскольку мсье Алеви давал деньги на строительство церковной колокольни, ему позволили сделать в стене проход, чтобы по пути на мессу его семье не нужно было выходить на улицу. Дом говорил каждому посетителю, что здесь живет богатое семейство, а присутствие приходского священника за ужином давало понять, что это семейство к тому же и благочестиво. Жанетта родилась не для того, чтобы быть игрушкой для аристократов, ей было предназначено стать женой.

Дюжина женихов снизошла до визита в дом Алеви, но только Анри Шенье, граф Арморика, завоевал яблоко. Это была знатная добыча, поскольку граф приходился племянником

Карлу Блуаскому, который, в свою очередь, был племянником короля Франции Филиппа. Герцога Карла французы признали правителем Бретани. Герцог позволил Анри Шенье представить свою невесту, но после посоветовал племяннику отказаться от нее. Девушка была купеческой дочкой, чуть выше крестьянского сословия, хотя герцог и признал, что она поистине красавица. Ее черные волосы блестели, лицо оставалось не тронутым оспой, и все зубы были на месте. Она была так грациозна, что один доминиканский монах при дворе герцога, всплеснув руками, заявил, что Жанетта – живой образ Мадонны. Герцог признал ее красавицей, ну и что? Красавиц много. В любой гингамской таверне, сказал он, за два ливра можно найти шлюху, перед которой большинство жен покажутся свиньями. Для жены важна не красота, а богатство.

– Сделай девчонку своей любовницей, – посоветовал он и велел племяннику жениться на богатой наследнице из Пикардии.

Но та была неряхой с поеденным оспой лицом, а красота Жанетты настолько вскружила голову графу Арморике, что он бросил вызов своему дяде.

Граф обвенчался с купеческой дочкой в часовне своего замка в Плабеннеке, расположенном в Финистере, на краю света. Герцог решил, что его племянник наслушался трубадуров. Но граф и его молодая жена были счастливы, и через год после свадьбы, когда Жанетте исполнилось шестнадцать, у них родился сын. Его назвали Шарль, в честь герцога, но если тот и был польщен, то ничем этого не выразил. Он отказался принять Жанетту еще раз и с племянником держался холодно.

Позже в том же году в Бретань пришли английские войска в поддержку Иоанна Монфорского, которого они признали герцогом Бретани. Король Франции послал подкрепление своему племяннику Карлу, которого считал настоящим герцогом. Так началась нешуточная гражданская война. Граф Арморика настоял, чтобы его жена с младенцем-сыном вернулась в дом своего отца в Ла-Рош-Деръене, поскольку замок в Плабеннеке был мал, плохо укреплен и слишком близок к неприятельским войскам.

В то лето, как и боялся муж Жанетты, замок пал перед англичанами, а на следующий год король Англии провел кампанию в Бретани, и его войска оттеснили войско Карла, герцога Бретани. Ни одного большого сражения не случилось, но то и дело возникали кровавые стычки, и в одной из них, что разгорелась меж крутых склонов в долине, граф Арморика был ранен. Он поднял забрало, чтобы криком подбодрить своих солдат, и стрела попала ему прямо в рот. Слуги принесли своего господина в дом у реки Жоди, где ему потребовалось пять дней, чтобы умереть, – пять дней непрерывной боли, в течение которых он не мог есть и едва дышал, поскольку рана гноилась и кровь сворачивалась в глотке. Графу Анри шел двадцать девятый год, он был победителем турниров, но перед смертью плакал, как ребенок. Он задыхался, и Жанетта кричала от бессилия, гнева и горя.

Потом для Жанетты наступили черные дни. Она осталась вдовой, а не прошло и шести месяцев после смерти мужа, как стала еще и сиротой – оба родителя умерли от кровавого поноса. Ей было всего восемнадцать, а ее сыну, графу Арморике, два года, но Жанетта унаследовала богатство отца и решила воспользоваться им, чтобы отомстить ненавистным англичанам, убившим ее мужа. Она стала снаряжать два корабля, которые могли бы напасть на английские суда.

Мсье Бела, стряпчий ее отца, советовал не тратить деньги на корабли. Богатство не может оставаться вечно, говорил он, а ничто так не высасывает средства, как снаряжение военных кораблей. Они редко приносят деньги, разве что очень повезет. Лучше, советовал он, использовать корабли для торговли.

– В Ланьоне купцы получают неплохую прибыль на испанском вине, – советовал он. Стояла зима, стряпчий простудился и чихал. – Очень неплохую прибыль, – мечтательно повторил он по-бретонски, хотя оба они могли изъясняться по-французски.

– Мне нужно не испанское вино, – холодно проговорила Жанетта, – а английские души.

– От них никакой прибыли, моя госпожа, – возразил Бела.

Ему было непривычно называть Жанетту «моя госпожа» – ведь он знал ее с детства, и для него она всегда была малышкой Жанеттой. Но девочка вышла замуж и стала вдовой аристократа, и к тому же вдовой с характером.

– Вы не сможете продать английские души, – мягко указал Бела.

– Разве что дьяволу, – ответила Жанетта и перекрестилась. – Но мне не нужно испанское вино, Бела. Мы получаем оброк.

– Оброк! – насмешливо воскликнул он.

Это был высокий худой мужчина с редующими волосами, очень неглупый. Долгое время Бела верой и правдой служил отцу Жанетты, и его обидело, что купец ничего не оставил ему в завещании. Все перешло Жанетте, не считая незначительной суммы, переданной монахам в Понтрё, чтобы они отслужили мессу по душе умершего. И Бела затаил обиду.

– Из Плабеннека ничего не приходит, – говорил он Жанетте. – Там англичане. И как долго, вы думаете, будет поступать оброк с ферм вашего отца? Англичане скоро захватят и их.

Английское войско заняло не имеющий стен Трегье – городок всего в часе ходьбы на север, и там они снесли колокольню собора, так как с нее порой стреляли арбалетчики. Бела надеялся, что англичане скоро отступят, ведь стояла глубокая зима и их запасы должны были иссякнуть. Но он опасался, что до ухода иностранные войска успеют разорить окрестности Ла-Рош-Дерьена. А если так, фермы Жанетты потеряют всякую ценность.

– Сколько оброка вы получите с сожженного поместья? – спрашивал он.

– Мне наплевать! – огрызалась она. – Если придется, я все продам, все!

Кроме доспехов и оружия мужа. Эта драгоценность должна была перейти когда-нибудь к ее сыну.

Бела только вздыхал от ее глупости. Он закутался в черный плащ и склонился к еле теплившемуся огоньку в камине. С моря дул холодный ветер, и дымоход дымил.

– Позвольте дать вам совет, мадам? Прежде всего о делах. – Бела замолчал и вытер нос длинным рукавом. – Это неприятно, но я могу подыскать вам надежного человека, чтобы управлять поместьями, как делал ваш отец. Я составил бы договор, согласно которому он выплачивал бы вам с доходов изрядную сумму. А кроме того, мадам, вам нужно подумать о повторном браке.

Он помолчал, ожидая протеста, но Жанетта ничего не сказала.

Бела вздохнул. Она так прелестна! С дюжину горожан женились бы на ней, но брак с аристократом вскружил ей голову. Теперь она согласится только на мужа с титулом.

– Вы вдова, мадам, – осторожно продолжил стряпчий, – владеющая в настоящий момент значительным состоянием. Но я видывал, как такие состояния тают, подобно снегу в апреле. Найдите человека, который позаботится о вас, вашей собственности и о вашем сыне.

Жанетта повернула голову и посмотрела на него.

– Моим мужем был лучший человек в христианском мире, – проговорила она, – и где же, по-вашему, я найду другого такого?

Людей вроде графа Арморика, подумал стряпчий, полно повсюду, в этом-то и беда, поскольку кто же еще, кроме таких болванов в доспехах, считает войну развлечением вроде турнира? А Жанетте следует выйти за расчетливого купца, возможно вдовца с состоянием. Но Бела подозревал, что такой совет пропадет даром.

– Помните старую поговорку, моя госпожа? – проговорил он лукаво. – Поставь кошку стеречь стадо, и волки будут сыты.

При этих словах Жанетта затряслась от злобы.

– Вы переходите границы, мсье Бела, – ледяным голосом проговорила она и отпустила его.

А на следующий день к Ла-Рош-Дерьену подошли англичане. Жанетта, взяв из кладовки, где хранила свои сокровища, арбалет умершего мужа, присоединилась к защитникам на стене. К черту советы стряпчего! Она будет сражаться, как мужчина, и презиравший ее герцог Карл научится восхищаться ею, он поддержит ее и вернет имения умершего мужа ее сыну.

Вот так Жанетта стала Черной Пташкой, и англичане гибли под стенами, и совет стряпчего Бела был забыт, и теперь, считала Жанетта, защитники города так потрепали англичан, что осада скоро будет снята. Все будет хорошо. С этой надеждой Черная Пташка впервые за неделю крепко уснула.

Томас сидел на берегу реки. Он проломился сквозь ольшаник к реке и здесь стянул сапоги. Лучше идти босиком, решил он, чтобы сапоги не увязли в грязи. Наступал холод, мороз, но Томас не мог вспомнить более счастливого времени. Ему нравилась такая жизнь. Воспоминания о Хуктоне, Оксфорде и отце почти стерлись.

– Снимите сапоги, – велел он сопровождавшим его двадцати стрелкам, – и повесьте мешки со стрелами на шею.

– Это еще зачем? – вызывающе спросили из темноты.

– Чтобы удавиться! – рявкнул Томас.

– Чтобы стрелы не намокли, – услужливо объяснил кто-то.

Томас повесил свой мешок на шею. Стрелки, в отличие от охотников, не носили колчанов. Колчаны сверху были открыты, и стрелы могли вывалиться, когда лучник бежал, спотыкался или перелезал через забор. В колчане стрелы намокали во время дождя, а с мокрым оперением летели криво. Поэтому настоящие стрелки пользовались вощеными холщовыми мешками, которые не промокали. Такие мешки затягивались шнурком. В них вставляли лозу, расправлявшую холст, чтобы не помять оперение.

Уилл Скит подошел к краю берега, где дюжина солдат настилала плетень. Он поежился от дувшего с реки холодного ветра. Небо на востоке еще оставалось темным, но от сторожевых огней в Ла-Рош-Дерьене падал какой-то свет.

– У них там тихо и спокойно, – сказал Скит, кивнув в сторону города.

– Помолимся, чтобы они спали, – ответил Томас.

– К тому же на кровати. Я уже забыл, что такое кровать, – проговорил Скит и отодвинулся, пропуская еще кого-то к воде.

Томас удивился, увидев сэра Саймона Джекилла, который так пренебрежительно держался с ним в шатре графа.

– Сэр Саймон хочет поговорить с тобой, – проговорил Скит, едва скрывая презрение.

Рыцарь сморщил нос от вони, издаваемой речной грязью. Большую часть ее, видимо, составляли городские нечистоты, и он радовался, что ему не нужно шлепать босиком по этой жиже.

– Ты уверен, что пройдешь через частокол? – спросил сэр Саймон Томаса.

– Иначе бы и не пошел, – ответил тот, не утруждая себя почтительностью.

Его тон возмутил рыцаря, но он сдержался.

– Граф, – сухо проговорил сэр Саймон, – оказал мне честь возглавить атаку на стену.

Он замолк. Томас ждал продолжения, но рыцарь только раздраженно смотрел на стрелка.

– Значит, Томас возьмет стену, – наконец проговорил Скит, – чтобы обеспечить безопасность вашим лестницам?

– Чего я хочу, – сказал сэр Саймон, игнорируя Скита и обращаясь к Томасу, – это чтобы ты не пускал своих парней в город раньше моих. Увидев вооруженных людей, мы, вероятно, будем убивать их, ты понял?

Томас едва не плюнул. Английские стрелки вооружены длинными луками, так что их трудно перепутать с защитниками города. Но он придержал язык и просто кивнул.

– Ты со своими лучниками можешь присоединиться к штурму, – продолжал сэра Саймон, – но под моим командованием.

Томас снова кивнул, и сэра Саймон, раздраженный этой затаенной дерзостью, повернулся и пошел прочь.

– Чертов ублюдок, – сказал Томас.

– Просто хочет сунуть рыло в корыто раньше нас всех, – откликнулся Скит.

– Ты дашь этой скотине воспользоваться нашими лестницами? – спросил Томас.

– Если хочет лезть первым – пусть лезет. Лестницы из невыдержанной древесины, Том, и если сломаются, то пусть лучше под ним, чем подо мной. Кроме того, мне думается, нам лучше пойти вместе с тобой по реке, но я не сказал об этом сэру Саймону.

Скит осклабился, а потом выругался – из темноты к югу от реки донесся какой-то треск.

– Проклятые «белые крысы»! – сказал йоркширец и исчез во мраке.

Белыми крысами называли бретонцев, хранивших верность герцогу Иоанну, так как они носили его герб с белым горностаем. Стрелков Скита усилили примерно шестьюдесятью бретонскими арбалетчиками. Их задачей было осыпать стену стрелами, когда приставят лестницы. Это они нарушили ночную тишину, и теперь шум все усиливался. Какой-то дурень в темноте оступился и толкнул другого арбалетчика с большим щитом за спиной – под такими щитами арбалетчики перезаряжали свое сложное оружие. Солдат ответил затрециной, и внезапно среди «белых крыс» в темноте вспыхнула драка. Защитники, естественно, услышали и начали метать со стен охапки горящей соломы, потом церковный колокол ударил в набат, к нему присоединился другой колокол. Все произошло задолго до того, как Томас пустился через грязь.

Сэр Саймон Джекилл, встревоженный набатом, приказал начинать штурм.

– Тащите вперед лестницы! – ревел он.

По стенам бежали защитники города, и из Ла-Рош-Дерьена в свете яркого огня горячей соломы полетели первые арбалетные стрелы.

– Тащите же эти чертовы лестницы! – прорычал своим людям Уилл Скит и взглянул на Томаса. – Ты как считаешь?

– Думаю, эти ублюдки ополоумели, – сказал тот.

– Значит, пойдешь?

– Ничего не остается, Уилл.

– Чертовы «белые крысы»!

И Томас повел своих людей через грязь. Плетеные мостки отчасти облегчали путь, но не настолько, как он предполагал. Стрелки по-прежнему вязли, пробираясь к частоколу, и Томасу казалось, что от их шума проснулся бы сам король Артур со своими рыцарями. Но защитники производили еще больше грохота. На всех колокольнях били в колокола, пронзительно кричали трубы, вопили люди, лаяли собаки, кукарекали петухи, трещали и шелкали арбалеты.

Справа от Томаса маячила стена, и он гадал, там ли сейчас Черная Пташка. Он видел ее дважды, и его пленили ее яростное лицо и растрепанные черные волосы. Два десятка других стрелков тоже видели ее. Все они могли попасть в браслет со ста шагов, и все же эта женщина оставалась жива.

«Удивительно, – думал Томас, – что может сделать хорошенькая мордашка».

Он бросил последнюю плетенку и добрался до деревянных кольев, каждый из которых представлял собой вбитый в грязь ствол дерева. К Томасу присоединились другие стрелки и налегли на частокол – он сломался, как соломенный. При падении колья произвели страшный грохот, но его заглушил шум в городе. Возле Томаса оказался Джейк, косоглазый убийца из эксетерской тюрьмы. Справа виднелся деревянный причал с грубо сколоченной лестницей на краю. Светало, и в слабом сером свете на востоке вырисовывались очертания моста через Жоди. Это был красивый каменный мост со сторожевой башней на дальнем конце, и Томас

испугался, что ее гарнизон может увидеть их. Но никто не поднял тревогу, и ни одна арбалетная стрела не перелетела реку.

Томас и Джейк первыми поднялись по лестнице на причал, за ними последовал Сэм, самый молодой из стрелков Скита. Бревенчатый помост служил складом строевого леса. Среди сложенных бревен бешено залаяла собака, но Сэм с ножом в руке скользнул в темноту, и лай внезапно прекратился.

– Хороший песик, – проговорил вернувшийся Сэм.

– Надеть тетивы, – велел Томас.

Он сам натянул пеньковую тетиву на свое черное оружие и теперь развязывал шнурок на мешке со стрелами.

– Терпеть не могу собак, – сказал Сэм. – Одна укусила мою мать, когда та была беременна мной.

– Вот почему ты такой тупой, – проговорил Джейк.

– Заткните пасти, – приказал Томас.

Все новые стрелки залезали на причал, который угрожающе качался. Томас увидел, что на стене, которую ему предстояло захватить, уже полно защитников. Посверкивая ярким белым оперением в свете зажженного горожанами огня, английские стрелы перелетали через стену и втыкались в соломенные крыши.

– Пожалуй, нам лучше открыть южные ворота, – предложил Томас.

– Идти через весь город? – в панике спросил Джейк.

– Это маленькое городишко.

– Ты совсем рехнулся, – сказал Джейк, но его ухмылка говорила об одобрении.

– Я все-таки пойду, – проговорил Томас.

На темных улицах никто не должен заметить их длинные луки. Томас решил, что большой опасности не будет.

За Томасом последовало двенадцать человек, остальные начали грабить ближайшие дома. Все больше и больше солдат проникало через сломанный частокол – их послал на берег Скит, не дожидаясь, пока будет захвачена стена. Защитники заметили людей, пробирающихся по грязи, и начали стрелять в них со стены, но первые штурмовики уже ворвались на улицы.

Томас и его люди блуждали в городе. В узких улочках стояла кромешная тьма, и было трудно разобрать, куда идти. Взобравшись на холм, на котором был построен город, он решил, что если теперь спуститься с него, то в конце концов выйдешь к южным воротам. Мимо бежали горожане, но никто не замечал, что он и его товарищи – англичане. Колокола оглушали. Плакали дети, выли собаки, кричали чайки. Шум ужаснул Томаса. Глупая идея, подумал он. Может быть, сэр Саймон уже поднялся на стену? Может быть, они тут зря теряют время? Но стрелы с белым оперением по-прежнему втыкались в крыши городских домов, говоря, что стена еще не взята, и потому Томас ускорил шаг. Дважды лучники оказывались в тупике и во второй раз, вернувшись на улицу пошире, чуть не наткнулись на священника, который вышел из церкви, чтобы вставить факел в скобу на стене.

– Идите на стену! – сурово велел священник, но потом заметил в руках у стрелков длинные луки и открыл рот, порываясь крикнуть.

Но крикнуть он не успел, так как в живот ему вошла стрела из лука Томаса. Священник согнулся, хватая ртом воздух, и Джейк мимоходом перерезал ему горло. С бульканьем несчастный осел на бульжную мостовую, а когда он затих, Джейк нахмурился.

– За это я попаду в ад, – проговорил он.

– Ты все равно туда попадешь, – заметил Сэм. – Как и все мы.

– Мы попадем на небеса, – возразил Томас, – если только не будем попусту терять время.

Он вдруг обнаружил, что уже не так боится, будто смерть священника забрала страх. Одна стрела попала в церковную колокольню и упала в переулочек. Томас провел своих людей

мимо церкви и оказался на главной улице Ла-Рош-Дерьена, которая спускалась к сторожевому огню у южных ворот. Томас юркнул обратно в переулок у церкви. На улице было полно народу, но все бежали в ту сторону, где стене угрожал штурм, и, когда он выглянул во второй раз, поблизости никого не оказалось. Только над воротами виднелись двое часовых, и Томас указал на них своим стрелкам:

– Они, наверное, перепуганы до смерти. Убьем ублюдков и откроем ворота.

– Поблизости могут быть другие, – сказал Сэм. – Здесь должно быть караульное помещение.

– Тогда убьем и их, – сказал Томас. – Ну, за мной!

Они вышли на улицу, пробежали несколько ярдов и натянули луки. Просвистели стрелы, и двое часовых упали. Из караульного помещения в башне над воротами вышел человек и вытаращился на стрелков. Но не успели они натянуть луки, как он скрылся внутри и забаррикадировал дверь.

– Ворота наши! – крикнул Томас и с яростным воодушевлением повел своих людей к арке.

Караульное помещение оставалось запертым, так что никто не помешал стрелкам поднять засов и распахнуть ворота. Солдаты графа, увидев открытые ворота и очертания английских лучников на фоне сторожевого огня, издали в темноте дикий крик, который дал понять Томасу, что в ворота хлынул поток разъяренных солдат.

И это означало, что для Ла-Рош-Дерьена настала пора скорби. Англичане взяли город.

Жанетта проснулась от звона колоколов. Казалось, что настал Страшный суд, когда мертвые встают из могил и для грешников широко распахиваются ворота ада. Первым ее порывом было броситься к кровати сына, но с маленьким Шарлем все было в порядке. В темноте, чуть рассеиваемой рдеющими в очаге углями, она увидела его глаза.

– Мама! – позвал мальчик, протягивая к ней ручки.

– Тише, – сказала она и подбежала к окну, чтобы открыть ставни.

Над восточными крышами занимался рассвет. На улице раздался топот. Высунувшись из окна, Жанетта увидела людей, выбегающих из домов с мечами, арбалетами и копьями. В центре города пропела труба, потом в уходящей ночи забили набат новые колокола. Колокол в церкви Богородицы треснул и издавал глухой звук, как будто молот стучал по наковальне, и от этого было еще страшнее.

– Мадам! – выкрикнула служанка, вбегая в комнату.

– Похоже, англичане напали.

Жанетта старалась говорить спокойно. На ней была лишь льняная сорочка, и вдруг ее охватил озноб. Она натянула плащ, завязала его у шеи и взяла на руки ребенка.

– Все будет хорошо, Шарль, – попыталась она утешить сына. – Англичане снова пошли на штурм, вот и все.

Но сама она не была в этом уверена. Колокола били так неистово! Это был не размеренный бой, обычный сигнал о штурме, а панический звон, как будто звонари силились отбить атаку. Жанетта снова выглянула из окна и увидела мелькающие на фоне крыш английские стрелы. Было слышно, как они втыкаются в солому. Городские ребята считали за подвиг вытаскивать вражеские стрелы, и двое покалечились, упав с крыши. Жанетта подумала, что нужно одеться, но потом решила сначала выяснить, что происходит. Она отдала Шарля служанке, а сама побежала вниз по лестнице.

У черного хода ей встретилась одна из кухарок.

– Что происходит, мадам?

– Еще один штурм, вот и все.

Жанетта открыла засов и бросилась через двор к частному входу в церковь Святого Ренана в тот самый момент, когда одна стрела попала в колокольню и соскользнула во двор. Открыв дверь, молодая женщина ощупью поднялась по крутым ступеням, построенным ее отцом. Возвести колокольню Луи Алеви вдохновило не простое благочестие, но также и возможность смотреть на подходящие по реке корабли. К тому же с высокого каменного парапета открывался прекраснейший вид на Ла-Рош-Деръен. Жанетту оглушил бой раскачивавшегося во мраке колокола. Каждый удар бил по ушам будто не звуком, а всей своей массой. Она пробралась мимо колокола, толкнула люк на верхней лестнице и выбралась на крышу.

В город входили англичане. Она увидела поток людей, текущий вдоль края стены у реки. Они пробирались через грязь и толпились у сломанного частокола, как крысы. «Пресвятая Богородица! – подумала Жанетта. – Пресвятая Богородица! Да они уже в городе!»

Она поспешила вниз и крикнула священнику, тянувшему веревку колокола:

– Они здесь! Они в городе!

– Круши! Хватай! – орал англичане, воодушевляя себя на грабеж.

Жанетта пробежала через двор и вошла в дом. Она стала натягивать одежду, но обернулась, когда под окном раздались голоса, призывавшие к грабежу. Забыв про платье, Жанетта взяла на руки Шарля. «Матерь Божья, – молилась она, – позаботься о нас, позаботься о нас! Пресвятая Богородица, убереги нас!» И заплакала, не зная, что делать. Шарль тоже заплакал, потому что мать прижала его чересчур крепко. Она попыталась успокоить его. На улице раздались ликующие крики, и Жанетта, снова подбежав к окну, увидела, как к центру города течет людская темная река, ошестинившаяся сталью. Рыдая, она рухнула на пол у окна. Шарль ревел. В комнату вбежали две служанки, видимо полагая, что каким-то образом могут найти убежище у госпожи. Но спасения нигде не было. Пришли англичане. Одна из служанок закрыла на засов дверь спальни, но какая от этого могла быть польза?

Жанетта вспомнила о спрятанном оружии мужа, об остром испанском мече, и задумалась, хватит ли у нее мужества направить острие себе в грудь и броситься на клинок. «Лучше умереть, чем быть обесчещенной, – подумала она. – Но что будет с сыном?» Она рыдала от отчаяния, а потом услышала, как кто-то колотит в ворота. Похоже, действовали топором. Жанетта прислушалась к этим сокрушительным ударам, от которых сотрясался весь дом. В городе закричала какая-то женщина, потом другая, и раздались неудержимые радостные вопли англичан. Один за другим колокола в церквях затихали, пока не остался только треснутый колокол, разносивший свой ужас по крышам. Топор все еще рубил ворота. «Меня могут узнать», – подумала Жанетта. Раньше, торжествуя, она поднималась на стену, чтобы стрелять из арбалета мужа в осаждавших. У нее остался синяк на плече, но она радовалась боли, веря, что с каждой ее стрелой у англичан меньше шансов взять город.

Никто не думал, что они смогут чего-то добиться. И вообще, зачем они осадили Ла-Рош-Деръен? Пожиться здесь нечем. Как порт город почти бесполезен, поскольку большие корабли не могут подняться по реке даже во время прилива. Горожане полагали, что англичане просто устроили наглую демонстрацию своей силы и скоро бросят это дело и уберутся прочь.

Но теперь они были здесь. Когда звуки топора стихли, Жанетта закричала. Англичане пробрались внутрь и, несомненно, пытаются поднять засов. Она закрыла глаза и вздрогнула, услышав, как ворота скребут по булыжной мостовой. Они открылись. «О Матерь Божья, – молилась Жанетта, – пребудь с нами!»

Внизу с лестницы послышались голоса. По ступеням загромыхали сапоги. Мужские голоса что-то кричали на чужом языке.

«Пребудь с нами в наш смертный час, ибо пришли англичане!»

Сэр Саймон Джекилл пребывал в раздражении. Он приготовился лезть на стену, если стрелки Скита когда-нибудь захватят ее, в чем он сомневался. Но если все-таки захватят, он

собирался первым оказаться в городе. Сэр Саймон уже видел, как прорубается сквозь охваченных паникой горожан и находит для грабежа огромный дом.

Но все пошло не так, как он вообразил. Город проснулся, на стены высыпали защитники, лестницы так и не выдвинули к стенам, а люди Скита просто пробрались внутрь по грязи у кромки реки. Потом радостные крики у южной стены города возвестили, что ворота открылись, и это означало, что все чертово войско вошло в Ла-Рош-Дерьен раньше сэра Саймона. Он выругался. Теперь ему ничего не оставят!

– Мой господин? – прервал его размышления один из латников.

Он хотел узнать, как же они доберутся до женщин и добра за стенами, покинутыми защитниками города, которые бросились защищать свои дома и семьи. Все получилось бы быстрее, гораздо быстрее, если пройти по грязи. Но сэру Саймону не хотелось пачкать новые сапоги, и потому он велел выдвинуть вперед лестницы.

Лестницы были сделаны из непросохшего дерева, и, когда сэр Саймон взбирался наверх, ступени угрожающе прогибались. Но на стене не было защитников, чтобы помешать ему, и лестница выдержала. Забравшись в бойницу, он обнажил меч. На парапете лежало с полдюжины защитников, пораженных стрелами. Двое были еще живы, и сэр Саймон заколол того, что был ближе. Горожанин, видно, вскочил с постели, на нем не было ни кольчуги, ни даже кожаного камзола. И все же старый меч с трудом добил его. Этот меч не был рассчитан на колющие удары. Новые мечи из лучшей южноевропейской стали способны пробивать кольчугу и кожаный панцирь. Но с этим древним клинком сэру Саймону пришлось приложить всю свою зверскую силу, чтобы проткнуть грудную клетку. И каковы шансы, мрачно подумал он, найти оружие лучше в этом, с позволения сказать, городе?

Лестница вела на улицу, забитую английскими лучниками и латниками, измазанными в грязи по самые бедра. Они вламывались в дома. Один тащил убитого гуся, другой – кусок сукна. Грабеж начался, а сэр Саймон все еще был на стене. Он велел своим людям поспешить, и когда достаточное число собралось наверху, спустился и повел их по улице. Какой-то стрелок катил из погреба бочку, другой тащил за руку девушку. Куда же двинуться? Вот что волновало сэра Саймона. Ближайшие дома были уже разграблены, а крики из южной части возвещали, что туда вошло основное войско графа. Некоторые горожане, осознав, что все пропало, бежали от стрелков в надежде пересечь мост и скрыться в полях.

Сэр Саймон решил двинуться на восток. Солдаты графа были на юге, стрелки Скита оставались у западной стены, и восточный квартал обещал лучшую надежду на добычу. Рыцарь протолкался мимо грязных стрелков Скита и направил своих людей к мосту. Мимо пробежали перепуганные горожане, не замечая его и уповая, что он тоже их не заметит. Он перешел главную улицу, что вела к мосту, и увидел дорогу, уходящую к большим домам вдоль реки. «Купеческие, – подумал сэр Саймон. – Здесь живут жирные купцы с жирными доходами». А потом в свете поднимающегося солнца он увидел арку, украшенную гербом. Дом благородного рыцаря.

– У кого есть топор? – спросил сэр Саймон своих солдат.

Один из латников вышел вперед, и сэр Саймон указал на тяжелые ворота. На первом этаже дома были окна, но их защищали крепкие ставни. Это хороший знак. Сэр Саймон отошел, уступая латнику право сокрушить ворота.

Тот знал свое дело. Он прорубил дыру там, где, по его представлениям, должен был находиться засов. Когда дыра была проделана, латник просунул руку внутрь и отодвинул запор, чтобы сэр Саймон со своими людьми мог распахнуть ворота. Сэр Саймон оставил двоих охранять вход, дав наказ не подпускать грабителей к имуществу, а остальных повел во двор. Первым делом он увидел два корабля, пришвартованные у речного причала. Это были небольшие корабли, но любое судно представляло ценность, и сэр Саймон велел четверым своим стрелкам подняться на борт.

– Всем, кто придет, говорите, что корабли мои. Поняли? Мои!

Перед ним стоял выбор: кладовые или дом? А конюшня? Он велел двоим латникам разыскать конюшню и установить охрану у всех лошадей, какие там окажутся, потом пинком распахнул дверь дома и повел шестерых оставшихся солдат на кухню. Две женщины закричали. Он не обратил на них внимания: это были старые, безобразные кухарки, а он пришел за добычей побогаче. В дальнем конце кухни оказалась дверь, и сэр Саймон указал на нее одному из своих стрелков, а сам, держа меч перед собой, прошел через маленький темный зал в переднюю комнату. На стене там висел гобелен с изображением Бахуса, бога вина, и сэру Саймону пришла мысль, что за такими стенными покрытиями иногда прячут ценности. Поэтому он изрубил гобелен мечом, а потом сорвал с крючков, но там оказалась лишь штукатурка. Он раскидал стулья и тут увидел сундук с огромным темным висячим замком.

– Откройте, – приказал он стрелкам. – Все содержимое – мое!

Не обращая внимания на две книги, не нужные ни мужчине, ни скотине, вернулся в зал и взбежал по темной деревянной лестнице.

Наверху оказалась дверь в комнату, выходящую к фасаду дома. Дверь была заперта, и когда он попытался высадить ее, в комнате закричала женщина. Рыцарь отступил и, ударом каблука выбив замок, распахнул дверь настежь, так что она ударила в стену. Потом, сверкая мечом в бледном свете утра, вошел внутрь и увидел черноволосую женщину.

Сэр Саймон считал себя практическим человеком. Его отец, очень разумный человек, не желал, чтобы сын попусту тратил время на образование; впрочем, сэр Саймон выучился читать и мог, если припрет, что-нибудь написать. Но любил он полезные вещи – гончих собак и оружие, лошадей и доспехи – и презирал модный культ светскости. Его мать обожала трубадуров и вечно слушала баллады о рыцарях, таких благородных, что, по заключению сэра Саймона, в рукопашном бою они бы не продержались и двух минут. Баллады и стихи воспевали любовь, будто это была некая редкость, придававшая жизни очарование. Но сэр Саймон не нуждался в поэтах для определения любви, он понимал это чувство очень конкретно: завалить крестьянскую девку в поле или засадить пропахшей элем шляхе в таверне. Однако, увидев эту черноволосую женщину, он вдруг понял, что воспевали трубадуры.

Для сэра Саймона не имело значения, что женщина дрожит от страха, что ее волосы растрепались, а лицо залито слезами. Он сразу распознал красоту, и она поразила его как стрела. У него перехватило дыхание. Так вот что такое, оказывается, любовь! Это внезапное осознание, что он никогда не будет счастлив, пока эта женщина не станет принадлежать ему. И все сложилось чрезвычайно удачно, поскольку она была врагом, город подвергся разграблению, а он, сэр Саймон, в кольчуге, разгоряченный боем, нашел ее первым.

– Пошли прочь! – прорычал он прислуге в комнате. – Пошли прочь!

Служанки убежали в слезах, а сэр Саймон захлопнул ногой сломанную дверь и приблизился к женщине, которая съежилась с ребенком на руках у детской кровати.

– Кто вы? – спросил он по-французски.

Женщина попыталась говорить твердым голосом:

– Я графиня Арморика. А вы, мсье?

Сэр Саймон собрался было наградить себя званием пэра, чтобы произвести впечатление, но соображал он туго и потому услышал, как произносит свое настоящее имя. Постепенно до него доходило, что обстановка комнаты говорит о богатстве. Полог у постели покрывала густая вышивка, массивные подсвечники были из серебра, а стены по обе стороны от каменного камина были украшены дорогими резными панелями. Сэр Саймон придвинул маленькую кровать к двери, сочтя, что это обеспечит некоторое уединение, и подошел погреться у огня. Он сгреб угли к слабому огоньку и поднес к жару свои промерзшие перчатки.

– Это ваш дом, мадам?

– Мой.

– А не вашего мужа?

– Я вдова, – сказала Жанетта.

Богатая вдова! Сэр Саймон чуть не перекрестился от благодарности. Вдовы, которых он встречал в Англии, были наруганные старухи, а эта... Эта была совсем другое дело. Эта женщина была достойна победителя турниров и казалась достаточно богатой, чтобы спасти его от позора потерять все имущество и лишиться рыцарского звания. Может быть, ему даже хватит денег купить титул барона. Или... графа?

Он отвернулся от огня и улыбнулся ей:

– Это ваши корабли у причала?

– Да, мсье.

– По праву войны, мадам, теперь они мои. Все здесь теперь мое.

При этих словах Жанетта нахмурилась:

– По какому такому праву?

– По праву меча, мадам, но я думаю, вам повезло. Я предложу вам мою защиту.

Жанетта присела на край кровати и прижала к себе Шарля.

– Право рыцарства, милорд, обеспечивает мне защиту.

Она вздрогнула от крика женщины в соседнем доме.

– Рыцарства? – переспросил сэр Саймон. – Рыцарства? Я слышал упоминание о нем в балладах, мадам, но здесь у нас не баллада, а война. Наша задача – покарать сторонников Карла Блуаского за его мятеж против законного господина. А наказание мятежников и рыцарство – вещи несовместные. – Он прищурился, взглядываясь в ее лицо. – Вы – Черная Пташка! – воскликнул он, вдруг узнав ее в свете разгоревшегося огня.

– Черная пташка? – не поняла Жанетта.

– Вы стреляли в нас со стены! И стрела поцарапала мне руку!

Сэр Саймон был не столько разгневан, сколько изумлен. Он ожидал, что при встрече с Черной Пташкой придет в ярость, но реальность изменила его планы. И он ослабил.

– Вы зажмуриваетесь, когда стреляете из арбалета, вот почему промахнулись.

– Я не промахнулась! – в негодовании воскликнула Жанетта.

– Царапина, – сказал сэр Саймон, показывая прореху в рукаве кольчуги. – Но зачем же, мадам, вы сражались за ложного герцога?

– Мой муж, – с усилием выговорила она, – был племянником герцога Карла.

«Боже милостивый! – подумал сэр Саймон. – Боже милостивый! Вот уж действительно награда». И поклонился ей.

– Значит, ваш сын, – сказал он, кивая на Шарля, который тревожно смотрел на него, – нынешний граф?

– Да, – подтвердила Жанетта.

– Прекрасный мальчик, – заставил себя польстить сэр Саймон.

На самом деле Шарль показался ему досадной помехой, чье присутствие удерживало его от естественного порыва повалить Черную Пташку на спину и таким образом показать ей сущность войны. Но он четко сознавал, что эта вдова – аристократка, красавица и родственница Карла Блуаского, племянника короля Франции. Эта женщина означала богатство. Сэру Саймону нужно было заставить ее понять, что в ее же интересах разделить его планы.

– Прекрасный мальчик, мадам, – продолжил он, – которому нужен отец.

Жанетта уставилась на него. У сэра Саймона было тупое лицо: нос картошкой, крепкий подбородок и ни малейшего признака ума или сообразительности. Впрочем, ему хватило самоуверенности полагать, что она может выйти за него замуж. Неужели он серьезно говорил это? Жанетта испуганно вскрикнула, когда под окном раздалась злобная ругань. Несколько стрелков пытались прорваться через охраняемые ворота. Сэр Саймон открыл окно.

– Этот дом – мой! – прорычал он по-английски. – Идите поищите других цыплят для ощипывания. – Он снова повернулся к Жанетте. – Видите, мадам, как я вас защищаю?

– Значит, на войне существует рыцарство?

– На войне существует удача, мадам. Вы богаты, вы вдова, и вам нужен мужчина.

Она посмотрела на него огромными пленительными глазами, словно не веря в такую беззастенчивость, и просто спросила:

– Зачем?

– Зачем? – Вопрос удивил сэра Саймона, и он указал в сторону окна. – Послушайте эти крики! Вы женщина, а что, по-вашему, делают с женщинами в павшем городе?

– Но вы сказали, что защитите меня.

– Да.

Он начал теряться в этой беседе и подумал: «Эта женщина при всей своей красоте удивительно глупа», а вслух сказал:

– Я обеспечу вам защиту, а вы позаботитесь обо мне.

– Каким образом?

Сэр Саймон вздохнул.

– У вас есть деньги?

Жанетта пожала плечами:

– Внизу есть немного, милорд, спрятаны на кухне.

Рыцарь сердито нахмурился. Она принимает его за дурака? Думает, что он заглотит эту наживку и уйдет вниз, чтобы она вылезла в окно?

– Я кое-что понимаю в деньгах, мадам. Деньги никогда не прячут там, где их могут найти слуги. Их прячут в жилых комнатах. В спальне.

Сэр Саймон вытянул сундук и вывалил на пол белье, но там больше ничего не было, и тогда в приливе вдохновения он начал простукивать стенные панели. Он слышал, что такие панели часто скрывают тайники, и почти тут же был вознагражден сладостно гулким звуком.

– Нет, мсье! – воскликнула Жанетта.

Пропустив ее слова мимо ушей, сэр Саймон вынул меч и стал рубить известняковые панели. Они раскололись и вывалились из креплений. Он вложил клинок в ножны и схватился руками в перчатках за деревянные рамы.

– Нет! – вопила Жанетта.

Сэр Саймон остолбенел. За панелями были спрятаны деньги, целый бочонок монет, но главной добычей были не они. Главной добычей были доспехи и оружие, о которых сэр Саймон мог только мечтать. Блестящие латы с гравировкой на каждой пластине, инкрустированной золотом. Итальянская работа? А меч! Когда он вынул его из ножен, ему показалось, что он держит в руках сам Экскалибур². Клинок отливал синевой. Он был легче старого меча сэра Саймона и чудесно сбалансирован. Возможно, из знаменитых кузниц Пуатье, а то даже испанский.

– Они принадлежали моему мужу, – взмолилась Жанетта, – и это все, что у меня осталось от него. Они должны перейти к Шарлю!

Сэр Саймон не слушал. Пальцем в перчатке он провел по золотой инкрустации нагрудника. Один он стоит целого состояния!

– Это все, что осталось у него от отца, – умоляла Жанетта.

Рыцарь расстегнул перевязь. Старый меч упал на пол, и он опоясался мечом графа Арморика. Потом обернулся и посмотрел на Жанетту, любясь ее гладким, чистым лицом. Он давно мечтал о такой военной добыче и уже начал опасаться, что она никогда не встретится на его пути: бочонок монет, поистине королевские доспехи, клинок, выкованный для победителя, и женщина, которая вызовет зависть во всей Англии.

– Доспехи мои, – заявил он, – как и меч.

– Нет, мсье, пожалуйста!

² Экскалибур – меч короля Артура.

– А что вы сделаете? Купите их у меня?

– Если надо, то куплю, – сказала Жанетта, кивнув на бочонок.

– Это тоже мое, мадам, – ответил сэр Саймон и в доказательство отодвинул от двери заграждение, открыл ее и кликнул своих стрелков.

– Спустите все это, – велел он, указывая на бочонок и доспехи, – и чтобы все было в сохранности. Только не думайте, что я не пересчитал деньги. Ступайте!

Жанетта смотрела на этот грабеж. Она хотела заплакать, чтобы разжалобить его, но заставила себя сохранять спокойствие.

– Если вы украли все, что я имела, как же я выкуплю доспехи?

Сэр Саймон снова придвинул детскую кроватку к двери и обворожительно улыбнулся.

– У вас есть кое-что, чтобы выкупить доспехи, моя милая, – проворковал он. – То, чем обладает всякая женщина. Можете воспользоваться этим.

Жанетта закрыла глаза и в течение нескольких секунд слушала, как бьется ее сердце.

– И все рыцари Англии таковы? – спросила она.

– Во владении оружием не многие сравнятся со мной, – с гордостью проговорил сэр Саймон.

Он уже хотел рассказать о своих триумфах на турнирах, уверенный, что это произведет на нее впечатление, но она ледяным тоном прервала его:

– Я хотела узнать, все ли английские рыцари воры, трусы и грубияны.

Сэра Саймона удивило это оскорбление. Женщина, похоже, просто не понимала, как ей повезло. Он отнес это на счет ее прирожденной глупости и потому объяснил:

– Вы забываете, мадам, что победители на войне получают добычу.

– И я – ваша добыча?

«Нет, это хуже, чем просто глупость», – подумал сэр Саймон. Но кому нужен в женщине ум?

– Мадам, – сказал он, – я ваш защитник, покровитель. Если я покину вас, если сниму свое покровительство, то на лестнице выстроится очередь, чтобы вспахать вас. Теперь вы наконец поняли?

– Я думаю, – холодно проговорила Жанетта, – что граф Нортгемптонский обеспечит мне лучшую защиту.

«Боже правый! – подумал сэр Саймон. – Да эта сучка совсем тупая. Бесполезно пытаться ее образумить, поскольку с такой тупостью она все равно ничего не поймет, так что надо проламывать брешь».

Он быстро прошел через комнату, выхватил Шарля из рук матери и швырнул в кроватку. Жанетта закричала и попыталась оттолкнуть обидчика, но сэр Саймон перехватил ее руку и перчаткой ударил женщину по лицу. Когда она замерла от боли, он разорвал завязки у нее на плаще и грубо разодрал сорочку от груди донизу. Жанетта закричала и попыталась прикрыть наготу, но сэр Саймон развел ее руки и застыл в изумлении. Она была безупречна!

– Нет! – рыдала Жанетта.

Сэр Саймон грубо швырнул ее на кровать.

– Вы хотите, чтобы ваш сын унаследовал доспехи вашего изменника-мужа? Или его меч? Тогда, мадам, вам лучше быть поласковее с их новым владельцем. Я готов быть с вами добрым.

Он отцепил меч и уронил его на пол, потом задрал кольчугу и стал нащупывать завязки своих рейтуз.

– Нет! – вопила Жанетта, пытаясь выбраться с кровати, но сэр Саймон схватил ее за сорочку и так дернул, что ткань сползла до пояса.

Мальчик кричал, сэр Саймон возился со своими ржавыми перчатками, и у Жанетты было такое чувство, что в ее дом вошел дьявол. Она попыталась прикрыть наготу, но англичанин еще раз ударил ее по лицу и снова задрал свою кольчугу. За окном треснувший колокол в

церкви Богородицы наконец затих. Пришли англичане, у Жанетты появился поклонник, и весь город рыдал.

Когда ворота открылись, первой мыслью Томаса была не добыча. Он мечтал смыть с ног речную грязь. Что и проделал под бочкой эля в первой же встретившейся таверне. Хозяин таверны, здоровенный лысый верзила, по тупости своей встретил английских стрелков дубиной, и Джейк остановил его выстрелом из лука, а потом перерезал горло.

– Глупый сукин сын, – сказал стрелок. – Я и не собирался обижать его.

Сапоги убитого пришлись Томасу впору, и это было приятной неожиданностью, поскольку такое случалось редко. Найдя деньги хозяина таверны, стрелки пошли искать других развлечений. Граф Нортгемптонский, пришпоривая коня, носился туда-сюда по главной улице с бешеными глазами и криком предупреждал солдат, чтобы они не подожгли город. Он хотел, чтобы Ла-Рош-Дерьен остался крепостью: в качестве груды пепла город принес бы меньше пользы.

Грабежами занимались не все. Кое-кто постарше и даже некоторые молодые испытывали отвращение к этому и пытались обуздать дикий разгул. Но гораздо больше было других, видевших в павшем городе лишь удобный случай обогатиться. Отец Хобб, английский священник, питавший слабость к стрелкам Уилла Скита, пытался убедить Томаса и его отряд взять под защиту церковь, но у них на уме были другие удовольствия.

– Не марай свою душу, Том, – сказал отец Хобб, напоминая, что тот, как и прочие, накануне отстоял мессу.

Но Томас считал, что душа все равно замазывается, так лучше пусть это случится раньше, чем позже.

Он искал себе девушку, любую, так как большинство стрелков Уилла держали в лагере женщин. Раньше Томас жил с маленькой милой бретонкой, но перед самым началом зимней кампании она подхватила лихорадку, и отец Хобб отслужил по ней панихиду. Глядя, как тело девушки без савана швырнули в неглубокую яму, Томас вспомнил могилы Хуктона и свое обещание, данное умирающему отцу. Но теперь он постарался забыть об этом. Томас был молод и не страдал угрызениями совести.

Ла-Рош-Дерьен пал перед яростью англичан. В поисках денег солдаты разбирали крыши домов и ломали мебель. Всякого горожанина, пытавшегося защитить своих женщин, убивали. Всякую женщину, стремившуюся защитить себя, усмиряли кулаками. Некоторым удалось бежать, перебравшись через мост. Небольшой гарнизон на сторожевой башне отошел перед неминуемым нападением, и башенку заполнили графские латники. Это означало, что Ла-Рош-Дерьен закрыт и предоставлен своей судьбе. Некоторые женщины обрели убежище в церквях, и те, кому повезло, нашли там защитников. Но большинству не повезло.

Томас, Джейк и Сэм наконец отыскали еще не разграбленный дом, принадлежавший кожевнику, вонючему парню с безобразной женой и тремя малолетними детьми. Сэм, чье невинное лицо вызывало у незнакомых доверие, приставил к горлу младшего ребенка нож, и кожевник вдруг вспомнил, где спрятал свои деньги. Томас следил за Сэмом, боясь, что тот в самом деле перережет мальчику горло, поскольку этот парень, несмотря на розовые щеки и веселые глаза, был одним из самых страшных головорезов в отряде Уилла Скита. И Джейк, по мнению Томаса, был не лучше Сэма, хотя обоих он считал друзьями.

– Этот тип не богаче нас, – удивленно сказал Джейк, перебрав монеты кожевника и пододвинув треть кучки Томасу. – Хочешь его жену? – щедро предложил он.

– Боже, нет! Она косая, как ты.

– Правда?

Томас оставил Джейка и Сэма развлекаться, а сам пошел искать таверну, где можно поесть, выпить и обогреться. Он решил, что всех достойных внимания девиц уже переловили,

и потому снял с лука тетиву, протолкался мимо людей, растаскивающих содержимое стоявшей у дороги повозки, и нашел постоялый двор. Там по-матерински заботливая и к тому же умная вдовушка сберегла свое добро и дочерей, радушно встретив первых же латников, выставив им угощение и эль, а потом отчитав их за то, что они заляпали пол своими грязными ногами. Она как раз кричала на них, хотя мало кто понимал ее слова, и один из солдат буркнул Томасу, чтобы тот оставил в покое вдову и ее дочерей.

Томас поднял руки, показывая, что никому не собирается причинить вреда, а потом взял тарелку с хлебом, яйцами и сыром.

– А теперь заплати ей, – потребовал латник, и Томас покорно выложил на стойку несколько монет кожевника.

– Симпатичный паренек, – сказала вдова дочерям, и те захихикали.

Томас обернулся и стал их рассматривать.

– Самые красивые девушки в Бретани, – сказал он по-французски их матери, – потому что похожи на вас.

Этот комплимент, пусть и откровенно лживый, вызвал визгливый смех. Снаружи таверны стояли вопли и плач, а внутри было тепло и спокойно. Томас набросился на еду, но тут заявился отец Хобб, и хотя лучник пытался скрыться у вдовы в чулане, священник все равно его нашел.

– Я все высматриваю людей, кто взялся бы охранять церкви, Томас.

– А я собираюсь напиться, святой отец, – радостно проговорил тот. – Так напиться, чтобы одна из этих девушек показалась милой.

Он мотнул головой в сторону дочерей вдовушки. Отец Хобб критически осмотрел их и вздохнул:

– Ты умрешь, если столько выпьешь, Томас. – Он уселся за стол и, махнув девушкам рукой, указал на кружку Томаса. – Я выпью с тобой.

– А как же церкви?

– Все равно скоро все напьются и этот ужас кончится. Так всегда бывает. Видит бог, эль и вино – великие источники греха, но они же делают его кратковременным. Клянусь Богом, а на улице холодно. – Он улыбнулся. – Как твоя черная душа, Том?

Томас рассматривал священника. Ему нравился отец Хобб, маленький и жилистый, с копной непослушных черных волос и веселым лицом, покрытым крапинками от перенесенной в детстве оспы. Он был низкого рождения, сыном суссекского колесного мастера, и, как любой деревенский парень, здорово умел натягивать лук. Иногда он составлял компанию стрелкам Скита в их набегах на владения герцога Карла и охотно присоединялся к лучникам, когда они спешили вставали в боевой строй. Церковные законы запрещали священникам владеть острым оружием, но отец Хобб всегда заявлял, что пользуется тупыми стрелами, хотя они пробивали вражескую кольчугу не хуже других. Короче, отец Хобб был хорошим человеком, и единственным его недостатком был повышенный интерес к душе Томаса.

– Моя душа растворяется в эле, – сказал тот.

– Удобное слово, – отозвался священник. – Растворяется, а? – Он взял большой черный лук и грязным пальцем ткнул в серебряный значок. – Что-нибудь разузнал про это?

– Нет.

– А кто украл копьё?

– Нет.

– Тебя это больше не заботит?

Томас откинулся на скамье и вытянул длинные ноги.

– У меня и без того куча дел, святой отец. Мы побеждаем в этой войне, а что будет через год? Кто знает? Может быть, мы расшибем нос королю Франции.

Отец Хобб согласно кивнул, хотя, судя по его лицу, слова Томаса показались ему неуместными. Он провел пальцем по луже эля на столе.

– Ты дал обещание своему отцу, Томас, и сделал это в церкви. Разве не так ты сам говорил мне? Торжественно обещал, Томас, что вернешь копьё! Бог прислушивается к таким клятвам.

Томас улыбнулся:

– За стенами этой таверны, святой отец, столько насилия, убийств и воровства, что на небесах не хватит перьев, чтобы записать все грехи. А вы беспокоитесь обо мне!

– Да, Томас, беспокоюсь. Некоторые души лучше других. Я должен присматривать за ними всеми, но если у тебя в стаде чудесный агнец, то стараешься уберечь его.

Томас вздохнул:

– Когда-нибудь, святой отец, я разыщу человека, совершившего кражу, и воткну это чертово копьё ему в задницу, да так, что оно проделает дырку в черепе. Когда-нибудь. Хорошо?

Отец Хобб блаженно улыбнулся:

– Хорошо, Томас, но пока что есть небольшая церковь, которой пригодился бы лишний человек у дверей. Она полна женщин! И некоторые из них так прекрасны, что твое сердце разорвется от одного взгляда на них. А напиться сможешь потом.

– Неужели так прекрасны?

– О чем ты думаешь, Томас? Большинство из них похожи на летучих мышей и воняют как козлы, и все равно им нужна защита.

И Томас помог охранять церковь, а потом, когда войско так перепилось, что больше не могло бесчинствовать, вернулся в таверну вдовы, где напился до беспамятства. Он взял город, хорошо послужил своему господину и был доволен.

* * *

Томаса разбудил пинок. Пауза, потом новый пинок и кружка холодной воды в лицо.

– Боже!

– Это я, – сказал Скит. – Отец Хобб сказал мне, что ты здесь.

– О боже! – снова простонал Томас.

Голова трещала, в животе было кисло, к горлу подкатывала тошнота. Он слабо зажмурился на дневной свет, потом хмуро взгляделся в Скита:

– Это ты.

– Наверное, приятно быть таким умным. – Скит ослабил на Томаса, который совершенно голым лежал на соломе в конюшне у таверны с одной из дочек вдовы. – Ты, видать, напился по-королевски, раз нашел такие ножны для своего меча, – добавил он, взглянув на девицу, натянувшую на себя одеяло.

– Я был пьян, – простонал Томас. – И пьян до сих пор.

Он, пошатываясь, встал на ноги и надел рубашку.

– Тебя хочет видеть граф, – сообщил Скит, забавляясь.

– Меня? – встревожился Томас. – Зачем?

– Возможно, хочет выдать за тебя одну из своих дочерей. Боже правый, Том, посмотри на себя, в каком ты виде!

Томас натянул рейтузы и кольчугу, потом достал из соломы сапоги и надел поверх кольчуги суконный камзол. На камзоле был герб графа Нортгемптонского – три красно-зеленые звезды, выбитые на тройке львов. Томас плеснул в лицо водой и острым ножом поскреб щетину.

– Отпусти бороду, парень, – посоветовал Скит. – Это спасет от лишних хлопот.

– Зачем Билли хочет меня видеть? – спросил Томас, называя графа по прозвищу.

– После того, что творилось в городе вчера? – задумался Скит. – Он решил, что кого-нибудь надо повесить в назидание другим, и спросил, нет ли у меня какого-нибудь никудышного ублюдка, от которого нужно избавиться, и я вспомнил про тебя.

– Я чувствую себя так, что в самый раз повеситься.

Его едва не стошнило, и он выпил воды.

Вернувшись в центр города, Томас с Уиллом Скитом разыскали графа Нортгемптонского при исполнении служебных обязанностей. Здание, на котором красовался его флаг, видимо, было ратушей, хотя, вероятно, уступало размерами караульному помещению в собственном замке графа. Перед графом выстроилась черед просителей, умолявших о справедливости. Они жаловались на грабежи. Это было бессмысленно, учитывая, что жители отказывались сдать город. Но граф слушал довольно вежливо. Наконец один стряпчий по имени Бела, с хитрой, как у ласки, мордой, поклонился графу и долго причитал о том, какое обращение испытала графиня Арморика. Сначала Томас не вникал в его слова, но настойчивость в голосе господина Бела заставила его прислушаться.

– Если бы не вмешательство вашей светлости, – делано улыбаясь, говорил Бела графу, – графиня подверглась бы надругательству со стороны сэра Саймона Джекилла.

В стороне стоял сэр Саймон.

– Это ложь! – запротестовал он по-французски.

Граф вздохнул:

– Так почему же, когда я вошел, ваши штаны были спущены ниже колен?

Люди в зале засмеялись, а сэр Саймон покраснел. Томас перевел сказанное Уиллу Скиту, который кивнул, поскольку уже слышал эту историю.

– Ублюдок собирался осчастливить одну титулованную вдовушку, – пояснил он Томасу, – и тут входит граф. Понимаешь ли, услышал ее крики. И увидел герб на воротах. Аристократы не дают друг друга в обиду.

А стряпчий продолжал выдвигать обвинения против сэра Саймона. Похоже, тот объявил вдову и ее сына своими пленниками, за которых требовал выкуп. Он также похитил у вдовы два корабля, доспехи ее мужа, его меч и все деньги. Возмущенно изложив жалобы, Бела поклонился графу и подобострастно добавил:

– Вы имеете репутацию справедливого человека, милорд, и я веряю судьбу вдовы в ваши руки.

Графа Нортгемптонского удивили слова о его репутации.

– Чего вы хотите? – спросил он.

Бела приосанился:

– Возврата всего указанного, милорд, и защиты вдовы и ее благородного сына именем короля Англии.

Граф побарабанил пальцами по подлокотнику, потом хмуро посмотрел на сэра Саймона и сказал:

– Нельзя требовать выкуп за трехлетнего ребенка.

– Но он же граф! – запротестовал сэр Саймон. – Титулованная особа!

Граф вздохнул. Сэр Саймон, понял он, обладает умом бесхитростным, как у ищущего корм быка. Рыцарь не признавал другой точки зрения, кроме собственной, и думал лишь об удовлетворении своих appetitов. Возможно, это и делало его столь грозным воином, и тем не менее он оставался болваном.

– Мы не захватываем трехлетних детей с целью выкупа, – твердо сказал граф, – и не берем в плен женщин, если это не дает выгод, перевешивающих галантность, а тут я не вижу таких. – Граф обернулся к стоявшим у него за спиной секретарям. – Кого поддерживал Арморика?

– Карла Блуаского, милорд, – ответил один из них, высокий бретонец в сутане священника.

– У Арморики богатые поместья?

– Очень маленькие, милорд, – припомнил бретонец, шмыгая носом. – У него есть владения в Финистере, которые уже в наших руках, несколько домов в Гингаме, кажется, и больше ничего.

– Ну, – сказал граф, снова обращаясь к сэру Саймону, – какие же выгоды мы получим от трехлетки без гроша за душой?

– Не без гроша, – запротестовал сэр Саймон. – Я взял там богатые доспехи.

– Которые отец мальчика, несомненно, выиграл в бою!

– И дом богат. – Сэр Саймон начинал злиться. – Там корабли, склады, конюшни.

– Дом, – скучным голосом произнес секретарь, – принадлежал тестю графа. Кажется, торговцу вином.

Граф вопрошающе приподнял бровь в сторону сэра Саймона, который только качал головой, злясь на секретаря.

– Этот мальчик, милорд, – ответил рыцарь с подчеркнутой учтивостью, граничащей с дерзостью, – родственник Карла Блуаского.

– Но без гроша за душой, – сказал граф, – вряд ли он вызовет у него нежные чувства. Он скорее обуза, вам не кажется? И вообще, чего вы от меня хотите? Чтобы я заставил ребенка присягнуть истинному герцогу Бретани? Истинному герцогу, сэр Саймон, пять лет, и он сейчас в Лондоне. Это будет детский фарс! Трехлетний мальчик, приседающий перед пятилетним! И рядом их няньки? А потом будет пир с молочком и булочками? Или после церемонии устроим игру в «отними туфлю»?

– Графиня сражалась против нас на стене! – выдвинул последний аргумент сэр Саймон.

– Не спорьте со мной! – вскричал граф, стукнув по подлокотнику. – Вы забываете, что я здесь представитель короля и имею его полномочия!

Кипя гневом, он откинулся на спинку кресла, и сэр Саймон проглотил свою ярость, но не удержался и пробурчал себе под нос, что графиня стреляла из арбалета в англичан.

– Это Черная Пташка? – спросил Скита Томас.

– Графиня? Да, так говорят.

– Она красавица.

– После той девицы, с которой я нашел тебя нынче утром, что ты можешь понимать в красоте? – усмехнулся Скит.

Граф раздраженно взглянул на него и Томаса, а потом снова на сэра Саймона:

– Если графиня сражалась против нас на стенах, то я восхищаюсь ее силой духа. Что касается остального...

Он замолчал и вздохнул.

Бела посмотрел на него в ожидании, а сэр Саймон с подозрением.

– Два корабля, – объявил граф, – являются военной добычей и будут проданы в Англии или же поступят на службу королю, а вы, сэр Саймон, получите треть их стоимости.

Такое правило соответствовало закону. Одну треть получит король, одну треть – граф, а остальное достанется захватившему добычу.

– Что касается меча и доспехов...

Граф снова замолк. Он спас графиню от надругательства, и она ему нравилась. Он видел страдание на ее лице и слышал ее страстные жалобы, что у нее ничего не осталось от мужа, кроме драгоценных доспехов и прекрасного меча. Но такие вещи по самой своей природе являлись законным военным трофеем.

– Доспехи, оружие и кони – ваши, сэр Саймон, – сказал он, сожалея о таком решении, но зная, что оно справедливо. – Что касается ребенка, я объявляю над ним покровительство английской короны, а когда он достигнет должного возраста, то сам сможет решить, кому присягнуть в вассальной верности.

Граф взглянул на секретарей, удостоверившись, что они записывают его решение.

– Вы говорите, что хотите встать на постой в доме вдовы? – спросил он сэра Саймона.

– Я захватил его, – коротко ответил тот.

– И, как я слышал, разграбили до основания, – холодно заметил граф. – Графиня заявляет, что вы похитили ее деньги.

– Она лжет. – Сэр Саймон принял возмущенный вид. – Лжет, милорд, лжет!

Граф сомневался в этом, но вряд ли он мог бы обвинить рыцаря во лжи, не вызвав этим поединка. Уильям Богун никого не боялся, кроме своего короля, но ему не хотелось биться из-за такого пустяка. Он решил замять это и продолжил:

– Однако я обещал даме защиту против притеснений. – С этими словами он пристально посмотрел на сэра Саймона, а потом перевел взгляд на Уилла Скита и перешел на английский: – Ты бы хотел держать своих людей всех вместе, Уилл?

– Хотел бы, милорд.

– Тогда занимайте дом вдовы. И обращайтесь с ней почтительно, ты слышишь? Почтительно! Скажи это своим людям, Уилл!

Скит кивнул.

– Кто к ней прикоснется, тому я отрежу уши, милорд.

– Не уши, Уилл. Отрежь что-нибудь более соответствующее. Сэр Саймон покажет вам дом, а вы, сэр Саймон, – граф снова перешел на французский, – найдете себе ночлег где-нибудь в другом месте.

Рыцарь открыл было рот, но один лишь взгляд графа заставил его замолчать. Вперед вышел новый проситель, желая получить возмещение за разграбленный винный погреб. Но граф направил его к секретарям, чтобы те записали жалобы на пергамент и граф мог бы прочесть их позже, если найдет время, в чем сам сомневался.

Затем он подозвал к себе Томаса.

– Должен поблагодарить тебя, Томас из Хуктона.

– Поблагодарить меня, милорд?

Граф улыбнулся:

– Это ты нашел способ проникнуть в город, когда все прочие наши попытки кончились неудачей.

Томас покраснел:

– Рад стараться, милорд.

– Можешь просить награду. Таков обычай.

Томас пожал плечами:

– Я и так счастлив, милорд.

– Значит, ты счастливчик, Томас. Но я запомню, что в долгу перед тобой. И тебе спасибо, Уилл.

Уилл Скит ухмыльнулся:

– Если этот рехнувшийся осел не хочет награды, то я ее возьму.

Графу пришлось по душе его слова.

– В награду, Уилл, я оставляю тебя здесь. Даю тебе все вновь захваченные окрестности на опустошение. Клянусь, скоро ты станешь богаче меня. – Он встал. – Сэр Саймон проводит вас на постой.

Как ни унизителен для сэра Саймона был приказ исполнить роль проводника, рыцарь не проявил никакой досады и подчинился – возможно, ища новой возможности встретиться с Жанеттой – и в полдень повел Уилла Скита и его стрелков по улицам к большому дому у реки. Он облачился в новые доспехи и не надел плаща, так что полированные пластины и золотая чеканка ярко сияли на скупом зимнем солнце. Въезжая в ворота, сэр Саймон склонил голову в шлеме, и тут же из двери кухни, что слева примыкала к воротам, выскочила Жанетта.

– Убирайтесь! – закричала она по-французски. – Убирайтесь!

Томас, следовавший прямо за сэром Саймоном, уставился на нее. Это и в самом деле была Черная Пташка. Вблизи столь же прекрасная, как и в те минуты, когда она стояла на городской стене.

– Убирайтесь! Все убирайтесь! – кричала она, уперев руки в бока.

Рыцарь поднял свиное рыло забрала и с довольным видом проговорил:

– Этот дом конфискован, моя госпожа. Приказ графа.

– Граф обещал, что меня оставят в покое! – горячо запротестовала Жанетта.

– А потом его светлость передумал.

Она плюнула в рыцаря.

– Вы уже украли все, что у меня было, а теперь забираете и дом?

– Да, мадам, – сказал сэр Саймон и направил коня вперед, оттесняя ее. – Да, мадам, – повторил он и натянул поводья – его конь повернулся и опрокинул Жанетту на землю. – Я возьму ваш дом и все, что захочу, мадам.

Он смотрел, как веселятся стрелки при виде ее стройных голых ног. Жанетта одернула юбки и попыталась подняться, но сэр Саймон подогнал коня вплотную и заставил ее униженно проползти по двору.

– Дайте девчонке встать! – сердито крикнул Уилл Скит.

– Мы с ней старые друзья, мастер Скит, – ответил сэр Саймон, по-прежнему угрожая Жанетте тяжелыми конскими копытами.

– Я сказал, дайте ей встать и оставьте в покое! – прорычал Скит.

Сэр Саймон, оскорбленный приказом простолоудина, к тому же на глазах у стрелков, гневно обернулся. Но что-то в Уилле Ските заставило рыцаря промолчать. Скит был вдвое старше его и все эти годы провел в боях. Сэру Саймону хватило здравого смысла не устраивать ссоры.

– Дом ваш, мастер Скит, – снисходительно проговорил он, – но приглядывайте за его хозяйкой. У меня на нее есть планы.

Отогнав коня от Жанетты, которая была вся в слезах от унижения, рыцарь направил его прочь со двора.

Жанетта не знала английского, но поняла, что Уилл Скит вступился за нее, и поэтому, встав, обратилась к нему.

– Он украл у меня все! – сказала она, указывая на удалявшегося всадника. – Все!

– Ты понимаешь, что говорит эта девчонка, Том? – спросил Скит.

– Она не любит сэра Саймона, – лаконично ответил Томас.

Он прислонился к луке седла и смотрел на Жанетту.

– Ради бога, успокой ее, – велел Скит и повернулся в седле. – Джейк! Обеспечь коней водой и сеном. Питер, зарежь двух телок, чтобы мы могли поужинать, пока не стемнело. Остальные – хватит глазеть на девчонку! Устраивайтесь!

– Вор! – крикнула Жанетта вслед сэру Саймону, а потом обратилась к Томасу: – Кто вы такие?

– Меня зовут Томас, мадам. – Он соскочил с коня и бросил поводья Сэму. – Граф велел нам встать здесь на постой. И защищать вас.

– Защищать меня! – набросилась на него Жанетта. – Все вы воры! Как вы можете меня защищать? Для воров вроде есть место в аду, и оно похоже на Англию. Вы воры, все вы! Убирайтесь! Пошли вон!

– И не подумаем, – сказал Томас.

– Возможно ли, чтобы вы остались здесь? Я вдова! Вам не подобает здесь быть.

– Мы здесь, мадам, и нам с вами придется притерпеться друг к другу. Мы вас не тронем. Только покажите мне, где ваши личные комнаты, и я обеспечу, чтобы никто туда не вторгся.

– Ты? Обеспечишь? Ха! – Жанетта отвернулась и тут же снова повернулась к нему. – Хочешь, чтобы я показала мои комнаты, да? Чтобы узнать, где мои богатства? Так? Хочешь, чтобы я показала, как меня обокрасть? Почему бы мне просто все вам не отдать?

Томас улыбнулся:

– Кажется, вы сказали, что сэр Саймон уже все забрал?

– Он забрал все, все! Он не благородный рыцарь. Он свинья. Свинья! – Жанетта замолкла, подыскивая оскорбление повыразительнее. – Он англичанин! – Она плюнула Томасу под ноги и открыла дверь в кухню. – Видишь эту дверь, англичанин? Всё, что за ней, – личные помещения. Все! – Жанетта зашла, захлопнув за собой дверь, но тут же снова ее открыла. – А герцог еще придет. Настоящий герцог, не ваш сопливый, и вы все умрете. Вот так вот!

И дверь снова захлопнулась.

Уилл Скит усмехнулся:

– Ты ей тоже не понравился, Том. Что она говорила?

– Что все мы умрем.

– Да, это верно. Но у себя в постели, с Божьей милостью.

– И сказала, чтобы мы не входили в эту дверь.

– Здесь и кроме этого много места, – миролюбиво проговорил Скит, глядя, как один из стрелков замахивается топором, чтобы убить телку.

По двору потекла кровь, привлекая собак, а тем временем двое стрелков начали свежевать еще дергающееся животное.

– Слушайте! – закричал Скит, забравшись на деревянный чурбан у конюшни. – Граф распорядился не трогать девчонку, которая плюнула на Тома. Поняли, вы, шлюхины дети? Держите штаны завязанными, когда она рядом, иначе я вас выхолощу! Обращайтесь с ней подобающим образом и не входите в эту дверь. Вы уже порезвились и теперь можете взяться за настоящую солдатскую службу.

Через неделю граф Нортгемптонский, взяв большую часть войска, выступил к крепости города Финистера, в самое сердце сторонников герцога Иоанна. Командиром нового гарнизона он оставил Ричарда Тотсгема, но заместителем назначил сэра Саймона Джекилла.

– Графу самому не нужен этот ублюдок, – сказал Томасу Уилл Скит, – вот он и навязал его нам.

Поскольку Скит и Тотсгем были независимыми командирами, между ними могло возникнуть соперничество, но они уважали друг друга. Когда Тотсгем со своими людьми расположился в Ла-Рош-Деръене, обеспечивая его защиту, Скит стал рыскать по окрестностям, карая крестьян, плативших оброк и изъявлявших покорность герцогу Карлу. Эллекин вырвался на волю, чтобы стать проклятием Северной Бретани.

Разорять страну – дело нехитрое. Пусть дома и амбары были каменные, но их крыши горели еще как. Скот угоняли, а если его было слишком много, просто резали, а туши бросали в колодцы, чтобы отравить воду. Люди Скита жгли все, что могли сжечь, ломали все, что могли сломать, и отбирали все, что могли продать. Они убивали, насиловали и грабили. Страх перед ними выгонял людей из деревень, оставляя страну безлюдной. Это были всадники дьявола, и, опустошая вражеские земли, они выполняли волю короля Эдуарда.

Они уничтожали деревню за деревней: Кервек и Ланвеллек, Сен-Лоран и Ле-Сеп-Сен, Тонкедек и Бере и два десятка других селений, названия которых даже не удосужились узнать. Было время Рождества, и по скованным морозом полям медленно везли святочные поленья³ в высокие залы, где трубадуры пели баллады про короля Артура и его рыцарей, песни о благородных воинах, сочетавших в себе силу и сострадание, но в Бретани эллекин вел настоящую

³ По традиции в сочельник в очаге сжигают полено.

войну. Солдаты пришли не из баллад, это были покрытые шрамами свирепые вояки, находившие удовольствие в разрушении. Они швыряли горящие факелы на соломенные крыши и разрушали то, что строилось поколениями. Деревни, слишком маленькие, чтобы иметь название, вымерли. Крестьянские хозяйства остались только на широком полуострове между двумя реками к северу от Ла-Рош-Дерьена, так как они были нужны, чтобы снабжать гарнизон. Некоторые крепостные, оторванные от своей земли, были брошены на работы по надстройке городских стен, расширению зоны поражения перед бастионами и возведению новых заграждений у берега реки. Для бретонцев это была зима крайней нужды. С бушующей Атлантики налетели холодные дожди, а англичане опустошили поля.

Время от времени кто-то оказывал сопротивление. Храбрец мог выстрелить из арбалета с опушки леса, но люди Скита умели ловить и убивать таких врагов. Дюжина стрелков спешивалась и шла на врага спереди, в то время как двадцать других скакали ему в тыл. Вскоре раздавались крики, и к награбленному добавлялся еще один арбалет. Пойманного раздевали, калечили и вешали на дереве в назидание другим, чтобы никто не вздумал покушаться на эллекин. И уроки усваивались – таких засад становилось все меньше. Это было время уничтожений, а люди Скита богатели. Правда, бывали дни невзгод – дни, когда стрелки тащились под холодным дождем с израненными руками, в мокрой одежде. А еще Томас терпеть не мог, когда его людям выпадала обязанность вести в поводу запасных лошадей или отгонять в город угнанную скотину. С гусями было просто – им сворачивали шею и вешали на седло, но коровы были медлительны, козы своенравны, овцы тупы, а свиньи упрямы. Впрочем, в отряде хватало выросших в деревне парней, чтобы обеспечить доставку скота в Ла-Рош-Дерьен. Там животных сгоняли на площадь, ставшую скотобойней и провонявшую кровью. Уилл Скит тоже посылал возы с награбленным в город и большую часть переправлял морем домой, в Англию. Обычно это были скромные вещи: горшки, ножи, лемеха, зубья для бороны, скамейки, ведра, веретена – все, что можно продать. Говорили, что в Южной Англии не осталось ни одного дома, где бы не имелось хотя бы одного предмета, взятого грабежом в Бретани.

В Англии пели про Артура и Ланселота, про Гавейна и Персиваля, а в Бретани свирепствовал эллекин.

И Томас был счастлив.

Жанетте очень не хотелось признавать этого, но присутствие стрелков Уилла Скита облегчало ей жизнь. Пока они были во дворе, она чувствовала себя в безопасности. Она даже начала бояться долгих отлучек лучников из города, поскольку тогда ей не давал покоя сэр Саймон Джекилл. Жанетта считала его дьяволом. Глупым дьяволом, конечно, но от этого не менее бессовестным. Он был бесчувственным хамом, вбившим себе в голову, что графиня ничего так не хочет, как стать его женой. Иногда он принуждал себя к неуклюжей учтивости, но обычно держался развязно и грубо и всегда смотрел на нее как собака на говяжью вырезку. Он ходил к мессе в церковь Святого Ренана, чтобы приставать к Жанетте, и ей казалось, что, куда бы она ни пошла в городе, обязательно наткнется на него. Однажды, встретив Жанетту в переулке у церкви Богородицы, он притиснул ее к стене и сильными пальцами провел по груди.

– Мне кажется, мадам, мы подходим друг другу, – проговорил он со всей серьезностью.

– Вам нужна жена с деньгами, – ответила графиня, поскольку слышала о состоянии финансов сэра Саймона.

– У меня ваши деньги, – напомнил он, – и это уладило вопрос с половиной моих долгов, а деньги за корабли в большой степени покроют остальное. Но мне нужны не ваши деньги, моя милая, а вы.

Жанетта попыталась вырваться, но он крепко прижимал ее к стене.

– Вам нужен покровитель, дорогая, – сказал сэр Саймон и нежно поцеловал ее в лоб.

У него был противный рот с вечно мокрыми губами, как будто язык не умещался во рту, поэтому поцелуй получился влажный и к тому же вонял винным перегаром. Сэр Саймон провел рукой по ее животу, и Жанетта снова попыталась вырваться. Но он придавил ее всем своим телом и схватил за волосы под шапочкой.

– Вам понравится Беркшир, дорогая.

– Уж лучше жить в аду.

Он нашарил шнуровку ее корсажа. Жанетта тщетно пыталась оттолкнуть его. Ее спасло лишь появление в переулке отряда солдат. Их командир выкрикнул приветствие сэру Саймону, тот обернулся, чтобы ответить, и это позволило Жанетте ускользнуть. Оставив у него в руке шапочку, графиня побежала домой, где забаррикадировала двери и опустилась на пол, вся в слезах от злости и бессилия. Она ненавидела его.

Она ненавидела всех англичан и все же с течением недель заметила, что горожане начали одобрительно говорить о захватчиках, которые оставляли в Ла-Рош-Дерьене хорошие деньги. Английское серебро вызывало доверие, в отличие от французского, в которое добавляли свинец или олово. Присутствие англичан отрезало город от привычной торговли с Реном и Гингамом, но зато судовладельцы получили свободу торговать с Гасконью и Англией, и их доходы росли. Местные корабли нанимались для подвоза стрел английским войскам, и некоторые шкиперы доставляли кипы английской шерсти, которую перепродавали в других бретонских портах, все еще хранивших верность герцогу Карлу. Мало кому хотелось удаляться от Ла-Рош-Дерьена по суше, так как для этого требовалось разрешение от Ричарда Тотсгема, командира гарнизона. Хотя обрывок пергамента и защищал от эллекина, но от других грабителей, живших на опустошенных людями Скита фермах, не было никакого спасения. Суда из Ла-Рош-Дерьена и Трегье по-прежнему могли плавать в Пемполь или на запад, в Ланьон, и торговать с врагами Англии. Так из Ла-Рош-Дерьена доставлялись письма, и Жанетта почти каждую неделю писала герцогу Карлу о новостях и о переменах, которые англичане внесли в городские укрепления. Она никогда не получала ответа, но убеждала себя, что ее письма приносят пользу.

Ла-Рош-Дерьен процветал, а Жанетта терпела лишения. Дело ее отца продолжало свое существование, но доходы таинственно исчезали. Корабли побольше постоянно отходили от причалов Трегье, что находились в часе плавания вверх по реке, и, хотя Жанетта посылала их в Гасконь за вином для английского рынка, они никогда не возвращались. Или их захватывали французские корабли, или, более вероятно, капитаны начинали вести торговлю в свой карман. Семейные фермы к югу от Ла-Рош-Дерьена были разорены людьми Уилла Скита, и оброк от них пропал. Плабенек, вотчина ее мужа, находился в захваченном англичанами Финистере, и Жанетта не видела из этих земель ни гроша уже три года. К первым неделям 1346 года она была в совершенном отчаянии и вызвала к себе стряпчего Бела.

Бела испытал извращенное удовольствие, напомнив ей, как она не учла его советов. Не следовало снаряжать два военных корабля. Жанетта стерпела его напыщенность и попросила составить петицию о возмещении, чтобы послать в английский суд. Петиция касалась оброка с Плабеннека, который захватчики взяли себе. Жанетту уязвляло, что приходится просить денег у короля Англии Эдуарда III, но что еще оставалось? Сэр Саймон Джекилл довел ее до нищеты.

Бела сел за ее стол и сделал кое-какие заметки на куске пергамента.

– Сколько мельниц в Плабеннеке? – спросил он.

– Было две.

– Две, – повторил он, записав цифру, и осторожно добавил: – А вы знаете, что герцог сам заявил притязания на этот оброк?

– Герцог? – удивленно переспросила Жанетта. – На Плабенек?

– Герцог Карл заявляет на него права как на свое ленное владение, – сказал Бела.

– Возможно, но мой сын – граф.

– Герцог считает себя опекуном мальчика, – заметил Бела.

– Откуда вам все это известно?

Стряпчий пожал плечами:

– Я получал от людей герцога письма о делах в Париже.

– Какие письма? – насторожилась Жанетта.

– О других делах, – успокаивающим тоном сказал Бела, – совсем о других. Оброк от Плабеннека, я полагаю, поступал ежеквартально?

Жанетта с подозрением посмотрела на стряпчего:

– С чего бы это управляющим герцога упоминать в письме к вам Плабеннек?

– Они спрашивали, не знаю ли я владеющее им семейство. Разумеется, я ничего не выдал.

«Лжет», – подумала Жанетта. Она занимала у него деньги. На самом деле она была в долгу перед половиной купцов Ла-Рош-Дерьена. Несомненно, Бела сомневался, что она оплатит свои векселя, и надеялся, что в конце концов с ним рассчитается герцог Карл.

– Мсье Бела, – холодно проговорила графиня, – расскажите мне, что в точности вы сообщили герцогу и зачем.

Тот пожал плечами:

– Мне нечего сказать!

– Как здоровье вашей жены? – сладким голосом спросила Жанетта.

– С окончанием зимы ее боли проходят, слава богу. Она здорова, мадам.

– Надолго ли хватит ее здоровья, – саркастически проговорила Жанетта, – когда она узнает, чем вы занимаетесь с дочкой вашего секретаря? Сколько ей лет, Бела? Двенадцать?

– Мадам!

– Не называйте меня «мадам»! – Жанетта так толкнула стол, что чуть не опрокинула склянку с чернилами. – Так о чем вы переписывались с управляющими герцога?

Бела вздохнул. Он накрыл склянку с чернилами крышкой, положил перо и потер ладонями впалые щеки.

– Я всегда заботился о законных правах вашего семейства. Это мой долг, мадам, и иногда я должен делать вещи, которых предпочел бы избежать, но они тоже входят в мои обязанности. – Он чуть заметно улыбнулся. – Вы в долгах, мадам. Вы можете довольно легко спасти свои финансы, выйдя замуж за человека с состоянием. Но вам, похоже, не хочется идти этим путем, и потому я вижу в вашем будущем только разорение. Разорение. Хотите совет? Продайте этот дом, и вам хватит денег, чтобы прожить два-три года. За это время герцог, несомненно, прогонит англичан из Бретани, и вы с вашим сыном восстановите свои права на Плабеннек.

– Вы думаете, этих дьяволов так легко победить?

Жанетта вздрогнула. Она услышала на улице топот копыт и увидела, как во двор въезжают люди Скита.

Они смеялись и совсем не походили на людей, которых скоро разобьют. Жанетта опасалась, что их просто невозможно разбить из-за этой их беспечной самоуверенности, которая так ее бесила.

– Я думаю, мадам, – сказал Бела, – что вы должны решить, кто же вы есть. Дочь Луи Алеви? Или вдова Анри Шень? Вы торговка или аристократка? Если вы торговка, мадам, то выйдите замуж и успокойтесь. А если аристократка, то соберите все деньги, какие сможете, отправляйтесь к герцогу и найдите себе нового мужа с титулом.

Этот совет показался Жанетте дерзким, но она не возмутилась, а спросила:

– Сколько мы можем получить за этот дом?

– Я наведу справки, мадам, – ответил Бела.

Он уже знал ответ и знал, что Жанетте он не понравится. За дом в городе, занятом неприятелем, дадут лишь малую долю его истинной стоимости. Так что сейчас было не время сообщать сумму. Лучше подождать, пока она придет в полное отчаяние, и тогда стряпчий сам за гроши купит этот дом и разоренные поместья.

- В Плабеннеке есть мост через ручей? – спросил он, поддвигая к себе пергамент.
- Забудьте о петиции, – сказала Жанетта.
- Как хотите, мадам.
- Я обдумаю ваш совет, Бела.
- И не пожалеете об этом, – с готовностью ответил стряпчий.

Она запуталась, подумал он, запуталась и проиграла. Он получит ее дом и поместья, герцог присвоит Плабеннек, и она останется ни с чем. Чего и заслужила своим упрямством и заносчивостью, поднявшись слишком высоко над подобающим ей положением.

- Всегда к услугам вашей светлости, – смиренно сказал стряпчий.

Из чужого несчастья умный человек всегда сумеет извлечь выгоду, думал он. Жанетта созрела, чтобы ее ощипать. Поставь кошку пасти овец, и волки будут сыты.

Жанетта не знала, что делать. Ей не хотелось продавать дом, и она боялась, что продажа принесет мало денег. Но как их еще можно было достать? Примет ли ее герцог Карл? Он никогда не проявлял признаков дружелюбия с тех пор, как воспротивился ее браку с племянником, но, возможно, теперь смягчился? Может быть, он защитит ее? Решив помолиться, чтобы Бог подсказал ей нужное решение, она накинула на плечи шаль, прошла через двор, не обращая внимания на только что вернувшихся солдат, и направилась в церковь Святого Ренана. Там печально стояла статуя Богородицы, лишенная англичанами позолоченного нимба. Жанетта часто молилась образу матери Христа, веря, что она особенно печется о женщинах в беде.

Сначала ей показалось, что тускло освещенная церковь пуста, но потом Жанетта заметила прислоненный к колонне английский лук, а у алтаря – стрелка, преклонившего колени. Это был красивый парень – тот, что заплетал свои длинные волосы в косу и связывал ее тетивой. Жанетту это раздражало, она считала подобное признаком тщеславия. Большинство англичан стригли волосы, но те, что хотели порисоваться, отращивали их экстравагантно длинными. Она собиралась уже выйти из церкви, но ее заинтересовал оставленный лук; она взяла его и удивилась его весу. Тетива висела ненатянутая, и Жанетта задумалась, сколько нужно силы, чтобы согнуть этот лук и надеть ее на роговой конец. Она уперлась концом лука в каменный пол, пытаясь согнуть его, и тут же по каменным плитам пола к ее ногам подкатилась стрела.

- Если сможете натянуть тетиву, – проговорил Томас, по-прежнему стоя на коленях у алтаря, – получите право выстрелить.

Жанетта была слишком горда, чтобы признаться в неудаче, и слишком задета, чтобы не попробовать. Скрывая усилия, она лишь сумела чуть согнуть черное тисовое цевье и с гневом отшвырнула стрелу прочь.

- Одной из таких стрел убили моего мужа, – с горечью проговорила графиня.
- Я всегда удивлялся, почему вы, бретонцы и французы, не научитесь стрелять ими. Начните учить вашего сына лет в семь-восемь, и в десять он будет разить насмерть.
- Он будет рыцарем, как его отец.

Томас рассмеялся:

- Мы убиваем рыцарей. Их доспехи не настолько прочны, чтобы устоять против английских стрел.

Жанетта содрогнулась:

- О чем ты молишься, англичанин? О прощении?

Томас улыбнулся:

- Я возношу благодарность, мадам, за то, что мы шесть дней скакали по вражеской стране и не потеряли ни одного человека.

Он поднялся с колен и указал на красивую серебряную шкатулку на алтаре. Это была рака с маленьким хрустальным окошком, оправленным каплями цветного стекла. Томас заглянул в окошко и увидел маленький черный комочек плоти примерно с мужской большой палец.

- Что это? – спросил он.

– Язык святого Ренана, – вызываясь ответила Жанетта. – Когда вы вошли в город, его украли, но Господь проявил свою доброту, вор на следующий день умер, а реликвия вернулась на место.

– Господь действительно добр, – сухо заметил Томас. – А кто этот святой Ренан?

– Великий проповедник, изгнавший из наших поместий нэнов и гориков. Они все еще живут в диких лесах, но молитвы святого Ренана отпугивают их.

– Нэнов и гориков? – переспросил Томас.

– Это духи, – объяснила она. – Злые духи. Когда-то они заполонили все эти земли, и я каждый день молюсь святому, чтобы он изгнал эллекин, как раньше изгнал нэнов. Ты знаешь, что такое эллекин?

– Это мы, – с гордостью ответил Томас.

Жанетта поморщилась от его тона.

– Эллекин, – сказала она холодно, – это мертвецы, у которых нет души. Мертвецы, которые вели такую порочную жизнь, что дьявол возлюбил их и избавил от мук ада, он дает им своих коней и напускает на живущих. – Она подняла его черный лук и указала на серебряную пластинку. – У тебя даже на луке образ дьявола.

– Это йейл, – сказал Томас.

– Это дьявол, – возразила Жанетта и запустила в него луком.

Томас поймал его. Он был слишком молод, чтобы не порисоваться, поэтому небрежным движением, будто не прилагая никаких усилий, натянул на него тетиву.

– Вы молитесь святому Ренану, а я помолюсь святому Гинфорту, – сказал он. – Посмотрим, чей святой сильнее.

– Гинфорту? Никогда о нем не слышала.

– Он жил в Лионне.

– Ты молишься французскому святому? – удивилась Жанетта.

– Все время, – сказал Томас, потрогав засушенную собачью лапу у себя на груди.

Больше он ничего не рассказал графине об этом святом, любимце его отца, который в свои лучшие мгновения смеялся над этой историей.

Гинфорт был псом и, насколько знал отец Томаса, единственным животным, которое канонизировали. Пес спас младенца от волка, а потом был замучен хозяином, подумавшим, что это он съел ребенка, хотя на самом деле тот спрятал дитя под кроватью.

– Молитесь блаженному Гинфорту! – говорил отец Ральф в ответ на любые домашние беды, и Томас стал считать Гинфорта своим святым.

Иногда он задумывался, насколько полезен такой заступник на небесах. Впрочем, возможно, лай и поскуливание Гинфорта были столь же действенны, как мольбы любого другого святого. Но Томас был уверен, что мало кто еще использует пса в качестве заступника перед Богом и, возможно, это дает ему преимущество. Отец Хобб был шокирован, узнав о святом псе, но Томас, хотя и разделял иронию своего отца, искренне считал собаку своим покровителем.

Жанетте хотелось побольше узнать о блаженном святом Гинфорте, но она не собиралась заводить близких отношений с кем-либо из людей Скита и потому уняла свое любопытство и снова холодно сказала:

– Я хотела видеть тебя, чтобы сказать, что ваши мужчины и их женщины не должны пользоваться двором как отхожим местом. Я видела их из окна. Это отвратительно! Может быть, так полагается вести себя в Англии, но здесь Бретань. Можете пользоваться рекой.

Томас кивнул, но ничего не ответил. Он отнес свой лук в неф, одну сторону которого затеняли повешенные для починки рыбацкие сети, и отошел в западную часть церкви, разрисованную мрачными картинами Страшного суда. Праведники исчезали под стропилами, а проклятые грешники под радостные крики ангелов и святых падали в пламя ада. Томас остановился перед картиной.

– Вы когда-нибудь замечали, – сказал он, – что самые красивые женщины всегда падают вниз, а безобразные отправляются на небеса?

Жанетта было улыбнулась, поскольку сама часто задумывалась над этим, но прикусила язык и ничего не сказала. Томас снова подошел к нефу и встал у изображения Христа, идущего по морю, серому с белыми барашками, как океан у берегов Бретани. Из воды, взирая на чудо, высунула головы стайка скумбрии.

– Вы должны понять, мадам, – сказал Томас, глядя на любопытную скумбрию, – что наши люди не любят быть непрошеными гостями. Вы даже не позволяете им пользоваться кухней. Почему? Она достаточно велика, а они были бы рады найти место, где можно просушить сапоги после ночной скачки под дождем.

– Почему я должна пускать в свою кухню англичан? Чтобы вы и там устроили нужник?

Томас обернулся к ней:

– Вы не питаете к нам никакого уважения, мадам, так почему же мы должны уважать ваш дом?

– Уважать! – передразнила она. – Как я могу вас уважать? У меня украли все, что было мне дорого! Вы украли!

– Это сэр Саймон Джекилл, – сказал Томас.

– Вы или сэр Саймон – какая разница?

Томас подобрал стрелу и засунул в мешок.

– Разница в том, мадам, что я время от времени разговариваю с Богом, а сэр Саймон думает, что он сам бог. Я попрошу ребят мочиться в реку, но сомневаюсь, что они захотят доставить вам такое удовольствие.

Он улыбнулся ей и ушел.

Весна разбудила землю, зелень дымкой обволокла деревья, а извилистые тропы покрылись пестрыми цветами. На крышах вырос яркий мох, на живых изгородях появились белые кружева цветов, а у реки в листве ракич засустились зимородки.

За новой добычей людям Скита приходилось уходить все дальше от Ла-Рош-Дерьена. Порой в своих долгих рейдах они оказывались в опасной близости от Гингама, где располагался штаб герцога Карла, хотя городской гарнизон редко выходил, чтобы бросить вызов грабителям. Гингам лежал на юге, а на западе был Ланьон, городок куда меньше, но с гораздо более воинственным гарнизоном, который воодушевлял мессир Жоффрей де Пон-Блан, рыцарь, поклявшийся привести разбойников Скита в Ланьон в кандалах. Он заявил, что англичане будут сожжены на ланьонской рыночной площади как еретики и слуги дьявола.

Уилла Скита не обеспокоила эта угроза.

– Я мог бы на мгновение утратить сон, если бы у глупого ублюдка были настоящие лучники, – сказал он Тому, – но у него их нет, поэтому он может болтать сколько угодно. Как его настоящее имя?

– Жоффрей де Пон-Блан – то есть Джеффри с Белого моста.

– Рехнувшийся болван. Он бретонец или француз?

– Мне говорили, француз.

– Придется преподать ему урок, а?

Мессир Жоффрей упорно не хотел учиться. Уилл Скит раскидывал свои крылья все ближе и ближе к Ланьону, сжигая дома в пределах видимости с городских стен, пытаясь заманить мессира Жоффрея в засаду. Но тот видел, что могут сделать английские стрелы с конными рыцарями. Он отказывался вести своих солдат в лихую атаку, которая неминуемо закончилась бы свалкой ржущих коней и истекающих кровью людей. Вместо этого он с осторожностью преследовал Скита, выискивая место, где бы мог подстеречь англичан. Но Скит тоже не был дураком, и три недели два боевых отряда кружили и ускользали друг от друга. Присутствие мес-

сира Жоффрея затруднило передвижения Скита, но не остановило разрушений. Два отряда дважды сталкивались, и оба раза мессир Жоффрей бросал вперед своих пеших арбалетчиков в надежде, что они перестреляют лучников Скита. И оба раза более длинные стрелы из луков брали верх и мессир Жоффрей отходил, не вступая в бой, который он, скорее всего, проиграл бы. После второй нерешительной стычки он даже попытался воззвать к чести Скита. Французский рыцарь выехал один в таких же прекрасных доспехах, как у сэра Саймона Джекилла, хотя шлем у него был старомодным горшком с пробитыми дырами для глаз. Его плащ и попона на коне были темно-синего цвета, с вышитыми на них белыми мостами. Тот же герб красовался на щите. В руке рыцарь держал синее копьё, на котором развевался белый шарф в знак того, что он идет с миром. Скит выехал ему навстречу, взяв с собой Томаса в качестве толмача. Мессир Жоффрей снял шлем и провел рукой по слипшимся от пота волосам. Это был молодой парень с золотистыми кудрями, голубыми глазами и широким добродушным лицом. Томас решил, что этот человек, вероятно, понравился бы ему, не будь он врагом. Два англичанина натянули поводья, и рыцарь улыбнулся им.

– Что за глупое занятие, – сказал он, – пускать стрелы по теням друг друга. Я предлагаю вывести ваших латников на середину поля и встретиться с нами на равных.

Томас даже не дал себе труда перевести, зная, каков будет ответ Скита.

– У меня есть идея лучше: вы выведете своих латников, а мы – наших лучников.

Мессир Жоффрей как будто смешался.

– Ты здесь главный? – спросил он Томаса.

Раньше он принял за начальника старшего по возрасту, поседевшего Скита, но тот хранил молчание.

– Он потерял язык в боях с шотландцами, так что я говорю за него.

– Тогда скажи ему, что я хочу благородного боя, – с пылом проговорил мессир Жоффрей. – Дайте мне выпустить на вас моих всадников.

Он улыбнулся, словно признавая, что его предложение столь же разумно, сколь благородно и нелепо.

Томас перевел слова рыцаря Скиту. Уилл повернул коня и плюнул в клевер.

– Он говорит, – перевел Томас, – что наши лучники встретятся с вашими людьми. Дюжина стрелков против двух десятков латников.

Мессир Жоффрей печально покачал головой.

– Нет в вас духа состязания, англичане, – укоризненно сказал он, надел на голову свой шлем с кожаными завязками и ускакал прочь.

Томас пересказал Скиту, о чем они говорили.

– Чертов болван, – сказал тот. – Чего он хочет? Турнира? За кого он нас принимает? За рыцарей долбаного Круглого стола? Не знаю, что произошло с некоторыми людьми. Они перед своим именем приставили «сэр», и их мозги протухли. Сражаться честно! Кто-нибудь слышал о подобной глупости? Сражайся честно – и проиграешь. Чертов болван!

Мессир Жоффрей с Белого моста продолжал преследовать эллекин, но Скит не давал ему возможности сойтись в бою. За французскими силами всегда следил большой отряд стрелков, и когда солдаты из Ланьона вели себя слишком нагло, их кони могли получить стрелу с белым оперением. И мессир Жоффрей превратился в тень, но тень надоедливую и неотвязную, следовавшую за людьми Скита чуть ли не до ворот Ла-Рош-Дерьена.

Беда случилась на третий раз, когда он, хвостом следуя за Скитом, подошел к самому городу. Сэр Саймон Джекилл слышал о мессире Жоффрее и, предупрежденный дозорным на самой высокой колокольне, велел двум десяткам гарнизонных латников встретить эллекин. Скит был уже почти в миле от города, а мессир Жоффрей с пятьюдесятью латниками и таким же количеством конных арбалетчиков следовал позади Скита на расстоянии в полмили. Француз не доставлял Скиту больших бед. Если мессир Жоффрей хотел отправиться домой,

в Ланьон, и заявить, что преследовал эллекин до самого их логова, Скит с радостью был готов предоставить ему такое удовольствие.

Однако появился сэр Саймон, и воздух вдруг напитался хвастовством и высокомерием. Английские копыта взметнулись вверх, забрала поднялись, кони гарцевали. Сэр Саймон, громко вызывая на бой, поехал навстречу французским и бретонским всадникам. Уилл Скит устремился за рыцарем, советуя ему оставить убудка в покое, но йоркширец только зря надрывал голос.

Латники Скита шли в голове колонны, сопровождая захваченный скот и три повозки с награбленным, а арьергард составляли шестьдесят конных стрелков. Едва эти шестьдесят человек поравнялись с лесом, где во время осады Ла-Рош-Дерьена войско англичан стояло лагерем, как по сигналу Скита они разбились на две группы и скрылись в лесу по обе стороны от дороги. Там они спешили, привязали коней к ветвям и, взяв луки, пробрались на опушку. Дорога, окаймленная широкими зарослями травы, находилась между двумя группами стрелков.

Сэр Саймон повернул коня навстречу мессире Жоффрею.

– Скит, я хочу взять тридцать твоих латников, – безапелляционно заявил он.

– Хотите – хотите, – ответил Уилл Скит, – но взять – не возьмете.

– Черт возьми, стрелок, я твой начальник! – Сэр Саймон не мог поверить отказу. – Я твой начальник, Скит! Я не прошу, дурак, а приказываю.

Скит уставился в небо:

– Похоже, дождь начинается, вам не кажется? Нам не помешает дождичек. Поля пересохла, ручьи обмелели.

Сэр Саймон протянул руку и схватил его за локоть, разворачивая старого стрелка к себе:

– У него пятьдесят рыцарей, а у меня двадцать. Дай мне тридцать человек, и я возьму его в плен. Дай хотя бы двадцать!

Он почти умолял, все его высокомерие исчезло. Появилась возможность принять участие в настоящей стычке, всадник против всадника. Победитель получит славу и награду – пленников и коней.

Но Уилл Скит знал все про людей, коней и славу.

– Я здесь не для того, чтобы устраивать игры, – сказал он, освобождая руку, – и вы можете мне приказывать, пока у коров не вырастут крылья, но людей от меня не получите.

На лице сэра Саймона отразилось страдание, но тут дело решил мессир Жоффрей де Пон-Блан. Увидев, что его латники превосходят числом английских всадников, он приказал тридцати своим отъехать назад и присоединиться к арбалетчикам. Теперь два отряда всадников были равны, и мессир Жоффрей выехал вперед на своем вороном жеребце, покрытом синей-белой попоной с маской из вареной кожи, защищавшей морду, – шанфроном. Сэр Саймон двинулся ему навстречу в новых доспехах, но на его коне не было подбитой войлоком попоны и шанфрона, а ему хотелось иметь и то и другое, как хотелось и этого боя. Всю зиму он терпел невзгоды крестьянской войны, навоз и бойню, а теперь противник предлагал ему честь, славу и возможность захватить прекрасных коней, доспехи и хорошее оружие. Двое рыцарей отсалютовали друг другу, чуть опустив копыта, представились и обменялись приветствиями.

Уилл Скит присоединился к Томасу в лесу.

– Ты, может быть, болван с шерстью вместо мозгов, Том, – сказал он, – но многие гораздо тупее тебя. Посмотри на этих убудков! У обоих в голове совсем пусто. Если потрясти их за пятки, из ушей у них не вывалится ничего, кроме засохшего навоза.

Он сплюнул.

Мессир Жоффрей и сэр Саймон договорились о правилах боя – по сути, правилах турнира, только с возможным смертельным исходом, придающим состязанию дополнительную остроту. По соглашению выбитый из седла рыцарь оказывался вне боя, и его не полагалось

добивать, хотя можно было взять в плен. Пожелав друг другу удачи, противники развернулись и поскакали к своим.

Скит привязал коня к дереву и согнул свой лук.

– В Йорке есть место, где можно смотреть на сумасшедших, – сказал он. – Их держат в клетках, и ты платишь фартинг, чтобы войти и посмеяться над ними. Этих двух тупых ублюдков можно посадить туда же.

– Мой отец одно время тоже был сумасшедшим, – поведал Томас.

– Меня это не удивляет, парень, совсем не удивляет, – откликнулся Скит.

Он натянул тетиву на лук с вырезанными крестами.

Его стрелки наблюдали с опушки за латниками. Зрелище было впечатляющим, как турнир, только на этом весеннем лугу не было церемониймейстеров, чтобы спасти жизнь проигравшим.

Две группы всадников приготовились. Оруженосцы затагнули подпруги, воины подняли копья и проверили, что ремни на щитах должным образом подтянуты. Забрала с лязгом опустились, превратив мир всадников в темноту, прорезанную лучами дневного света. Рыцари отпустили поводья, чтобы тренированные кони скакали, повинаясь прикосновению шпоры и сжатию коленей: руки всадника заняты щитом и оружием. У некоторых было два меча – тяжелый, чтобы рубить, и полегче, чтобы колоть, и они убедились, что клинки легко выходят из ножен. Некоторые, чтобы перекреститься, передали копья оруженосцам, а потом взяли обратно. Коня топтались на лугу. Потом мессир Жоффрей опустил свое копьё в знак того, что все готово, сэр Саймон сделал то же, и сорок всадников пришпорили коней, устремляясь навстречу друг другу. Это были не легкокостные кобылы или мерины, на которых ездили стрелки, а тяжелые скакуны, только жеребцы, достаточно большие и сильные, чтобы нести латника и его доспехи. Коня фыркали, вздергивали голову и тяжело бежали рысью. Всадники взяли наперевес свои длинные копья. Один из людей мессира Жоффрея совершил ошибку новичка, слишком опустив копьё, так что конец воткнулся в сухой дерн, и всаднику еще повезло, что он не вылетел из седла. Копьё пришлось бросить и вынуть меч. Всадники пустили коней в легкий галоп, и один из воинов сэра Саймона отклонился влево – возможно, оттого, что его лошадь была плохо выезжена, – и столкнулся с соседним всадником; в результате по всему ряду прошла волна столкновений, в то время как шпоры принуждали лошадей продолжать галоп.

И противники сошлись.

Звук деревянных копий, ударивших в щиты и кольчуги, напоминал хруст ломающихся костей. Два всадника были выбиты из седла, но большинству удалось отбить копьё щитом, и, проносясь мимо противника, всадники бросили сломанные древки. Они укоротили поводья и обнажили мечи. Но наблюдающим стрелкам стало ясно, что враг получил преимущество. Оба выбитых из седла были англичане, и люди мессира Жоффрея оказались в более плотном строю. Когда они развернулись, приготовив оружие к сече, то действовали как дисциплинированное войско, сойдясь с людьми сэра Саймона меч к мечу. Один англичанин вылетел из сечи с отрубленной рукой. Из-под копыт жеребцов поднималась пыль и летел дерн. Чей-то конь без всадника бросился прочь. Мечи звенели, как молоты по наковальне. Огромный бретонец без герба на щите размахивал фальшионом – полумечом-полутопором – и орудовал его широким клинком с ужасающей ловкостью. Одному из англичан он расколол шлем вместе с черепом, и тот, шатаясь, покинул бой; кровь залила его кольчугу. Его конь остановился в нескольких шагах от гущи битвы, и латник медленно, очень медленно склонился вперед и соскользнул с седла. Одна нога зацепилась за стремя, а конь, будто не заметив его смерти, стал щипать траву.

Два воина сэра Саймона упали, и их отослали назад, где их взяли в плен французские и бретонские оруженосцы. Сам сэр Саймон свирепо сражался с двумя противниками, поворачивая коня то туда, то сюда. Одного он заставил покинуть бой с отрубленной рукой и обрушил

удары своего краденого меча на другого. У французов еще сражалось пятнадцать человек, а у англичан всего десять, когда чудовище с фальшионом решило разделаться с сэром Саймоном. Бретонец с ревом бросился вперед, но сэр Саймон принял щитом его удар и воткнул меч в кольчугу врага под мышкой. Когда он выдернул клинок, из прорехи в кольчуге и кожаном панцире гиганта хлынула кровь. Бретонец покачулся в седле, и сэр Саймон обрушил меч ему на затылок. Потом он развернул коня, чтобы отбить удар другого нападающего, снова повернулся и обрушил сокрушительный удар тяжелого меча на адамово яблоко гиганта. Тот выронил оружие и, схватившись за горло, поскакал прочь.

– Хорош, правда? – безразлично проговорил Скит. – С салом вместо мозгов, но сражаться умеет.

Но несмотря на удачу сэра Саймона, враг брал верх, и Томас собрался уже выдвинуть вперед своих стрелков. Им требовалось пробежать всего тридцать шагов к месту, откуда было бы легко перестрелять берущих верх вражеских всадников, но Уилл Скит покачал головой.

– Никогда не убивай двух французов, если можешь убить дюжину, Том, – укоризненно проговорил он.

– Но наших бьют! – запротестовал Томас.

– Зато это отучит их быть такими болванами, – с ухмылкой сказал Скит. – Подожди, парень, только подожди, и мы разделаемся с ними как следует.

Английских латников теснили, один лишь сэр Саймон мужественно сражался. Он был действительно хорош. Английский рыцарь вывел из строя огромного бретонца, а теперь схватился с четырьмя врагами и дрался с необыкновенной ловкостью. Остальные его воины, видя, что сражение проиграно и им не помочь сэру Саймону, окруженному вражескими всадниками, развернулись и дали деру.

– Сэм! – крикнул Уилл через дорогу. – Как только я дам сигнал, возьми дюжину людей и скачи прочь! Слышишь, Сэм?

– Ладно! – ответил тот.

Английские латники, некоторые истекая кровью, а один еле держась в седле, прогрохотали по дороге к Ла-Рош-Деръену. Французы и бретонцы окружили сэра Саймона, но мессир Жоффрей с Белого моста был романтиком и не стал убивать отважного противника; он приказал сохранить английскому рыцарю жизнь.

Сэр Саймон, вспотев, как боров, под кожаной и железной броней, поднял свиное рыло забрала.

– Я не сдаюсь, – сказал он мессир Жоффрею. Новые доспехи английского рыцаря были помяты, лезвие меча зазубрилось, но качество обоих помогло ему в бою. – Я не сдаюсь, – повторил он, – так что продолжим!

Мессир Жоффрей поклонился в седле.

– Приветствую вашу отвагу, сэр Саймон, – великодушно проговорил он. – Вы свободны и можете уйти с честью.

Француз махнул рукой своим латникам, и сэр Саймон, чудом сохранивший жизнь и свободу, с высоко поднятой головой поехал восвояси. Он обрек своих людей на беды и смерть, но сам вышел из положения с честью.

Мессир Жоффрей смотрел, как сэр Саймон едет по длинной дороге, запруженной латниками, за которыми виднелся скот и повозки с награбленным добром под эскортом стрелков Скита. Потом Уилл Скит что-то крикнул Сэму, и мессир Жоффрей вдруг увидел горстку стрелков, в панике скачущих во весь опор на север.

– Он попадется на это, – уверенно проговорил Скит, – спорим?

За последние несколько недель мессир Жоффрей доказал, что он не дурак, но в этот день он потерял голову. Увидев шанс захватить ненавистных стрелков эллекина, он подозвал оставшихся тридцать латников, бросил четверых пленных и девять захваченных коней на попечение

арбалетчиков и движением руки послал своих рыцарей в атаку. Несколько недель Уилл Скит ждал этого.

Услышав топот копыт, сэра Саймон в тревоге обернулся. Около пятидесяти закованных в латы всадников на больших конях мчались на него, и на мгновение он подумал, что они хотят схватить его, а потому прищпорил коня и погнал его к лесу. Но французские и бретонские всадники галопом промчались мимо. Сэр Саймон нырнул в густые ветви и обругал Уилла Скита, который не обратил на это внимания. Он следил за противником.

Мессир Жоффрей де Пон-Блан, возглавивший атаку, видел впереди только славу. Он забыл о стрелках в лесу или же уверовал, что все они сбежали после поражения рыцарей сэра Саймона. Мессир Жоффрей был на грани великой победы. Он отобьет награбленное и, что еще лучше, приведет ужасный эллекин на страшную смерть на ланьонской рыночной площади.

– Пора! – крикнул Скит, сложив ладони у рта. – Пора!

По обеим сторонам от дороги были стрелки, они выскочили из молодой весенней листвы и отпустили тетивы. Первая стрела Томаса еще не достигла цели, а вслед ей уже свистела вторая. «Смотри и стреляй, – вспомнил он, – не думай, не надо целиться!» Враги скакали плотной группой, и лучникам оставалось просто посылать длинные стрелы во всадников. Через мгновение атака превратилась в мешанину вставших на дыбы жеребцов, упавших людей, конского ржания и хлещущей крови. У врага не осталось шансов. Нескольким рыцарям, скакавшим в конце, удалось развернуться и умчаться прочь, но большинство попало в плотное кольцо стрелков, которые безжалостно посылали стрелы, пробивая кольчуги. Каждый, кто двигался, тут же получал три или четыре стрелы. Груда железа и плоти была утыкана перьями, но летели все новые стрелы, пробивая кольчуги и глубоко проникая в конские тела. Выжили лишь горстка людей в арьергарде и один всадник на самом острие атаки.

Это был мессир Жоффрей. Он на десять шагов опередил своих рыцарей и, может быть, потому и спасся, а возможно, на стрелков произвело впечатление, как он обошелся с сэром Саймоном. Но как бы то ни было, он скакал впереди бойни как заколдованный. Ни одна стрела не пролетела поблизости. Услышав позади крики и лязг, он придержал коня и оглянулся. Одно мгновение мессир Жоффрей в ужасе, не веря себе, взирал на побоище, а потом повернул коня к утыканной стрелами груде тел, только что бывшей его войском. Скит крикнул нескольким лучникам, чтобы те развернулись и встретили вражеских арбалетчиков. Но последние, увидев судьбу своих латников, не горели рвением встречать английские стрелы. Они отступили на юг.

Воцарилась необычайная тишина. Упавшие кони дергались, некоторые били по дороге копытами. Кто-то стонал, кто-то призывал Господа, а некоторые просто плакали. Томас, все еще держа на тетиве стрелу, слышал пение жаворонков, крики ржанок и шепот ветра в листве. Упала капля, всплеснув дорожную пыль, но она оказалась единственным вестником дождя, ушедшего на запад. Мессир Жоффрей остановил коня рядом со своими мертвыми и умирающими воинами, словно предлагая стрелкам добавить и его труп к окрашенной кровью и утыканной стрелами груде.

– Видишь, что я имел в виду, Том? – сказал Скит. – Подожди подольше, и чертовы болваны всегда сами тебе помогут. Верно, ребята? Прикончим ублюдков!

Стрелки побросали луки, вытащили ножи и бросились к агонизирующим телам, но Томаса Скит удержал.

– Иди и скажи этому тупому болвану с белыми мостами, чтобы улепетывал.

Томас подошел к французу. Тот, видимо, решил, что от него ждут сдачи. Он снял шлем и протянул Томасу меч рукоятью вперед.

– Моя семья не может выплатить большой выкуп, – проговорил он извиняющимся тоном.

– Вы не пленник, – сказал Томас.

Мессира Жоффрея эти слова привели в замешательство.

– Вы отпускаете меня?

– Вы нам не нужны, – сказал Томас. – Вы бы лучше подумали об отъезде в Испанию или в Святую землю. В тех местах найдется не много эллекинов.

Мессир Жоффрей вложил меч в ножны.

– Я должен сражаться против врагов моего короля и потому буду сражаться здесь. Но благодарю вас.

Он взял поводья, и в этот момент из лесу выехал сэр Саймон Джекилл, указывая обнаженным мечом на мессира Жоффрея.

– Это мой пленник! – крикнул он Томасу. – Мой пленник!

– Он ничей не пленник, – ответил Томас. – Мы его отпускаем.

– Вы его отпускаете? – насмешливо улыбнулся сэр Саймон. – А ты знаешь, кто здесь командует?

– Я знаю одно: этот человек – не пленник, – ответил Томас.

Он толкнул коня мессира Жоффрея в покрытый попоной кострец, отправляя скакуна по дороге, и крикнул вслед:

– В Испанию или в Святую землю!

Сэр Саймон повернул было коня вдогонку, но, увидев, что Уилл Скит готов вмешаться и прекратить преследование, снова повернулся к Томасу:

– Ты не имел права отпускать его! Не имел права!

– Он же вас отпустил, – сказал тот.

– Он сделал глупость. И теперь что, я тоже должен быть дураком?

Сэра Саймона трясло от ярости. Пусть мессир Жоффрей заявил о своей бедности и его семья вряд ли могла собрать выкуп, но один его конь стоил по меньшей мере пятьдесят фунтов! Из-за Скита и Томаса эти деньги только что ускакали на юг. Сэр Саймон смотрел, как удаляется француз, а потом опустил меч и приставил клинок к горлу Томаса.

– С первого же момента, как я тебя увидел, ты держишься нагло. Я по рождению выше всех на этом поле, и мне решать судьбу пленников. Ты понял?

– Он сдался мне, – сказал Томас, – а не вам. Так что не важно, в какой постели вы родились.

– Ты, щенок! – процедил сэр Саймон. – Скит! Я хочу получить компенсацию за этого пленника. Ты слышишь?

Скит пропустил его слова мимо ушей, но у Томаса не хватило благоразумия поступить так же.

– Боже, – с отвращением проговорил он, – этот человек отпустил вас, а вы не можете оплатить ему тем же? Какой же вы рыцарь? Вы просто негодяй. Идите и ошпарьте себе задницу.

Меч поднялся вверх, и одновременно взметнулся лук Томаса. Сэр Саймон посмотрел на сверкающий наконечник стрелы с побелевшими от заточки краями, и ему хватило ума не наносить удара. Он со щелчком вдвинул клинок в ножны, развернул коня и поскакал прочь.

Люди Скита остались разбирать вражеские трупы. Их было восемнадцать, и еще двадцать три тяжелораненых. Также было шестнадцать истекающих кровью коней и двадцать четыре убитых – такое количество конины, заметил Уилл Скит, непростительно угробить впустую.

Так мессир Жоффрей получил урок.

В Ла-Рош-Дерьене стояла суматоха. Сэр Саймон Джекилл пожаловался Ричарду Тотсгему, что Уилл Скит не пришел ему на помощь в бою. Рыцарь также присвоил себе заслугу в убийстве и ранении сорока одного вражеского латника. Он похвастался победой в стычке, а потом вернулся к теме предательства Скита. Но Ричард Тотсгем был не в настроении слушать жалобы сэра Саймона.

– Вы выиграли битву или нет? – спросил он.

– Конечно, мы победили! – в негодовании вскричал сэр Саймон. – Столько убитых!

– Тогда зачем вам понадобились латники Уилла? – поинтересовался Тотсгем.

Сэр Саймон попытался найти ответ, но не преуспел в этом.

– Он дерзил, – пожаловался он.

– С этим вы разберитесь сами, без меня, – отрезал Тотсгем.

Но, обдумав этот разговор, он решил вечером встретиться со Скитом.

– Сорок один человек убитых и раненых? – задумчиво проговорил Тотсгем. – Это, пожалуй, треть ланьонских латников.

– Да, пожалуй.

Тотсгем встал на постой в доме у реки. Из его окна было видно, как под сводами моста течет вода. Вокруг сторожевой башни, охранявшей мост с дальнего края, кружили летучие мыши, а домики за рекой освещала щербатая луна.

– Теперь у них не хватает людей, Уилл, – сказал он.

– Да уж, им не повезло.

– А городишко набит добром.

– Похоже на то, – согласился Скит.

Многие в страхе перед эллекином отправили свое имущество в близлежащие крепости, и Ланьон, скорее всего, был полон всякого добра. А главное, Тотсгем нашел бы там провиант. Его гарнизон получал кое-какую провизию из крестьянских хозяйств к северу от Ла-Рош-Дерьена, и еще больше доставляли через Ла-Манш из Англии. Но разорение эллекином окрестностей грозило голодом.

– Оставить пятьдесят человек здесь? – продолжал размышлять вслух Тотсгем, но такому старому солдату, как Скит, не нужно было объяснений.

– Нам понадобятся лестницы, – сказал он.

– А что случилось со старыми?

– Пошли на дрова. Зима была холодной.

– Может, ночной штурм? – предположил Тотсгем.

– Через пять-шесть дней полнолуние.

– Значит, через пять дней, – решил Тотсгем. – И мне потребуются твои люди, Уилл.

– Если протрезвеют к тому времени.

– После сегодняшнего они заслужили выпивку, – тепло проговорил начальник гарнизона и улыбнулся Скиту. – Сэр Саймон жалуется на тебя. Говорит, что ты дерзишь.

– Это не я, Дик, это мой приятель Том. Сказал убудку, чтобы тот пошел и ошпарил себе задницу.

– Боюсь, сэр Саймон не из тех, кто следует добрым советам, – мрачно проговорил Тотсгем.

Советам не следовали и люди Скита. Он дал им волю в городе, но предупредил, что если перепьют, то утром им не поздоровится. Они не послушали совета и устроили пирушки в тавернах. Томас с парой десятков своих друзей и их подружек отправился на постоялый двор, где они пустились плясать, петь и попытались завязать драку с компанией «белых крыс» герцога Иоанна, у которых хватило благоразумия не поддаться на провокацию и тихо исчезнуть в ночи. Чуть погодя на постоялый двор вошли два латника в камзолах с эмблемой графа Нортгемптонского – со львами и звездами. Их встретили насмешками, но они все вытерпели и спросили, нет ли среди присутствующих Томаса.

– Это вон тот урод, – сказал Джейк, указывая на Томаса, отплясывавшего под звуки флейты и барабана.

Латники подождали, пока он закончит, а потом объяснили, что Уилл Скит сейчас у командира гарнизона и хочет поговорить с ним.

Томас допил свой эль.

– Дело в том, – объяснил он стрелкам, – что без меня они ничего не могут решить. Без меня как без рук.

Раздался смех. Томас удалился в сопровождении двух латников под добродушные крики стрелков.

Один из латников был из Дорсета и слышал о Хуктоне.

– Там высадились французы? – спросил он.

– Ублюдки разорили его. Сомневаюсь, что от него что-либо осталось, – ответил Томас. – Так зачем я понадобился Уиллу?

– Бог знает, да не скажет, – ответил графский латник.

Сначала он вел Томаса к жилищу Ричарда Тотсгема, но потом свернул в темный переулок.

– Там в конце есть таверна, с якорем на двери, – объяснил он.

– Хорошо, – кивнул Томас.

Будь он не так пьян, то понял бы, что Тотсгем и Скит вряд ли могли вызвать его в таверну, тем более в самую маленькую в городе, расположенную у реки, в глухом темном переулке. Но он ничего не заподозрил, пока не достиг середины узкого прохода. Из ворот ему навстречу вышли двое. Только получив от одного из них кулаком по затылку, Томас начал что-то понимать. Он упал на колени, и второй человек ударил его ногой по лицу. Потом оба обрушили на него удары и пинки и продолжали бить, пока он не перестал сопротивляться. Тогда они схватили его за руки и поволокли через ворота в маленькую кузницу. Его губы были разбиты в кровь, нос снова сломан, ребро треснуло, и его тошнило от выпитого эля.

В кузнице горел огонь. Заплывшими глазами Томас различил наковальню. Потом его окружили какие-то люди. От полученного пинка Томас покатился по полу, тщетно пытаясь защититься от новых ударов.

– Хватит, – раздался чей-то голос.

Открыв глаза, Томас увидел сэра Саймона Джекилла.

Те двое, что привели Томаса из таверны и казались столь дружелюбными, вошли в кузницу и сняли чужие камзолы с эмблемой графа Нортгемптонского.

– Хорошо сработано, – похвалил их сэр Саймон и посмотрел на Томаса. – Простые стрелки не советуют рыцарям шпарить задницу.

Высокий здоровенный парень с жидкими желтыми волосами и почерневшими зубами подошел к Томасу, собираясь дать ему пинка, если тот вздумает ответить какой-нибудь дерзостью. И стрелок прикусил язык, вознеся молчаливую мольбу святому Себастьяну,покровителю лучников. Положение было слишком серьезным, счел он, чтобы полагаться на собаку.

– Сними с него штаны, Колли, – велел сэр Саймон и повернулся к огню.

Томас увидел на раскаленных докрасна углях огромный котел на трех ногах и про себя выругался, поняв, кому сейчас ошпарят задницу. Сэр Саймон заглянул в котел.

– Ты получишь урок учтивости, – сказал он.

Томас застонал. Желтоволоосый громила перерезал ремень и стащил с него штаны. Другие обыскали Томаса, взяли найденные монеты и хороший нож, а потом перевернули на живот, так что его голая задница оказалась готова к ошпариванию.

Сэр Саймон с удовлетворением посмотрел на первые струйки пара, поднявшиеся из котла.

– Давайте, – велел он.

Трое солдат сэра Саймона прижали Томаса к полу. Он был слишком избит и слаб, чтобы бороться. И потому сделал единственное, что оставалось: набрав полные легкие воздуха, закричал: «Убивают!» Он орал во всю мочь, надеясь, что в маленьком городке кто-нибудь да услышит его отчаянный призыв о помощи и поднимет тревогу.

– Убивают! Убивают!

Кто-то пнул его в живот, но Томас продолжал кричать.

– Заткните его! – прорычал сэра Саймон.

Колли, желтоволосый громила, опустился на колени и попытался заткнуть Томасу рот соломой, но тому удалось ее выплюнуть.

– Убивают! – вопил он. – Убивают!

Колли, выругавшись, взял пригоршню вонючей грязи и запихал ему в рот. Крики стихли.

– Ублюдок! – сказал он и ударил Томаса ногой по голове. – Ублюдок!

Томас давился грязью, но не мог ее выплюнуть.

Сэра Саймон встал над ним.

– Сейчас тебя научат хорошим манерам, – сказал он, глядя на дымящийся котел.

Но тут ворота открылись и во двор вошел человек.

– Ради бога, что здесь происходит? – спросил он.

Если бы не забитый грязью рот, Томас запел бы гимн во славу святого Себастьяна, поскольку его спасителем оказался отец Хобб, видимо услышавший неистовые крики и прибежавший в переулок узнать, в чем дело.

– Что вы делаете? – спросил священник сэра Саймона.

– Это не ваше дело, святой отец, – сухо ответил сэра Саймон.

– Томас, это ты? – Священник снова перевел взгляд на рыцаря. – Именем Бога, это мое дело! – Отец Хобб был вспыльчив и теперь вышел из себя. – Кем, черт возьми, вы себя возомнили?

– Поосторожнее, священник, – прорычал сэра Саймон.

– Поосторожнее? Мне? Ваша душа будет пылать в аду, если вы сейчас же не уберетесь! – Маленький священник схватил огромную кузнечную кочергу и стал размахивать ею, как мечом. – Все ваши души будут в аду! Убирайтесь! Все вон! Именем Господа, убирайтесь! Прочь отсюда!

Сэра Саймон попятился. Одно дело – пытаться стрелка, но совсем другое – драться со священником, чей голос звучал достаточно громко, чтобы привлечь в кузницу нежелательных свидетелей. Рыцарь прорычал отцу Хоббу, что он ублюдок, сующий свой нос куда не следует, но все же отступил.

Отец Хобб опустился на колени рядом с Томасом и выковырял у него изо рта липкую грязь вместе со сгустками крови и осколками зубов.

– Бедняга! – сказал он и помог Томасу подняться. – Я отведу тебя домой, Том, отведу домой и умою.

Томаса стошнило. Натянув штаны, он с помощью священника поковылял к дому Жанетты. Дюжина стрелков встретила его возгласами; всем хотелось узнать, что случилось, но отец Хобб отгеснил их прочь.

– Где кухня? – спросил он.

– Она нас туда не пускает, – неразборчиво прошамкал Томас распухшими губами.

– Где? – настаивал отец Хобб.

Один из стрелков кивнул на дверь. Священник толкнул ее и чуть ли не силой втолкнул Томаса внутрь. Он усадил его на стул и пододвинул тусклые светильники, чтобы рассмотреть избитое лицо.

– Боже милостивый! Что они с тобой сделали?

Священник ободряюще похлопал стрелка по руке и отправился на поиски воды.

На кухню ворвалась Жанетта. Она тряслась от ярости.

– Что ты делаешь в моей кухне? Убирайся!

Тут она увидела лицо Томаса и осеклась. Если бы раньше кто-то сказал ей, что она пожалеет страшно избитого английского лучника, она бы плюнула этому человеку в глаза. Но теперь...

- Что случилось? – спросила Жанетта дрогнувшим голосом.
- Это сэр Саймон Джекилл, – попытался объяснить Томас.
- Сэр Саймон?

Услышав это имя, из помещения для мытья посуды вышел отец Хобб с большой чашей воды.

– Порочная тварь, полная зла и греха, – проговорил он по-английски и обратился к Жанетте: – У вас есть какая-нибудь тряпка?

– Она не говорит по-английски, – сказал Томас.

Его лицо заливала кровь.

– На тебя напал сэр Саймон? – спросила Жанетта. – Почему?

– Потому что я посоветовал рыцарю ошпарить задницу, – ответил Томас и был награжден улыбкой.

– Неплохо, – сказала графиня.

Она не пригласила Томаса остаться на кухне, но и не прогнала его. Жанетта стояла и смотрела, как священник обмывал ему лицо. Потом отец Хобб снял с Томаса рубашку и перевязал грудную клетку.

– Скажи ей, чтоб помогла мне, – сказал отец Хобб.

– Она не опустится до этого, – ответил Томас.

– Печальный и грешный мир, – заключил отец Хобб и добавил: – Теперь не шевелись, Том. Сейчас будет больно, дьявольски больно.

Он ухватился за перебитый нос, послышался хруст хрящей, и Томас взвыл. Отец Хобб приложил к носу намоченную холодной водой тряпку.

– Держи ее здесь, Том, и все пройдет. Ну, не совсем, но ты привыкнешь. – Качая головой, он сел на пустую бочку из-под соли. – Господи Иисусе, Том, что же с тобой делать?

– Вы уже все сделали, – сказал Томас, – и я вам благодарен. Денек-два, и я буду прыгать, как весенний ягненок.

– Ты и так слишком долго прыгал, Том, – серьезно проговорил отец Хобб.

Жанетта, ни слова не понимая, смотрела на мужчин.

– Бог дал тебе хорошую голову, – продолжал священник, – но ты впустую тратишь свои мозги, Том, впустую.

– Вы хотите, чтобы я стал священником?

Отец Хобб улыбнулся:

– Сомневаюсь, что ты сильно доверяешь Церкви, Том. Ты бы мог стать архиепископом, у тебя хватило бы ума и хитрости для этого. Но похоже, тебе куда больше нравится быть солдатом. Однако ты в долгу перед Господом, Том. Помни данное отцу обещание! Ты дал его в церкви, и для твоей души было бы неплохо его сдержать.

Томас рассмеялся и тут же пожалел об этом, поскольку ребра пронзило болью. Он выругался и, извинившись перед Жанеттой, снова обратился к священнику:

– И как же, во имя Господа, мне сдержать свое обещание, святой отец? Я ведь даже не знаю, что за сволочь ukrала копьё.

– Какая сволочь? – спросила Жанетта, уловив только это слово. – Сэр Саймон?

– Он сволочь, – признал Томас, – но не единственная.

И он рассказал про копьё, про тот день, когда вся его деревня была перебита, про умирающего отца и про человека, поднявшего флаг с тремя желтыми ястребами на синем фоне. Разбитые губы мешали говорить, он рассказывал медленно. А когда закончил, Жанетта пожалала плечами:

– Значит, ты хочешь убить этого человека, так?

– Когда-нибудь.

– Он заслуживает смерти, – признала Жанетта.

Удивленный этими словами, Томас посмотрел на нее заплывшими глазами:

– Вы его знаете?

– Его зовут мессир Гийом д’Эвек.

– Что она говорит? – спросил отец Хобб.

– Я его знаю, – мрачно продолжила Жанетта. – В Кане, откуда он родом, его иногда называют рыцарем моря и суши.

– Потому что он сражается и там и там? – догадался Томас.

– Он рыцарь, – сказала Жанетта, – но также и морской грабитель. Пират. У моего отца было шестнадцать кораблей, и Гийом д’Эвек украл три из них.

– Он воевал против вас? – удивился Томас.

Жанетта кивнула.

– Он считает, что любой не французский корабль – вражеский. А мы бретонцы.

Томас посмотрел на отца Хобба и беззаботно проговорил:

– Вот видите, святой отец, чтобы сдержать обещание, мне нужно всего лишь сразиться с рыцарем моря и суши.

Отец Хобб не понял, о чем они говорили по-французски, но грустно покачал головой:

– Как ты выполнишь свое обещание, Томас, – это твое дело. Но видит Ббог, ты дал обет, а я смотрю, что ты не слишком-то стремишься его исполнить. – Он потрогал деревянный крест, что носил на кожаном ремешке на шее. – А что мне делать с сэром Саймоном?

– Ничего, – ответил Томас.

– Я должен, по крайней мере, сообщить Тотсгему! – убеждал священник.

– Ничего не надо, святой отец, – настаивал Томас. – Пообещайте мне.

Отец Хобб подозрительно посмотрел на него:

– Уж не думаешь ли ты отомстить сам, а?

Томас перекрестился и застонал от боли в ребре.

– Разве наша Мать-Церковь не учит нас подставлять другую щеку?

– Да, – с сомнением проговорил отец Хобб, – но она не оправдывает того, что сегодня совершил сэр Саймон.

– Мы развеем его гнев своей кротостью, – смиренно сказал Томас.

Отец Хобб, впечатленный этим проявлением истинного христианства, согласно кивнул.

Жанетта, насколько могла, следила за их разговором и уловила его суть.

– Вы обсуждаете, что сделать с сэром Саймоном? – спросила она Томаса.

– Я убью гада, – по-французски ответил он.

Жанетта поморщилась:

– Хорошая мысль, англичанин. Ты станешь убийцей, и тебя повесят. И тогда, слава богу, станет двумя англичанами меньше.

– Что она говорит? – спросил отец Хобб.

– Она согласна, что я должен прощать своих врагов, святой отец.

– Добрая женщина, – кивнул отец Хобб.

– Ты действительно хочешь убить его? – холодно спросила Жанетта.

Томас вздрогнул от боли, но все же она была не столь сильной, чтобы он не почувствовал близость Жанетты. С этой женщиной трудно, решил он, но она прелестна, как весна. Подобно остальным стрелкам Скита, Томас тайл несбыточные мечты узнать ее получше. А ее интерес давал ему шанс.

– Я убью его, – заверил он графиню, – а убив, верну вам доспехи и меч вашего мужа, госпожа.

Жанетта нахмурилась:

– Ты способен сделать это?

– Если вы поможете.

Она состроила гримасу:

– Каким образом?

И Томас рассказал ей. К его удивлению, Жанетта не ужаснулась и не отвергла эту идею, а согласно кивнула.

– Это действительно может получиться, – чуть помолчав, сказала она. – Это должно сработать.

Так сэръ Саймон объединил своих врагов, а Томас нашел союзника.

Жанетту окружали враги. У нее был сын, но все прочие, кого она любила, умерли, а оставшихся она ненавидела. В первую очередь, конечно, англичан, захвативших ее родной город. А также Бела, стряпчего. И шкиперов, обманывавших ее. И чернь, пользовавшуюся присутствием англичан, чтобы не платить оброка. И городских купцов, требовавших уплаты долга – денег, которых у нее не было. Она была графиней, но ее титул ничего не значил. По ночам, размышляя о своем положении, она мечтала встретить великого воина, возможно с герцогским титулом, который войдет в Ла-Рош-Дерьен и накажет одного за другим всех ее врагов. Она рисовала себе приятные картины, как ее мучители скулят от страха, молят о жалости и не получают прощения. Но приходил рассвет, и никакого герцога не было, враги не проявляли страха, и беды Жанетты оставались все теми же. Пока Томас не пообещал ей убить одного, самого ненавистного врага.

В результате ранним утром после разговора с Томасом Жанетта отправилась в штаб Ричарда Тотсгема. Она пришла пораньше в надежде, что сэръ Саймон Джекилл будет еще спать. И хотя было важно, чтобы он знал о цели ее визита, ей не хотелось с ним встречаться. Пусть узнает о ее намерениях от других.

Штаб, как и ее собственный дом, выходил к реке Жоди, и во дворе на берегу, несмотря на ранний час, уже выстроилось с пару десятков просителей, ищущих милости у англичан. Жанетте велели подождать вместе с другими.

– Я графиня Арморика, – надменно заявила она секретарю.

– Вы должны ждать, как остальные, – ответил тот на ломаном французском и сделал еще одну зарубку на высокой жерди, где отсчитывал связки стрел, выгруженных с лихтера, который поднялся по реке из глубоководной бухты в Трегье.

Второй лихтер привез бочки с копченой селедкой, и Жанетту передернуло от рыбного запаха. Английская еда! Селедку даже не выпотрошили перед копчением, и рыба в бочке покрылась желто-зеленой плесенью, но стрелки поедали ее с удовольствием. Жанетта постаралась оказаться подальше от вонючей рыбы и подошла к дюжине горожан, которые пилили на козлах длинные бревна. Один из плотников когда-то трудился на отца Жанетты, хотя обычно был слишком пьян, чтобы удержаться на работе больше нескольких дней. Он был бос, имел горб и заячью губу, хотя, когда был трезв, справлялся с работой не хуже других.

– Жак! – окликнула его Жанетта и спросила по-бретонски: – Что ты делаешь?

Жак откинул со лба прядь волос и неловко поклонился:

– Вы хорошо выглядите, госпожа. – Лишь немногие понимали его речь, так как раздвоенная губа искажала слова. – Ваш отец всегда называл вас своим ангелом.

– Я спросила, что ты делаешь.

– Лестницы, моя госпожа, лестницы. – Плотник вытер рукавом нос. На шее у него была гнойная язва, и запах от нее шел не лучше, чем от копченой селедки. – Им нужно шесть таких длинных лестниц.

– Зачем?

Жак осмотрелся по сторонам, не слышит ли их кто-нибудь.

– Этот говорит... – кивнул он на англичанина, видимо наблюдавшего за работами, – этот говорит, что они отправятся в Ланьон. А лестницы-то достаточно длинные для ланьонских стен, верно?

– В Ланьон?

– Он любит эль, – сказал Жак, поясняя болтливость англичанина.

– Эй! Красавец! – крикнул плотнику надсмотрщик. – За работу!

И тот, послав Жанетте виноватую улыбку, взялся за пилу.

– Сделай шаткие ступени! – по-бретонски посоветовала графиня Жаку и обернулась, так как из дома кто-то позвал ее по имени.

В дверях стоял сэр Саймон Джекилл, заспанный и с заплавленными глазами. У Жанетты упало сердце.

– Моя госпожа, – поклонился он графине, – вы не должны ждать вместе с чернью.

– Скажите это секретарю, – холодно ответила Жанетта.

Секретарь, подсчитывавший связки стрел, заскулил, когда Саймон схватил его за ухо.

– Этому? – спросил рыцарь и отвесил бедняге оплеуху. – Это леди, мерзавец! Обращайся с ней как с леди. – Он отшвырнул секретаря прочь и распахнул дверь. – Заходите, моя госпожа.

Жанетта вошла и с облегчением увидела за столами еще четверых чиновников.

– В войске почти столько же писцов, сколько лучников, – сказал сэр Саймон, когда она протискивалась мимо них. – Писцы, коновалы, каменщики, повара, пастухи, мясники и всякие прочие двуногие, умеющие тянуть с короля деньги. – Он улыбнулся графине и провел рукой по своему потертому шерстяному плащу, отороченному мехом. – Если бы я знал, что вы почтите нас своим визитом, моя госпожа, я бы приоделся.

Жанетта с удовлетворением заметила, что сэр Саймон нынче утром в настроении покрасоваться. Он всегда держался либо по-хамски, либо с неуклюжей учтивостью, а она терпеть не могла ни того ни другого. Однако, когда он пытался произвести впечатление хорошими манерами, с ним, по крайней мере, было легче иметь дело.

– Я пришла просить у мсье Тотсгема пропуск.

Писцы украдкой наблюдали за ней, их перья скрипели и оставляли кляксы на выскобленном пергаменте.

– Я сам могу выдать вам пропуск, – галантно проговорил сэр Саймон. – Надеюсь, вы не надолго покидаете Ла-Рош-Дерьен?

– Я лишь хочу съездить в Луаннек.

– И где же, дорогая леди, находится Луаннек?

– На побережье, к северу от Ланьона, – сказала Жанетта.

– От Ланьона, да? – Он присел на край стола и покачал босой ногой. – Я не советовал бы вам путешествовать близ Ланьона. Не на этой неделе. Может быть, на следующей. Да и то только если вы убедите меня, что у вас есть веская причина для поездки. – Он разгладил свои светлые усы. – А я бываю очень сговорчив.

– Я хочу помолиться тамошним мощам, – объяснила графиня.

– Не могу удерживать вас.

Сэр Саймон подумал, не пригласить ли ее в комнату, но этим утром у него не было настроения для любовных игр. Свою неудачу в деле с задницей Томаса из Хуктона он залил вином, и теперь в животе бурлило, в горле пересохло, а голова гудела, как литавры.

– Какой святой получит удовольствие слышать ваш голос? – спросил он.

– Там находятся мощи святого Ива, защитника больных. Моего сына лихорадит.

– Бедный мальчик, – проговорил сэр Саймон с притворным сочувствием. Потом не терпящим возражений тоном велел писцу выписать графине пропуск. – Вы же поедете не одна, мадам? – спросил он.

– Я возьму слуг.

- Вам будет спокойнее с солдатами. Повсюду бандиты.
- Я не боюсь своих соотечественников, сэра Саймон.
- А надо бы, – ехидно заметил рыцарь. – Сколько слуг?
- Двое.

Сэр Саймон велел писцу вписать в пропуск двоих сопровождающих и снова взглянул на Жанетту:

- Вам действительно было бы безопаснее с эскортом солдат.
- Бог меня сбережет, – ответила она.

Сэр Саймон наблюдал, как посыпают песком чернила на пропуске и капают на пергамент горячий воск. Потом он сам приложил печать к воску и протянул документ Жанетте.

- Может быть, мне отправиться с вами, мадам?
- Тогда я лучше вообще не поеду, – ответила она, отказываясь взять пропуск.
- Что ж, в таком случае я перекладываю свои обязанности на Господа.

Жанетта взяла пропуск, заставила себя поблагодарить рыцаря и ушла. Графиня ожидала, что сэра Саймона последует за ней, однако он позволил ей спокойно удалиться. Она чувствовала себя подлой, но и торжествовала. Теперь приманка была в ловушке, и мышеловка была готова захлопнуться.

Жанетта направилась не прямо домой, а свернула в дом стряпчего Бела. Он еще завтракал кровяной колбасой с хлебом. Запах колбасы усилил чувство голода, но Жанетта отказалась от предложенной тарелки, ведь она была графиней, а он – простым стряпчим. Негоже аристократам делить трапезу с чернью.

Бела запахнул плащ, извинившись за холод в комнате, и спросил, не решила ли она наконец продать свой дом.

- Это было бы разумно, мадам. Вы многим задолжали.

– Я дам вам знать о моем решении, – ответила графиня, – но сейчас я пришла по другому делу.

Бела открыл ставни на окнах.

- Дело стоит денег, мадам, а ваши долги, извините, растут.

– Дело касается герцога Карла, – сказала Жанетта. – Вы все еще посылаете письма его управляющим?

- Время от времени, – осторожно ответил Бела.

- Как вы с ними связываетесь?

Этот вопрос вызвал у стряпчего подозрение, но все-таки он ответил:

- Сообщения поступают на корабле в Пемполь, а потом по суше в Гингам.

- Сколько времени это занимает?

- Дня два-три. Это зависит от того, орудут ли англичане между Пемполем и Гингамом.

– Тогда напишите герцогу и сообщите от меня, что в конце этой недели англичане нападут на Ланьон. Они делают лестницы, чтобы взбираться на стены.

Жанетта решила послать донесение через Бела, поскольку ее собственными курьерами были рыбаки, приезжавшие только по четвергам продать свой улов в Ла-Рош-Дерьене. Они бы доставили сообщение слишком поздно. А курьеры Бела могли добраться до Гингама вовремя и сорвать планы англичан.

Бела стяхнул с редкой бороденки хлебные крошки.

- Вы уверены, мадам?

- Конечно!

Она рассказала про Жака и лестницы, а также про неосторожного английского надсмотрщика и про то, как сэра Саймона убеждал ее подождать с поездкой в окрестности Ланьона к Луаннекским мощам.

- Герцог будет благодарен, – сказал Бела, провожая графиню до двери.

Он послал донесение в тот же день, хотя и не сообщил, что оно исходит от графини. Он попросту присвоил заслугу себе. Стряпчий отдал письмо шкиперу, который отплывал в тот же день, и на следующее утро из Пемполя уже скакал на юг всадник. В разоренных краях между портом и столицей герцога эллекин не хозяйничал, и донесение дошло благополучно. И теперь в Гингаме, где находился штаб герцога Карла, кузнецы осматривали конские подковы, арбалетчики смазывали оружие, оруженосцы начищали до блеска кольчуги и точили мечи.

Казалось, английский налет на Ланьон был обречен.

Неожиданное соглашение Жанетты с Томасом приглушило враждебность в ее доме. Люди Скита стали мочиться в реку, а не во дворе, а Жанетта позволила им заходить на кухню, что оказалось кстати, поскольку они приносили с собой провизию. Прислуга стала питаться лучше, чем когда-либо после падения города, хотя графиня так и не смогла заставить себя попробовать заплесневевшую копченую селедку. А самым приятным оказался прием, оказанный двум назойливым торговцам, которые пришли требовать возврата долгов: стрелки дали волю кулакам, и оба кредитора убрались восвояси без шапок, хромяя, в крови и ничего не получив.

– Я заплачу им, как только смогу, – сказала Жанетта Томасу.

– Сэр Саймон, вероятно, носит деньги с собой, – ответил тот.

– Вот как?

– Только болван прячет деньги там, где их может найти прислуга, – сказал Томас.

Через четыре дня после случая в кузнице лицо его все еще было распухшим, а губы – черными от запекшейся крови. Ребро болело, и все тело покрывали синяки, но он убедил Скита, что чувствует себя достаточно хорошо, чтобы штурмовать Ланьон. Выступление было назначено на вторую половину дня, а в полдень Жанетта увидела Томаса в церкви Святого Ренана.

– Почему ты молишься? – спросила она.

– Я всегда так делаю перед боем.

– Сегодня будет бой? Я думала, вы до завтра никуда не поедете.

– Люблю, когда хорошо хранят секреты! – весело отозвался Томас. – Мы выходим на день раньше. Все готово, зачем ждать?

– И куда вы идете? – спросила Жанетта, хотя прекрасно знала ответ.

– Куда поведут.

Жанетта вознесла молчаливую молитву, чтобы ее донесение достигло герцога Карла.

– Будь осторожен, – сказала она Томасу, не потому, что заботилась о нем, просто он был ее орудием мести сэру Саймону Джекиллу. – Может быть, сэра Саймона убьют?

– Бог прибережет его для меня.

– А что, если он не последует за мной в Луаннек?

– Поташится, как собака, – заверил ее Томас, – но для вас это будет опасно.

– Я получу обратно доспехи, – ответила графиня, – а это главное. Ты молишься святому Ренану?

– Святому Себастьяну. И святому Гинфорту.

– Я спрашивала священника о святом Гинфорте, – с упреком сказала Жанетта, – и он сказал, что никогда о таком не слышал.

– Он, наверное, не слышал и о святой Уайлджефортис, – сказал Томас.

– Уайлджефортис? – с трудом выговорила Жанетта непривычное имя. – Кто это?

– Это была очень благочестивая дева, жившая во Фландрии и отрастившая длинную бороду. Она каждый день молилась, чтобы Бог не лишал ее безобразности, дабы она могла сохранить целомудрие.

Жанетта не удержалась от смеха:

– Этого не может быть!

– Это правда, моя госпожа, – заверил ее Томас. – Моему отцу однажды предложили волос из ее святой бороды, но он отказался купить его.

– Тогда я буду молиться этой бородатой святой, чтобы ты вернулся живым из похода, – сказала Жанетта, – но только ради мести сэру Саймону. А так, надеюсь, вы все погибнете.

Гингамский гарнизон желал того же. Для воплощения своей мечты они собрали значительные силы арбалетчиков и латников, собираясь устроить англичанам засаду по пути к Ланьону. Но их командиры, подобно Жанетте, были уверены, что гарнизон Ла-Рош-Дерьена устроит вылазку в пятницу, и потому не выступали до вечера четверга. В это время войско Тотсгема было уже в пяти милях от Ланьона. Убавившийся местный гарнизон не знал о приближении англичан, потому что военные командиры герцога Карла, командовавшие гингамскими силами в его отсутствие, решили не предупреждать горожан. Если слишком многие узнают, что англичан предали, об этом могут проведать и сами англичане, а тогда они откажутся от своих планов и не дадут людям герцога одержать столь редкую и полную победу.

Англичане тоже рассчитывали победить. Стоял сухой вечер. К полуночи из-за серебристых облаков выглянула полная луна и осветила четкие очертания ланьонских стен. Наступавшие прятались в лесу, откуда наблюдали за немногочисленными дозорными на стенах. Эти дозорные хотели спать и через некоторое время ушли в бастиионы, где горел огонь. И потому никто не видел, как через ночное поле подтащили шесть лестниц; никто не заметил и бегущую за лестницами сотню лучников. Дозорные все еще спали, когда лучники забралась по ступеням, а основные силы Тотсгема выступили из леса, готовые ворваться в город через восточные ворота, которые им откроют лучники.

Дозорные были перебиты. Первыми город разбудили собаки, потом зазвонил церковный колокол, и ланьонский гарнизон проснулся. Но слишком поздно. Ворота уже были открыты, и солдаты Тотсгема в своих серых кольчугах орали в темных переулках, а через узкие ворота вливались все новые и новые английские латники и стрелки.

Люди Скита шли в арьергарде. Когда начался грабеж, они ждали за стенами. Церковные колокола неистово били, прихожане проснулись в ужасе, но постепенно набат стих.

Уилл Скит смотрел на залитое лунным светом поле к югу от Ланьона.

– Я слышал, это сэр Саймон Джекилл подправил тебе внешность, – сказал он Томасу.

– Да.

– За то, что ты велел ему ошпарить задницу? – ухмыльнулся Скит. – Ты не можешь упрекнуть его за трепку, но он должен был сначала поговорить со мной.

– И что бы ты сделал?

– Конечно, позаботился бы, чтобы он не слишком тебя искалечил, – ответил Скит, внимательно осматривая ландшафт.

Томас приобрел такую же привычку быть настороже, но все окрестности были спокойны. Над низиной поднимался туман.

– Что ты собираешься предпринять? – спросил старый стрелок.

– Поговорить с тобой.

– Я не участвую в твоих чертовых ссорах, парень, – проворчал Скит. – Что ты собираешься делать?

– Попросить тебя одолжить мне на субботу Джейка и Сэма. И мне нужны три арбалета.

– Три арбалета, вот как? – ничего не выражающим тоном переспросил Скит.

Он увидел, как в город входят последние части Тотсгема, и, засунув в рот два пальца, издал пронзительный свист – сигнал собственному отряду, что можно входить.

– На стены! – крикнул он, когда эллекин двинулся вперед. – На стены!

Заботой арьергарда было занять укрепления павшего города.

– Половина долбанных ублюдков так и не протрезвели, – проворчал Скит, – так что оставайся при мне, Том.

Большинство стрелков Скита выполнили свою обязанность и взобрались по каменным ступеням на городские стены, но некоторые ускользнули в поисках добычи и выпивки. Скит с Томасом и полудюжиной стрелков прочесывали город в поисках этих прохвостов, чтобы загнать их обратно на стены. Два десятка латников Тотсгема делали примерно то же – вытаскивали солдат из таверн и заставляли загружать повозки, укрытые в городе от эллекина. Особенно Тотсгем нуждался в провианте для своего гарнизона, и его самые верные латники прилагали все усилия, чтобы удержать английских солдат от выпивки, женщин и прочего, что могло отвлечь от грабежа и замедлить погрузку.

Городской гарнизон, проснувшись, попытался оказать отпор, но солдаты спохватились слишком поздно. Теперь их тела лежали на залитых лунным светом улицах. Однако в западной части города, у причалов на реке Легер, бой еще продолжался, и Скита привлек шум, раздававшийся оттуда. Большинство солдат не обращали внимания на этот шум, горя желанием повышибать двери в домах и пограбить склады. Но Скит знал, что нельзя считать себя в безопасности, пока не перебиты все защитники города.

Томас пошел за ним и увидел нескольких латников Тотсгема, только что вывернувших из узкой улочки.

– Там какой-то бешеный ублюдок, – сказал один из них Скиту, – и с ним дюжина арбалетчиков.

Бешеный ублюдок со своими арбалетчиками уже перебил часть англичан – там, где улица резко сворачивала к реке, лежали тела с красными крестами.

– Выжечь их, – предложил один из латников.

– Нет, пока не осмотрим здания, – сказал Скит и послал двух своих стрелков принести штурмовую лестницу.

Когда ее принесли, он приставил лестницу к стене ближайшего дома и устоялся на Томаса, который, ухмыльнувшись, полез вверх и взобрался на крутую соломенную крышу. Сломанное ребро болело, но он перебрался через конек, снял с плеча лук и наложил стрелу на тетиву. Отбрасывая длинную тень, он прошел по соломенному скату крыши. Она обрывалась как раз там, где притаились враги, и потому, прежде чем добраться до края, Томас натянул во всю силу лук и сделал два шага вперед.

Враги увидели его, и дюжина арбалетов дернулась вверх. Светловолосый человек с обнаженным мечом в руке тоже поднял голову. Томас узнал его. Это был мессир Жоффрей де Пон-Блан, и Томас заколебался: он восхищался этим человеком. Но тут первая арбалетная стрела просвистела так близко от его лица, что он ощутил ветерок на щеке, и тогда он выстрелил сам, понимая, что его стрела летит прямо в раскрытый рот мессира Жоффрея. Впрочем, Томас не видел, куда она попала: когда на других арбалетах зазвенели тетивы и к луне взлетели новые стрелы, он шагнул назад.

– Главный убит! – крикнул Томас.

Послышался топот – это бросились вперед латники, пока арбалетчики не успели перезарядить свое неуклюжее оружие. Томас вернулся к краю крыши и увидел мелькающие мечи, топоры и брызги крови на оштукатуренных фасадах домов. Он заметил, как латники прорубаются к телу мессира Жоффрея, чтобы убедиться, что тот действительно мертв. Какая-то женщина в доме кричала, что мессир Жоффрей всего лишь защищался.

Съехав по скату крыши, Томас соскочил на улицу там, где погиб мессир Жоффрей, и подобрал три арбалета и мешок арбалетных стрел, которые отнес Уиллу Скиту.

Йоркширец ухмыльнулся:

– Арбалеты? Значит, ты прикинешься врагом. Этого не сделать в Ла-Рош-Деръене, и, стало быть, вы подстержете сэра Саймона где-то за городом. Так?

– Вроде того.

– Я бы мог читать тебя, как книгу, парень, если бы умел читать, но у меня для этого слишком много здравого смысла.

Скит и Томас направились к реке, где были захвачены три корабля, а еще два после опустошения трюмов пылали вовсю.

– Но как вы выманите ублюдка из города? – поинтересовался Скит. – Он же не полный болван.

– Полный, когда дело касается графини.

– Ну, раз так... – усмехнулся Скит. – То-то я думаю, что это графиня вдруг стала с нами всеми очень добра. Значит, вы снюхались, ты и она, так?

– Нет, не так.

– Но скоро снюхаетесь, верно?

– Сомневаюсь.

– Почему? Потому что она графиня? И все равно она баба, парень. Но я бы поостерегся.

– Поостерегся?

– Сушая стерва. Снаружи выглядит мило, но внутри – кремень. Она разобьет тебе сердце, парень.

Скит остановился на широком каменном причале, куда люди таскали из складов кожу, зерно, копченую рыбу, вино и рулоны материи. Среди них был и сэр Саймон, он кричал на своих людей, чтобы пригнали еще повозок. Город принес богатую добычу. Ланьон был гораздо больше Ла-Рош-Дерьена и, поскольку успешно выдержал зимнюю осаду графа Нортгемптонского, считался среди бретонцев надежным местом для хранения добра. А теперь его выпотрошили. Мимо Томаса проковылял человек, неся в охапке серебряную посуду; другой тащил полураздетую женщину за обрывки ночной рубашки. Несколько стрелков выбили дно из бочки и лакали из нее, окунув лица в вино.

– Войти в город оказалось довольно легко, – сказал Скит, – но будет чертовски непростым делом привести этих пьяных ублюдков назад.

Сэр Саймон плашмя бил мечом по спинам двух пьяниц, мешавших его людям опустошать склад с материей. Увидев Томаса, он удивился, но, опасаясь Уилла Скита, ничего не сказал, а просто отвернулся.

– Похоже, эта скотина уже разделалась со своими долгами, – сказал Скит, глядя в спину сэру Саймону. – Война – хороший способ разбогатеть, пока тебя не взяли в плен и не потребовали выкуп. Но за нас с тобой вряд ли потребуют выкуп, парень. Нам, скорее, распорют брюхо и выколот глаза. Ты когда-нибудь стрелял из арбалета?

– Нет.

– Это не так просто, как может показаться. Конечно, легче, чем стрелять из настоящего лука, но все равно требуется сноровка. С непривычки чертовы штуковины могут попасть чуть выше. Джейк и Сэм согласны тебе помочь?

– Сказали, что да.

– Еще бы, такие головорезы. – Скит все смотрел на сэра Саймона в новых блестящих доспехах. – Полагаю, этот ублюдок возьмет свои денежки с собой.

– Да, я тоже так думаю.

– Половина моя, Том, и я не задам никаких вопросов насчет субботы.

– Спасибо, Уилл.

– Но сделай все как следует, Том, – сердито проговорил Скит, – сделай все как следует. Я не хочу увидеть тебя повешенным. Я не прочь полюбоваться, как иные болваны исполняют эту пляску на веревке и по их ногам течет моча, но когда ты задержась по дороге в ад, это будет позорное зрелище.

Они вернулись к стенам. Оба не взяли никакой добычи: они награбили более чем достаточно за время набегов в Северной Бретани. Теперь настал черед людей Тотсгема насладиться захваченным городом.

Один за другим обыскивались дома и осушались бочки в тавернах. Ричард Тотсгем хотел, чтобы его части к рассвету покинули город, но повозок было захвачено слишком много. Они сбились около узких восточных ворот. Не хватало лошадей, чтобы их тянуть, и солдатам пришлось самим впрягаться в оглобли: не бросать же награбленное! Другие напились до бесчувствия, и латники Тотсгема выискивали их по городу. Пьяниц выгнал из укрытий пожар. Англичане подожгли соломенные крыши, и горожане убежали на юг.

Дым поднимался густым черным столбом. Морской ветерок относил его на юг. Снизу столб светился бледно-красным, и, видимо, это зрелище сообщило идущему из Гингама войску, что они опоздали. Солдаты шли всю ночь, выискивая место, где можно устроить засаду людям Тотсгема, но урон уже был нанесен. Ланьон пылал, а его добро было погружено на повозки, которые все еще вручную выкатывали через ворота.

Однако если ненавистных англичан не удалось подстеречь на пути в город, их можно застать врасплох по пути обратно. И вражеские командиры направили свои войска на восток, к дороге, ведущей в Ла-Рош-Дерьен.

Первым заметил врага косоглазый Джейк. Сквозь поднявшийся над равниной жемчужный туман он увидел во мгле на юге какие-то тени. Сначала он принял их за стадо коров, а потом решил, что это беженцы из города. Но чуть погода разглядел знамя, копьё и серые кольчуги. Он крикнул Скиту, что видит всадников.

Скит всмотрелся со стены.

– Ты что-нибудь видишь, Том?

Это было перед самым рассветом, окрестности посерели и покрылись ключьями тумана. Томас взглянул и увидел в миле от города густой лес и низкую темную ограду над туманом. А потом тоже разглядел в сером свете знамена, серые кольчуги и частокол копий.

– Латники, – сказал он, – и много их, гадов.

Скит выругался. Из людей Тотсгема одни были еще в городе, другие тащились по дороге в Ла-Рош-Дерьен и растянулись так далеко, что не было никакой надежды вернуть их за стены Ланьона. Но даже будь это возможно, это все равно не принесло бы никакой пользы, поскольку вся западная сторона города неистово пылала и пожар быстро распространялся. Отступление за стены было чревато риском изжариться заживо, но и сражаться люди Тотсгема вряд ли могли: многие были пьяны и все перегружены награбленным.

– Кусты, – коротко сказал Скит, указывая на неровную линию терновника и бузины, что шла вдоль дороги, по которой громыхали повозки. – Лучников – в кусты, Том. Мы присмотрим за вашими конями. Бог знает, как мы остановим этих гадов, – он перекрестился, – но у нас нет другого выбора.

Томас угрозами освободил проход в запруженных толпой воротах и провел сорок лучников по болотистому лугу к кустарнику, казавшемуся хрупким барьером против врага, собравшегося в серебристом тумане. Там было по меньшей мере триста всадников, которые пока еще не наступали, но группировались к атаке, а у Томаса было всего сорок человек, чтобы их остановить.

– Растянуться! – крикнул Томас. – Растянуться!

Он быстро опустился на колени и перекрестился. «Святой Себастьян, – молился он, – пребудь с нами. Святой Гинфорт, защити меня!» Он дотронулся до засушенной собачьей лапы и снова перекрестился.

К его отряду присоединилась еще дюжина лучников, но их по-прежнему оставалось слишком мало. Солдат на дороге могли бы перебить два десятка пажей с игрушечными мечами верхом на пони. Кусты были плохой защитой для Томаса и стрелков. Они кончались примерно

в половине мили от города. Всадникам стоило лишь обогнуть их, и уже ничто не смогло бы остановить коней. Томас мог бы вывести своих стрелков на открытое место, но его пятьдесят человек были не в состоянии остановить три сотни всадников. Лучники были хороши, когда собирались вместе и обрушивали на противника плотный дождь стрел со стальными наконечниками. Пятьдесят человек могли устроить такой ливень, но всадники все равно бы прорвались и перебили их.

– Арбалетчики, – хмыкнул Джейк.

Томас увидел, как из леса позади закованных в броню вражеских всадников появились люди в красно-зеленых камзолах.

От вражеских кольчуг, мечей и шлемов холодно отражался рассвет.

– Ублюдки теряют время, – нервно проговорил Джейк.

Он воткнул дюжину стрел у основания кустарника, достаточно густого, чтобы остановить всадников, но неспособного замедлить арбалетные стрелы.

Уилл Скит собрал шестьдесят своих латников у дороги, готовый контратаковать противника, чья численность увеличивалась с каждой минутой. С востока уже подъезжали воины герцога Карла и его французские союзники, поглядывая на то место, где кончался кустарник и где к дороге можно было проехать через открытое поле. Томас не понимал, какого черта они медлят. И гадал, не погибнет ли здесь. «Боже милостивый, – думал он, – у нас нет и доли того войска, которое могло бы остановить такого врага». А в Ланьоне продолжал бушевать пожар, заволакивая дымом бледное небо.

Томас перебежал в левый край цепи, где увидел отца Хобба с луком.

– Вам не следует здесь находиться, святой отец.

– Бог меня простит, – ответил священник.

Он заткнул сутану за пояс и рядом воткнул стрелы в землю. Взглянув на прогалину, Томас прикинул, сколько времени его люди продержатся на своих позициях. «Все, что нужно врагам, – думал он, – это полоса голой ровной земли, чтобы разогнать коней». Однако при более внимательном рассмотрении оказалось, что земля была не вполне гладкой: ее испещряли травянистые кочки, среди которых на прямых ногах расхаживали две серые цапли, охотясь на лягушек и утят. Лягушки и утята, подумал Том. Боже милостивый, да это же болото! Весна выдалась необычно сухой, и все же его сапоги намокли, пока он пересекал сырое поле, чтобы добраться до кустов. Осознание этого озарило Томаса, как поднимающееся солнце. Открытое место было болотом! Неудивительно, что враги медлят. Они видят, как растянулись люди Тотсгема на дороге после побоища, но не могут найти пути через вязкую почву.

– Сюда! Сюда! – закричал он лучникам. – Скорее! Скорее! Давайте же, болваны!

Обогнув кустарник, Томас вывел их на болото, где они запрыгали с кочки на кочку и зашлепали по воде в лабиринте топей, бугров и ручейков. Лучники пробрались на юг по направлению к противнику, и когда оказались на расстоянии выстрела, Томас растянул их в цепь и дал им волю в стрельбе по мишеням. Его страх прошел, уступив место возбуждению. Врага сдерживало болото. Их кони не могли идти вперед, а стрелки Томаса свободно перепрыгивали с кочки на кочку, как черти. Как эллекин.

– Бей гадов! – кричал он.

Над болотом зажужжали стрелы с белым оперением, поражая коней и людей. Враги пытались атаковать лучников, но их кони вязли в мягкой почве и становились мишенями для стрел. Арбалетчики спешили и пошли в наступление, но лучники направили стрелы в них, а кроме того, стали прибывать новые силы, посланные Скитом и Тотсгемом. Болото вдруг оказалось заполнено английскими и валлийскими стрелками, обрушившими на растерявшегося противника стальной ад. Это превратилось в игру: лучники заключали пари, попадут или нет в определенную цель. Солнце поднялось выше, отбрасывая тени от убитых коней. Враг попытался укрыться за деревьями. Какой-то отряд храбрецов предпринял последнюю атаку в надежде

пройти по краю болота, но их кони увязли, в них впивались стрелы, люди и животные с криками падали. Один всадник пробился вперед, хлеща коня плашмя своим мечом. Томас послал стрелу коню в шею, а Джейк пронзил ему ляжку, и животное с жалобным ржанием задергало ногами и рухнуло в топь. Всадник умудрился выпутать ноги из стремян и, изрыгая проклятия, бросился на лучников, опустив меч и подняв щит. Сэм послал стрелу ему в пах, а потом дюжина других стрелков добавила свои. Лучники роем окружили павших врагов. Они достали ножи и начали делить добычу. С убитых снимали кольчуги, забирали оружие, с коней сдирали седла и сбрую, а пока лучники подсчитывали трофеи, отец Хобб прочел молитву по убитым.

К середине утра противник бежал, оставив четыре десятка трупов и вдвое больше раненых. Ни одного английского или валлийского стрелка убито не было.

Войско герцога Карла вернулось в Гингам ни с чем. Ланьон был уничтожен, враг потерпел унижительное поражение, и люди Уилла Скита в Ла-Рош-Дерьене пировали. Они были элликином, им не было равных, и никто не мог их разбить.

На следующее утро, еще до рассвета, Томас, Сэм и Джейк покинули Ла-Рош-Дерьен. Они поскакали на запад, к Ланьону, но, въехав в лес, свернули с дороги и привязали коней к деревьям в чаще, а потом крадучись вернулись на опушку. У каждого за плечом был лук, а еще они несли с собой по арбалету. В зарослях колокольчиков на опушке, откуда виднелись западные ворота Ла-Рош-Дерьена, они поупражнялись с непривычным оружием. У Томаса была всего дюжина арбалетных стрел, коротких и с жестким оперением, так что каждый выстрелил лишь по два раза. Уилл Скит был прав: арбалет при стрельбе отдавал назад, и поэтому первые стрелы попали в ствол дерева намного выше цели. Второй выстрел у Томаса получился точнее, но далеко не таким точным, как из хорошего лука. Промаях напомнил ему о рискованности этого утреннего предприятия, но и Джейк, и Сэм радовались предстоящему грабежу и убийству.

– Промаяхнуться невозможно, – сказал Сэм после второго выстрела, когда опять послал стрелу выше цели. – Пусть я не попаду ублюдку в живот, но куда-нибудь мы ему попадем.

Он снова, крихтя от усилий, натянул тетиву воротом. Ни один человек не мог натянуть тетиву арбалета одной силой рук, для этого использовался механизм. Самые дорогие арбалеты, то есть самые дальнобойные, имели винтовой домкрат. Стрелок накладывал на винт кривую ручку и, поворачивая ее, дюйм за дюймом оттягивал тетиву назад, пока защелка над спусковым крючком не фиксировала ее. Некоторые арбалетчики использовали в качестве рычага свое тело. Они носили толстые кожаные ремни с прикрепленным крючком и, нагнувшись, прицепляли крючок к тетиве, а потом, выпрямляясь, тянули свитые нити назад. Арбалеты, захваченные Томасом в Ланьоне, использовали рычаг в форме задней козьеи ноги, который натягивал тетиву и сгибал короткое цевьё лука, склеенное слоями из рога и дерева. Рычажные арбалеты были, вероятно, самыми скорострельными, хотя и не обладали дальнобойностью винтовых и были куда медленнее тисового лука. На самом деле ничто не могло сравниться с английским луком, и люди Скита вели бесконечные споры, почему враг не освоит это оружие.

– Потому что дураки, – коротко рассудил Сэм.

По мнению Тома, все дело было в том, что другие народы не начинают обучать своих сыновей с младенчества. Чтобы стать лучником, надо учиться с детства, а потом упражняться и упражняться, пока грудь не станет широкой, мускулы на руках мощными и стрела не будет вылетать в цель, словно стрелок об этом и не думает.

Джейк всадил свою вторую стрелу в дуб и грязно выругался, увидев, что и она не попала в мишень. Он взглянул на лук:

– Дерьмо. Как близко мы будем от него?

– Насколько сможем, – ответил Томас.

Джейк фыркнул:

– Если я смогу упереть чертов арбалет ублюдку в брюхо, то, возможно, не промаяхнусь.

- Тридцать-сорок футов будет достаточно, – счел Сэм.
- Цельтесь в промежность, – подбодрил Томас, – и мы выпустим ему кишки.
- Но нас же трое, – сказал Джейк. – Хотя бы один да насадит ублюдка на вертел.
- В тень, ребята, – велел Томас, делая знак спрятаться.

Он увидел, как из городских ворот появилась Жанетта. Стража проверила ее пропуск и махнула рукой, разрешая ехать. Графиня сидела боком на маленькой лошадке, которую одолжил ей Скит. Ее сопровождали двое седовласых слуг, мужчина и женщина, которые состарились на службе ее отцу, а теперь шагали рядом с лошадкой молодой госпожи. Если бы Жанетта действительно собиралась ехать в Луаннек, то такой хилый, престарелый эскорт накликал бы беду. Но на это, конечно же, и был расчет, и не успела она приблизиться к деревьям, как эта самая беда возникла в лице сэра Саймона Джекилла, выехавшего верхом из тени арки городских ворот. С ним были еще двое.

- А что, если эти двое ублюдков останутся с ним? – спросил Сэм.
- Не останутся, – ответил Томас.

Он был уверен в этом, как они с Жанеттой не сомневались и в том, что сэр Саймон последует за ней, надев украденные у нее дорогие доспехи.

- Храбрая бабенка, – хмыкнул Джейк.
- У нее хватает духу, – подтвердил Томас, – и она умеет ненавидеть.

Джейк проверил острие стрелы арбалета и спросил Томаса:

- Ты с ней спелся?
- Нет.
- Но ты бы хотел? Я бы – да.
- Не знаю, – сказал Томас.

Он считал Жанетту красавицей, но Скит был прав: в ней была жесткость, которая его отталкивала.

- Пожалуй, да, – признал он.
- Еще бы! – воскликнул Джейк. – Нужно быть болваном, чтобы не хотеть.

Когда Жанетта оказалась среди деревьев, Томас с товарищами последовали за ней, оставаясь невидимыми и сознавая, как быстро приближается сэр Саймон с двумя всадниками. Эти трое, въехав в лес, перешли на рысь и догнали Жанетту в месте, идеально подходящем для устроенной Томасом засады. Дорога проходила в нескольких ярдах от поляны, где петляющий ручеек подмыл корни ивы. Упавший ствол прогнил и зарос плоскими круглыми грибами. Жанетта, притворяясь, что пропускает троих всадников, свернула на поляну и подождала у поваленного дерева. И лучше всего было то, что к стволу ивы примыкали заросли ольхи. Там и укрылся Томас.

Сэр Саймон свернул с дороги, нырнул под ветви и остановил коня рядом с Жанеттой. Одним из его спутников был Генри Колли, тот самый желтоволосый громила, который так избил Томаса. Другим – оруженосец, увалень с вечно разинутым ртом. Он ухмылялся в ожидании предстоящего развлечения. Сэр Саймон снял шлем со свиным рылом и, повесив его на луку седла, торжествующе улыбнулся.

- Это небезопасно, мадам, – путешествовать без вооруженного эскорта.
- Я в полной безопасности, – заявила Жанетта.

Двое ее слуг укрылись за ее лошадкой, а Колли и оруженосец зажали Жанетту своими конями.

Звеня доспехами, сэр Саймон спешил.

– Я надеялся, дорогая госпожа, – сказал он, приближаясь, – что мы сможем поговорить по дороге в Луаннек.

– Хотите помолиться святому Иву? – спросила Жанетта. – О чем вы его попросите? Чтобы он ниспослал вам учтивости?

– Я бы просто поговорил с вами, мадам, – ответил сэр Саймон.

– О чем?

– О вашей жалобе графу Нортгемптонскому. Вы замарали мою честь, леди.

– Вашу честь? – Жанетта рассмеялась. – У вас есть честь, которую можно замарать? Вы когда-нибудь понимали значение этого слова?

Томас в зарослях ольхи шепотом переводил Джейку и Сэму. Все три арбалета были натянуты, и маленькие злобные стрелы лежали на тетивах.

– Если вы не хотите говорить со мной на дороге, мадам, нам придется поговорить здесь, – заявил сэр Саймон.

– Мне с вами не о чем говорить.

– Тогда вам остается только слушать, – произнес он и протянул руку, чтобы стащить женщину с седла.

Она стала барабанить кулачками по его стальным перчаткам, однако сопротивление не помешало рыцарю стянуть ее на землю. Двое слуг закричали, но Колли и оруженосец утихомирили их, схватив за волосы и оттащив с поляны. Жанетта с сэром Саймоном остались наедине.

Жанетта отползла назад и встала у поваленного дерева. Томас поднял арбалет, но Джейк рукой опустил его, так как эскорт сэра Саймона был еще рядом.

Сэр Саймон с силой толкнул Жанетту, опрокинув ее на прогнивший ствол дерева. Затем он вытащил из ножен кинжал и вогнал узкое лезвие глубоко в дерево, пригвоздив ее юбку к поваленной иве. Стальным башмаком он вбил клинок по самую рукоятку и удостоверился, что тот глубоко вошел в дерево. Колли и оруженосец удалились, и шум копыт их коней затих среди зеленой листвы.

Рыцарь улыбнулся. Он шагнул вперед и стянул с плеч Жанетты плащ.

– Впервые увидев вас, моя госпожа, – сказал сэр Саймон, – признаюсь, я подумал о женитьбе. Но вы оказались упрямы, и я передумал.

Он дернул ее за корсаж, вырвав шнуровку из вышитых петель. Жанетта закричала, пытаясь прикрыться. Джейк снова не дал Томасу поднять арбалет.

– погоди, пусть он снимет доспехи, – прошептал он.

Они знали, что арбалет пробивает кольчугу, но не знали, насколько прочны пластины лат. Сэр Саймон рывком развел руки Жанетты.

– Что ж, мадам, – сказал он, разглядывая ее груди, – теперь мы можем поговорить.

Он отошел и стал снимать доспехи. Сначала снял стальные перчатки, расстегнул перья, потом через голову снял кожаные наплечники. Он нащупал боковые пряжки нагрудника и спинных лат, прикрепленных к кожаной основе, которая также поддерживала броню на руках. Внизу основа имела кольчужную юбку. Из-за веса пластин и кольчуги сэру Саймону пришлось потрудиться, стягивая ее через голову. Он покачнулся, и Томас снова поднял арбалет. Но сэр Саймон переступил с ноги на ногу, ища равновесия, и Томас, потеряв цель, убрал палец со спускового крючка.

Тяжелые доспехи упали на землю, взъерошенный рыцарь остался с открытой грудью, и Томас снова приложил к плечу арбалет. Но тут сэр Саймон опустил его, чтобы снять набедренники, наголенники, солереты⁴ и сапоги. Он сидел покрытыми броней ногами к засаде, мешая Томасу прицелься. Жанетта схватилась за кинжал, до безумия испугавшись, что Томаса рядом нет, но как ни силилась, клинок не выходил из дерева.

Сэр Саймон стянул солереты, закрывавшие ступни, и снял кожаные штаны с прикрепленными поножами.

– А вот теперь, – встав и белея голой кожей, сказал он, – пожалуй, можно поговорить как следует.

⁴ *Солерет* – стальной ботинок в рыцарских доспехах.

Жанетта в последний раз попыталась выдернуть кинжал в надежде вонзить его сэру Саймону в белый живот. И тут Томас нажал на спусковой крючок.

Стрела оцарапала рыцарю грудь. Томас целился ему в пах, рассчитывая, что стрела войдет в живот, но она скользнула по ветке ольхи и отклонилась. На коже сэра Саймона выступила кровь, и он с такой быстротой припал к земле, что стрела Джейка пролетела у него над головой. Рыцарь пополз к своим доспехам, но потом сообразил, что все равно не успеет их надеть, и бросился к коню. В это время в правую ляжку ему попала стрела Сэма. Сэр Саймон вскрикнул, чуть не упал и, решив, что коня ему тоже не спасти, хромя, бросился в лес. Томас выпустил вторую стрелу. Она прошла мимо и впиалась в дерево, а потом голый человек исчез. Томас выругался. Рыцарь оказался слишком юрким и проворным.

– Я уже думала, вас нет! – сказала Жанетта, когда Томас вышел из ольшаника.

Она прижимала к груди разорванную одежду.

– Мы упустили ублюдка, – сердито проговорил Томас.

Он вытащил кинжал из ее юбок, а Джейк и Сэм запихали в два мешка доспехи. Томас бросил на землю арбалет и достал из-за плеча свой черный лук. Теперь, подумал он, нужно выследить сэра Саймона в лесу и убить гада. Стрелу с белым оперением можно вытащить из раны и воткнуть туда арбалетную, так что нашедший тело решит, что рыцаря убили бандиты или вражеские солдаты.

– Обыщите его переметные сумы, – сказал он Джейку и Сэму.

Жанетта завязала на шее плащ. Ее глаза расширились, когда она увидела посыпавшееся из сумок золото.

– Оставайтесь здесь с Джейком и Сэмом, – сказал ей Томас.

– А ты куда? – спросила она.

– Закончить работу, – мрачно проговорил он.

Он распустил веревку на своем мешке со стрелами и к длинным стрелам для лука добавил одну короткую арбалетную.

– Подождите здесь, – велел он Джейку и Сэму.

– Я помогу тебе, – вызвался Сэм.

– Нет, – отказался Томас, – оставайтесь тут и присмотрите за графиней.

Он злился на себя. Нужно было с самого начала воспользоваться луком, потом удалить предательскую стрелу и выстрелить в сэра Саймона из арбалета, а так вся затея провалилась. Но, по крайней мере, рыцарь побежал на запад, прочь от своих двоих латников. Он голый, раненый и без оружия. Легкая добыча, сказал себе Томас, направившись по кровавому следу среди деревьев. След вел на запад, а когда крови стало меньше, свернул на юг. Очевидно, сэр Саймон направился к своим спутникам, и Томас, отбросив осторожность, просто побежал в надежде отрезать беглеца. Проломившись через заросли орешника, он увидел хромящего сэра Саймона и натянул лук.

Но тут показались Колли и оруженосец, оба с обнаженными мечами пришпоривали коней по направлению к Томасу. Он сменил цель и не думая выстрелил в того, кто ближе. Он был хорошим лучником. Стрела пошла верно, прямо и попала в защищенную кольчугой грудь оруженосца. Тот откинулся в седле назад, выронил на землю меч, а его конь резко метнулся влево и заслонил сэра Саймона.

Колли рванул поводья и поскакал к рыцарю, который вцепился в его протянутую руку и наполовину бегом, наполовину волочась за конем скрылся среди деревьев. Томас достал из мешка вторую стрелу, но когда выстрелил, двое уже почти исчезли из виду, а стрела попала в ветку и потерялась в листве.

Томас выругался: какое-то мгновение Колли смотрел прямо ему в лицо, да и сэр Саймон тоже видел его. С третьей стрелой на тетиве Томас вглядывался в лес, понимая, что все пропало. В одно мгновение. Все.

Он побежал к поляне у ручья.

– Отвезите графиню в город, – велел он Джейку и Сэму, – но, ради бога, осторожнее. Скоро нас будут искать. Вам придется проскользнуть украдкой.

Они устали на него, ничего не понимая, и Томас рассказал, что случилось. Он убил оруженосца сэра Саймона и таким образом превратился сразу в убийцу и беглеца. Сэр Саймон и желтоволосый Колли видели его, они выступят свидетелями на суде и отпразднуют его казнь.

То же самое он повторил Жанетте по-французски.

– Вы можете положиться на Джейка и Сэма, но нельзя, чтобы вас схватили по дороге домой. Придется пробираться тайком!

Джейк и Сэм возражали, но Томас прекрасно знал, каковы будут последствия убийства.

– Расскажите обо всем Уиллу, – велел он. – Свалите все на меня и скажите, что я жду его в Катр-Ване. – Это была опустошенная эллекином деревня к югу от Ла-Рош-Дерьена. – Мне нужен его совет.

Жанетта пыталась убедить его, что паниковать не следует.

– Может быть, они тебя не узнали? – с надеждой предположила она.

– Узнали, моя госпожа, – мрачно проговорил Томас и уныло улыбнулся. – Все это очень печально, но вы, по крайней мере, вернули доспехи и меч. Спрячьте их хорошенько.

Он сел на коня сэра Саймона.

– Катр-Ван, – повторил Томас Джейку и Сэму и погнал коня через лес на юг.

Теперь он был убийца, беглец, его разыскивали, и это означало, что для любого встречного он добыча, один среди устроенной эллекином пустыни. У него не было ни малейшего представления, что делать и куда идти, он лишь знал, что необходимо выжить и потому он должен скакать, как всадник дьявола, каковым он и был.

И он поскакал.

* * *

Раньше Катр-Ван был маленькой деревушкой, едва ли больше Хуктона, с запущенной, похожей на сарай церковью, с горсткой домов, где люди и скотина ютились под одной соломенной крышей, с водяной мельницей и несколькими удаленными фермами, сгорбившимися в укрытых долинах. Теперь остались только каменные стены церкви и мельницы, остальное превратилось в угли, золу и дикую траву. Когда Томас прискакал сюда на взмыленном от долгого пути коне, его встретили лишь цветы в неухоженных садах. Он отпустил жеребца пастись на густо заросшем огороженном лугу, а сам углубился в лес за церковью. Томас из Хуктона был потрясен, напуган и растерян, поскольку предприятие, казавшееся всего лишь игрой, вдруг повергло его жизнь во мрак. Еще несколько часов назад он был стрелком английского войска, и хотя такое будущее вряд ли порадовало бы молодых людей, с которыми он буянил в Оксфорде, Томас не сомневался, что мог бы подняться так же высоко, как Уилл Скит. Раньше он представлял себя командиром отряда солдат, рисовал в мечтах, как верный черный лук ведет его к богатству и даже высокому положению, а теперь оказался человеком, на которого охотятся. Томас был в такой панике, что даже начал сомневаться насчет Уилла Скита, опасаясь, что, раздраженный неудачной засадой, он арестует Томаса и заставит поплясать на веревке на рыночной площади Ла-Рош-Дерьена. Его также беспокоило, что Жанетту по пути в город схватят. Обвинят ли и ее в убийстве? Наступала ночь, и он поехал. Томасу было двадцать два года, и он потерпел полный крах, остался один и пребывал в совершенной растерянности.

Когда он проснулся, было холодно и моросил дождь. По лугу, где щипал траву скакун сэра Саймона Джекилла, бегали зайцы. Томас достал из-под кольчуги кошелек и пересчитал монеты. Там было золото из переметной суммы сэра Саймона и немного его собственных денег, так что о бедности речи не шло, но, как и многие в эллекине, Томас держал основную часть

своих денег у Уилла Скита. Даже когда стрелки рыскали по окрестностям, всегда несколько человек оставались в Ла-Рош-Деръене, чтобы присматривать за награбленным. Что же делать? У него есть лук и несколько стрел. Можно пойти в Гасконь. Хотя он не имел представления, насколько это далеко, но, по крайней мере, знал, что там стоят английские гарнизоны и они наверняка будут рады принять опытного лучника. Или, возможно, он сумел бы найти способ переправиться через Ла-Манш? Вернуться домой, взять другое имя, начать все сначала. Вот только дома у него не было. Но уж чего наверняка не стоит делать – это оказаться на расстоянии висельной веревки от сэра Саймона Джекилла.

Эллекин появился вскоре после полудня. Первыми в деревню въехали стрелки, а за ними латники, конвоировавшие фургон с натянутым на деревянные обручи коричневым парусиновым пологом. Фургон тянула одна лошадь, а рядом с ним ехали отец Хобб и Уилл Скит. Это вызвало у Томаса замешательство: он никогда не видел, чтобы эллекин пользовался такими повозками. Но потом Скит и священник отделились от латников и, пришпорив коней, поскакали к лужайке, где пасся жеребец.

Они остановились у ограды, и Скит, сложив ладони, крикнул в сторону леса:

– Выходи, ты, тупой ублюдок!

Томас вышел покорно, как баран, и его встретили иронические реплики товарищей. Скит хмуро посмотрел на него.

– Божьи мощи, Том! – сказал он. – Дьявол просчитался, когда взгромоздился на твою мать.

Отец Хобб выразил неодобрение богохульством Уилла, после чего поднял руку для благословения.

– Ты потерял остроту зрения, Том, – дружелюбно проговорил он. – Сэр Саймон вернулся в Ла-Рош-Деръен полуголый и весь в крови, как покалеченный хряк. Прежде чем мы уедем, я выслушаю твою исповедь.

– Не скалься, глупый ублюдок! – перебил священника Скит. – Боже милостивый, Том, если взялся за дело, делай его как следует. Как следует! Почему ты оставил эту сволочь в живых?

– Я промахнулся.

– И тогда пошел и вместо него убил вонючего оруженосца. Боже милостивый, какой же ты чертов болван!

– Полагаю, меня хотят повесить? – спросил Томас.

– О нет! – Скит разыграл удивление. – Конечно нет! В честь тебя хотят устроить праздник, украсить твою шею венками и дать тебе дюжину девственниц, чтобы они согрели твою ложе. Какого черта, ты думаешь, с тобой хотят сделать? Конечно они желают тебе смерти, и я поклялся жизнью моей матери, что приведу тебя, если найду живым. Он похож на живого, святой отец?

Отец Хобб внимательно осмотрел Томаса:

– Мне кажется, он совершенно мертв, мастер Скит.

– И черт возьми, этот тупой ублюдок заслуживает смерти.

– А как графиня? – спросил Томас.

– Добралась до дому, если ты это имеешь в виду, – ответил Скит, – но чего, как ты думаешь, захотел сэр Саймон, едва только прикрыл свой увядший конец? Обыскать ее дом, Том, в поисках неких доспехов и меча, по праву принадлежащих ему. Он не такой тупой болван и понял, что вы с ней заодно.

Томас выругался. Скит прибавил к его чертыханиям пару крепких слов.

– Так что они придавили ее двух слуг, и те признались, что графиня все спланировала.

– Придавили?

– Придавили, – повторил Скит. – Положили их на землю и стали наваливать на грудь камни. Старушонка выложила все после первого же камня, так что они почти не пострадали. Зато теперь сэр Саймон хочет обвинить ее светлость в убийстве. И естественно, обшарил ее дом в поисках меча и доспехов. Ничего не нашел, поскольку я очень хорошо спрятал их и ее саму. И все же она, как и ты, по уши в дерьме. Нельзя просто так пускать стрелы в рыцарей и убивать их оруженосцев, Том! Это нарушает порядок вещей!

– Мне очень жаль, Уилл.

– Короче, вот что, – сказал Скит. – Графиня хочет обратиться за защитой к дяде своего мужа. – Он щелкнул большим пальцем по повозке. – Она здесь вместе со своим чадом, двумя избитыми слугами, доспехами и мечом.

– Господи Иисусе! – воскликнул Томас, уставившись на повозку.

– Это ты запихал ее сюда, – проворчал Скит, – ты, а не Господь. А я выполнил чертову работенку, скрыв ее от сэра Саймона. Дик Тотсгем подозревает, что и я тут замешан, и не одобряет этого, хотя под конец поверил мне на слово. Мне пришлось пообещать приволочь тебя назад за твой паскудный заговор. Но я тебя не видел, Том.

– Мне очень жаль, Уилл, – снова проговорил Томас.

– Еще бы не жаль, – сказал Скит.

Он втайне гордился, что ему удалось так ловко уладить устроенный Томасом кавардак. Сэма и Джейка сэр Саймон и его выживший латник не видели, и им ничего не грозило; Томас оказался в бегах, а Жанетту удалось благополучно вывезти из Ла-Рош-Дерьена, прежде чем сэр Саймон успел превратить ее жизнь в ад.

– Она едет в Гингам, – продолжал Скит, – и я выделил дюжину солдат проводить ее. Одному Богу известно, с уважением ли отнесется враг к их белому флагу. Будь у меня хоть капелька чертова здравого смысла, я бы содрал с тебя живого кожу и сделал из нее чехол для лука.

– Да, Уилл, – кротко проговорил Томас.

– Не говори мне это чертово «Да, Уилл», – сказал Скит. – Что ты собираешься делать в эти последние несколько дней своей никчемной жизни?

– Не знаю.

Скит фыркнул:

– Ты бы мог для начала повзрослеть, хотя на это у тебя, вероятно, мало шансов. Да, парень. – Он сменил тон и заговорил серьезно: – Я взял из сундука твои деньги, они здесь. – Скит протянул Томасу кожаную переметную суму. – А в повозку госпожи я положил три связки стрел – тебе хватит, чтобы протянуть несколько дней. Если бы у тебя была хоть капля здравого смысла – я сказал «если бы», – ты отправился бы на юг или на север. Ты мог бы добраться до Гаскони, но это чертовски далеко. Фландрия ближе, и там много английских войск, которые, наверное, примут тебя, если окажутся в отчаянном положении. Таков мой тебе совет, парень. Отправляйся на север и надейся, что сэр Саймон никогда не попадет во Фландрию.

– Спасибо, – сказал Томас.

– Но как ты доберешься до Фландрии? – спросил Скит.

– Пешком?

– Божьи мощи! – воскликнул Уилл. – Да ты просто никчемный червивый кусок вшивого мяса! Идти в такой одежде, да еще с луком, – уж лучше самому перерезать себе горло. Получится быстрее, чем у французов.

– Вот, может пригодиться, – вмешался отец Хобб и протянул Томасу черный узел, который оказался рясой странствующего монаха-доминиканца. – Ты говоришь на латыни, Том, и прекрасно сойдешь за проповедника. Если кто-нибудь начнет допытываться, скажи, что направляешься из Авиньона в Ахен.

Томас поблагодарил его.

– И многие доминиканцы путешествуют с луком? – спросил он.

– Мальчик, – печально проговорил отец Хобб, – я могу расстегнуть тебе штаны и повернуть по ветру, но даже с помощью Всевышнего я не могу за тебя помочиться.

– Другими словами, – сказал Скит, – придумай хоть что-нибудь сам. Ты сам устроил эту свистопляску, Том, так что сам и выпутывайся. Мне нравилось твое общество, парень. Хотя при первой встрече я подумал, что из тебя не будет проку, прок был и есть. Ну, удачи тебе, друг.

Он протянул руку, и Том пожал ее.

– Ты можешь отправиться с графиней в Гингам, – закончил Скит, – а потом найти свой собственный путь, но отец Хобб хочет, чтобы ты сначала спас свою душу, бог знает зачем.

Отец Хобб слез с коня и провел Томаса в церковь без крыши, где меж плитами зеленела проросшая трава. Он настоял на исповеди, и от слов покаяния Томас ощутил себя несчастным.

Когда все было кончено, отец Хобб вздохнул.

– Ты убил человека, Том, – горестно проговорил он, – а это великий грех.

– Святой отец... – начал Томас.

– Нет-нет, Том, не оправдывайся. Церковь говорит, что убивать в бою – долг воина перед своим господином, но ты убил вне закона. Бедняга оруженосец, он-то чем тебя обидел? А ведь у него была мать, Том, подумай о ней. Нет, ты тяжело согрешил, и я должен наложить на тебя строгую епитимью.

Преклонивший колени Томас взглянул наверх и между редящими облаками над обгорелыми церковными стенами увидел парящего канюка. Потом отец Хобб подошел ближе и навис над кающимся.

– Я не заставлю тебя бубнить «Отче наш», Том, – сказал он, – а выберу наказание потяжелее. Кое-что очень тяжелое. – Священник возложил руку на голову Томаса. – Твоей епитимьей будет выполнение обещания, данного твоему отцу.

Он помолчал, ожидая ответа, но Томас не двигался, и отец Хобб сердито спросил:

– Ты слышишь?

– Да, святой отец.

– Ты разыщешь копьё святого Георгия, Томас, и вернешь в Англию. Таково твое наказание. А теперь, – он перешел на отвратительную латынь, – именем Отца и Сына и Святого Духа я отпускаю тебе грехи. – Он сотворил крест. – Не трать свою жизнь попусту, Том.

– Похоже, я уже растратил ее, святой отец.

– Ты еще молод. Так кажется, когда молод. Когда ты молод, жизнь – это сплошная радость или страдание. – Он помог Томасу встать с колен. – Ты ведь не висишь на виселице, верно? Ты жив, Том, и в тебе еще много жизни. – Священник улыбнулся. – У меня такое чувство, что мы еще встретимся.

Томас попрощался с друзьями, и Уилл Скит, забрав коня сэра Саймона Джекилла, повел эллекин на восток. В разоренной деревне остался фургон и его маленький эскорт.

Старшего в эскорте звали Хью Болтби, он был одним из лучших латников Скита и считал, что, скорее всего, встретится с врагом на следующий день, где-нибудь близ Гингама. Ему предстояло передать графиню и скакать обратно к Скиту.

– А тебе бы лучше сменить одежду стрелка, Том, – сказал он.

Томас шагал рядом с фургоном, а конем правил Пьер – старик, которого придавил сэр Саймон. Жанетта не пригласила Томаса внутрь, она делала вид, что его не существует. Но на следующее утро, когда они встали лагерем на заброшенной ферме, графиня рассмеялась, увидев Томаса в наряде странствующего монаха.

– Мне очень жаль, что так получилось, – сказал он.

Жанетта пожала плечами:

– Может быть, оно и к лучшему. Пожалуй, мне стоило отправиться к герцогу Карлу еще прошлой зимой.

– Почему же вы не уехали, моя госпожа?

– Он не всегда был добр ко мне, – задумчиво проговорила она, – но, я думаю, теперь все может быть иначе.

Она убеждала себя, что отношение герцога к ней изменилось благодаря письмам, которые она ему посылала и которые могли ему помочь, когда он поведет свои войска на Ла-Рош-Деръен. Она надеялась, что герцог примет ее, ведь ей отчаянно была нужна безопасная жизнь для сына, Шарля. Мальчик так радовался приключениям и поездке в тряском скрипучем фургоне. Они вместе начнут новую жизнь в Гингаме. И в Жанетте проснулась вера в эту новую жизнь. Ей пришлось покинуть Ла-Рош-Деръен в лихорадочной спешке, бросив в повозку только возвращенные доспехи, меч и кое-что из одежды; впрочем, у нее были кое-какие деньги, которые, как подозревал Томас, дал ей Скит. Но настоящие ее надежды были связаны с герцогом Карлом, который наверняка подыщет ей дом и одолжит денег в счет пропавшего оброка из Плабеннека.

– И конечно, он полюбит Шарля, как ты думаешь? – спросила она Томаса.

– Разумеется, – ответил Том, посмотрев на мальчика, который размахивал вожжами и покал языком в тщетных попытках заставить лошадь ехать быстрее.

– А что думаешь делать ты? – спросила графиня.

– Я-то не пропаду, – ответил Томас.

Ему не хотелось признаваться, что он не знает, что делать дальше. Вероятно, отправится во Фландрию, если сможет добраться. Поступит лучником в новое войско и будет по ночам молиться, чтобы никогда больше на его пути не попался сэр Саймон. Что касается епитимьи и копыя святого Георгия, у него не было никаких соображений, как найти копьё и как его вернуть на место.

На второй день пути Жанетта решила все-таки считать Томаса другом.

– Когда мы приедем в Гингам, – сказала она, – ты найдешь, где остановиться, а я уговорю герцога дать тебе пропуск. Даже странствующему монаху пригодится пропуск от герцога Бретани.

Но странствующие монахи не ходили с оружием, не говоря уж о длинном английском луке, и Томас не знал, куда его деть. Ему претила мысль избавиться от лука. Вид обгорелых бревен на заброшенных фермах подал ему идею. Он отломал короткий конец почерневшей жерди и привязал поперек к цевью лука со снятой тетивой, так что оно стало напоминать крестообразный посох пилигрима. Томасу вспомнился доминиканец, пришедший как-то в Хуктон с точно таким же посохом. Тот странствующий монах так коротко подстригал волосы, что казался лысым, и читал такие страстные проповеди у церкви, что отец Томаса прогнал его, устав от напыщенных речей. Теперь Томас рассчитывал изобразить такого же чудака. Жанетта предложила ему привязать к посоху цветы, чтобы замаскировать лук еще лучше, и он обернул свое оружие высоким загрубевшим клевером, выросшим на заброшенных полях.

Захваченный в Ланьоне фургон, влекомый сухопарой лошадкой, подсакивая и громахая, катил на юг. Приближаясь к Гингаму, латники стали еще осторожнее, боясь засады арбалетчиков в прилегающем к самой дороге лесу. У одного из англичан был охотничий рог, и он постоянно трубил, чтобы предупредить врага о своем приближении и дать им знать, что отряд идет с миром, а Болтби прицепил к концу копыя полоску белой ткани. Засады не было, но в нескольких милях от Гингама впереди показалась река, где путников поджидали вражеские солдаты. Вперед вышли два латника и дюжина арбалетчиков, подняв свое оружие, и Болтби позвал из фургона Томаса.

– Поговори с ними, – велел он.

Томас занервничал:

– Что им сказать?

– Дай им свое благословение, черт возьми, – сердито проговорил Болтби, – и скажи, что мы идем с миром.

С колотящимся сердцем и пересохшим ртом Томас пошел по дороге вперед, его черная ряса непривычно хлопала по лодыжкам. Помахав арбалетчиком рукой, он крикнул по-французски:

– Опустите оружие! Эти англичане идут с миром!

Один из всадников поскакал вперед. На его щите виднелся белый герб с горностаями, как у солдат герцога Иоанна. Сторонники герцога Карла окружали горностаю синей гирляндой с геральдическими лилиями.

– Ты кто? – спросил всадник.

Томас открыл рот для ответа, но слова замерли в горле. Разинув рот, он уставился на всадника с рыжеватыми усами и странными желтыми глазами. «Внушительный ублюдок», – подумал Томас и поднес руку к лапе святого Гинфорта. Возможно, святой вдохновил его, так как он вдруг испытал подъем и нашел удовольствие в роли монаха.

– Я всего лишь смиреннейший раб Божий, сын мой, – вкрадчиво проговорил Томас.

– Англичанин? – с подозрением спросил латник.

Томас говорил по-французски почти безупречно, но это был французский английский правителей, а не тот, на котором разговаривали во Франции.

Снова у Томаса похолодело в груди, но он выиграл время, перекрестившись, и с этим движением к нему вернулось вдохновение.

– Я шотландец, сын мой, – сказал он, и это немного успокоило подозрение желтоглазого, поскольку шотландцы всегда были союзниками Франции.

Томас ничего не знал о Шотландии, но сомневался, что и в Бретани многие знают больше. Это была далекая и во всех отношениях непривлекательная страна. Скит всегда говорил, что Шотландия – это край болот, скал и поганых язычников, которых убить вдвое труднее, чем любого француза.

– Я шотландец, – повторил беглец, – и привел родственницу герцога, оказавшуюся в руках англичан.

Всадник взглянул на фургон:

– Родственницу герцога Карла?

– А что, есть другой герцог? – с невинным видом спросил Томас. – Это графиня Арморика с сыном, который приходится внучатым племянником герцогу и сам по рождению граф. Англичане продержали их шесть месяцев в плену, но милостью Божьей теперь смягчились и отпустили. Герцог, я знаю, будет рад принять ее.

Томас раздувал титул Жанетты и ее родственную связь с герцогом, как свежевзбитые сливки, и враг проглотил историю целиком. Солдаты дали фургону проехать. Томас смотрел, как Хью Болтби пустил свой отряд легкой рысью, стремясь держаться по возможности подальше от арбалетчиков. Командир вражеских латников переговорил с Жанеттой, и, похоже, на него произвело впечатление ее высокомерие. Он сказал, что для него будет честью проводить графиню в Гингам, хотя предупредил, что герцога в данный момент в городе нет, но он уже возвращается из Парижа. Говорят, он сейчас в Рене, откуда до Гингама всего лишь день пути.

– Ты доставишь меня в Рен? – спросила Жанетта Томаса.

– А вы хотите, моя госпожа?

– Пьер стар и утратил былую силу, – ответила она. – Молодой человек всегда пригодится. Кроме того, если ты собираешься во Фландрию, тебе нужно в Рене переправиться через реку.

Так и получилось, что Томас составил ей компанию и еще три дня ехал в еле тащившемся фургоне. За Гингамом им не нужен был конвой, поскольку тут, на востоке Бретани, опасность встретить английских мародеров была мала и дороги патрулировались войсками герцога. Мест-

ность казалась Томасу странной: он привык к заросшим сорняками полям, заброшенным садам и покинутым деревням, а здесь в хозяйствах трудились люди и фермы процветали. Церкви были больше, в их окнах виднелись витражи, и все меньше и меньше людей говорили по-бретонски. Это все еще была Бретань, но здесь господствовал французский язык.

Путники останавливались в сельских тавернах с блохами в соломе. Жанетте с сыном отводили комнаты, считавшиеся лучшими, а Томас делил со слугами конюшню. По дороге им повстречались два священника, но ни один из них не заподозрил в Томасе самозванца. Он приветствовал их на латыни, на которой говорил лучше их, и оба пожелали ему доброго дня и счастливого пути. Томас почти ощущал их облегчение оттого, что он не ввязывается с ними в более пространную беседу. Доминиканцы были непопулярны среди приходских священников. Странствующие монахи сами были священниками, но считали своим долгом подавление ереси. Поэтому визит доминиканца предполагал, что приходской священник не выполняет свои обязанности, и даже грубый, неотесанный молодой монах вроде Томаса не встречал радушного приема.

В Рен они прибыли во второй половине дня. На востоке небо застилало темные тучи, и маячивший на их фоне город показался Томасу самым большим из когда-либо виденных. Городские стены были вдвое выше, чем в Ланьоне или Ла-Рош-Деръене, и через каждые несколько ярдов, как контрфорсы, были построены башни с заостренными крышами, откуда арбалетчики могли стрелять по любым наступающим войскам. Над стенами возвышалась крепость из светлого камня с развешенными флагами, превосходившая по высоте крепостные башни и колокольни церквей и соборов. Холодный ветер нес на запад запахи большого города – вонь сточных канав, смрад сыромятен и дым.

Стража у восточных ворот заинтересовалась найденными в фургоне связками стрел, но Жанетта убедил солдат, что это трофеи, которые она везет герцогу. Они также хотели взять таможенный сбор за изысканные доспехи, и Жанетта снова произнесла речь, напирая на свой титул и с привычной естественностью упоминая имя герцога. В конце концов солдаты уступили и пропустили фургон в узенькие улочки с выступавшими на проезжую часть лавками. За фургоном побежали нищие. Правившего лошадью Томаса толкали солдаты. Город был набит ими. Большинство латников носили эмблемы с белым горностаем и гирляндой, но у многих на камзоле было гемуэзское изображение чаши Грааля. Присутствие такого количества войск подтверждало, что герцог действительно в городе и готовится к походу, чтобы изгнать англичан из Бретани.

Под маячившими в вышине двумя башнями собора путники нашли таверну. Жанетта хотела подготовить себя к аудиенции у герцога и потребовала отдельную комнату, но за свои деньги смогла получить лишь каморку с пауками под самой крышей. Хозяин постоялого двора, болезненного вида парень, сказал, что Томасу, наверное, лучше остановиться в доминиканском монастыре, что находится рядом с церковью Святого Жермена к северу от собора. Но Томас заявил, что его предназначение – быть среди грешников, а не святых, и хозяин проворчал, что тот может спать во дворе, в фургоне графини.

– И никаких проповедей, святой отец, – добавил он. – Обойдемся без этого добра в «Трех ключах».

Служанка причесала Жанетту: заплела ее черные волосы в косы и свила их наподобие бараньих рогов, закрыв уши. Графиня надела красное бархатное платье, избежавшее разграбления, с юбкой, ниспадавшей от груди до пола, и белым корсажем с замысловатой вышивкой из васильков и маргариток, зашнурованным до самой шеи. Широкие рукава платья были подбиты лисьим мехом и доставали до красных туфель с роговыми пряжками. Подбитая тем же мехом шляпка гармонировала с платьем и была украшена иссиня-черной кружевной вуалью. Поплевав на руку, Жанетта стерла с лица сына грязь и отвела его вниз, во двор таверны.

– Как ты думаешь, вуаль уместна? – обеспокоенно спросила она Томаса.

Тот пожал плечами:

– По-моему, да.

– А цвет? Ничего, что платье красное?

Томас кивнул, скрыв удивление. Никогда еще он не видел такого шикарного платья. Теперь Жанетта выглядела настоящей графиней, а ее сын щеголял в чистой блузе, и волосы его были смочены и приглажены.

– Тебе предстоит встреча с двоюродным дедушкой! – сказала Шарлю Жанетта, лизнув палец и стирая остатки грязи с его шеи. – А он приходится племянником королю Франции. И это означает, что ты тоже родственник короля! Да, ты королевская родня! Разве тебе не повезло?

Шарля раздражала суетливость матери, но она не замечала этого, давая наставления Пьеру, своему слуге, как следует уложить в огромный мешок доспехи и меч. Ей хотелось показать доспехи герцогу.

– Хочу, чтобы он знал, – сказала она Томасу, – что когда мой сын вырастет, то будет сражаться за своего герцога.

Пьер, утверждавший, что ему уже стукнуло семьдесят, взял мешок и чуть не упал под его весом. Томас предложил свои услуги, чтобы отнести поклажу в крепость, но Жанетта и слышать об этом не хотела.

– Ты мог сойти за шотландца среди простого люда, но в окружении герцога могут оказаться люди, бывавшие в Шотландии. – Она разгладила складки на красной бархатной юбке. – Подожди здесь, а я пришлю Пьера назад с сообщением и, может быть, даже передам немного денег. Я уверена, герцог проявит щедрость. И еще попрошу для тебя пропуск. На какое имя? Шотландское? Просто монах Томас? Как только он тебя увидит, – сказала Жанетта сыну, – сразу откроет свой кошелек, ведь правда? Ну конечно же!

Пьеру удалось взвалить доспехи на плечо и не упасть при этом, и Жанетта взяла сына за руку.

– Я пришлю тебе весточку, – пообещала она Томасу.

– Да благословит тебя Бог, дитя мое, – сказал тот, – и да пребудет с тобой блаженный святой Гинфорт.

Жанетта сморщила нос при упоминании святого Гинфорта, который, как ей стало известно от Томаса, на самом деле был псом.

– Я возложу упования на святого Ренана, – с упреком проговорила она и удалилась.

За ней последовали Пьер с женой, а Томас остался ждать во дворе, благословляя конюхов, бездомных кошек и виноторговцев. Его отец как-то раз сказал: «Известная доля безумия – и тебя или посадят под замок, или сделают святым».

Наступила ночь, сырая и холодная, с порывистым ветром, задувающим в соборные башни и шуршащим соломой на крыше таверны. Томасу подумалось о епитимье, наложенной на него отцом Хоббом.

Было ли копые настоящим? Действительно ли оно вошло в чешую змея, проткнуло ребра и поразило сердце с холодной кровью? Томас думал, что да. Его отец верил в это, а его отец мог быть сумасшедшим, но никак не дураком. Копье выглядело старым, очень старым. Раньше Томас молился святому Георгию, но теперь нет, и это наполнило его таким чувством вины, что он упал на колени рядом с фургоном и попросил святого простить ему все прегрешения, простить убийство оруженосца и монашеское одеяние.

«Я не хочу быть плохим человеком, – говорил он победителю змея, – но ведь так легко забыть Небо и святых. А если хочешь, – молился он, – я найду копые, но ты должен мне сказать, что с ним делать».

Вернуть в Хуктон? Но насколько знал Томас, Хуктона больше не существовало. Возвратить его тому, кто владел этим копьём до того, как дед украл его? А кто был его дед? И почему

отец скрывался от своей семьи? И почему семья стремилась найти его и отобрать копьё? Томас не знал этого и в последние три года не задумывался об этом, но здесь, во дворе таверны, его вдруг разобрало любопытство. Его дед был солдатом и вором, но кто такой он был? Томас добавил к своим молитвам святому Георгию просьбу дать ему разузнать все это.

– Молишься о дожде, святой отец? – спросил один из конюхов. – Полагаю, он должен пойти. Сейчас нужен дождь.

Томас мог бы поесть в таверне, но внезапно его стало раздражать заполненное народом помещение, где солдаты герцога пели, орали и бранились со своими женщинами. Да и не хотелось встречаться с настороженным хитрецом-хозяином. Почему это Томас не пошел в монастырь? А еще любопытнее – почему это монах путешествует с такой красавицей?

– Она моя двоюродная сестра, – сказал ему Томас, и тот притворился, что поверил.

Томасу не хотелось новых вопросов, и потому он остался во дворе и кое-как поужинал тем, что осталось в фургоне, – черствым хлебом, прокисшим луком и засохшим сыром.

Начинался дождь, Томас забился поглубже в фургон, слушая, как стучат капли по парусине. Он представил, как Жанетту и ее маленького сына сейчас угощают засахаренными вкусностями на серебряных блюдах, прежде чем уложить спать на чистые льняные простыни в завешанной гобеленами спальне, и ему стало жаль себя. Он был беглецом, а Жанетта – его единственным союзником. Но она была слишком высока и могущественна для него.

Колокола возвестили о закрытии городских ворот. По улицам прошли дозоры, высматривая огни, которые могут за считанные часы уничтожить весь город. На стенах ежились часовые, а на вершине крепости развевались флаги герцога Карла. Томаса окружали враги, и единственной его защитой были сообразительность и одеяние доминиканца. Он был совсем один.

При приближении к крепости Жанетта все больше нервничала, но убеждала себя, что Карл Блуаский примет ее в свое окружение и признает ее сына, названного в его честь. Муж Жанетты всегда говорил, что герцог полюбит ее, как только узнает получше. Да, в прошлом Карл был к ней холоден, но ее письма должны были убедить его в ее преданности. Она не сомневалась, что у него, по крайней мере, хватит благородства не бросить женщину в беде.

К ее удивлению, попасть в крепость оказалось легче, чем договориться о проходе через городские ворота. Стражники махнули рукой на подъемный мост, она прошла под арку и оказалась в обширном дворе, окруженном конюшнями, клетями и складами. Два десятка латников упражнялись во владении мечом. В вечерних сумерках их клинки высекали искры. Другие искры летели из кузницы, где подковывали лошадей. Жанетта учуяла запах паленого копыта, который смешивался с вонью навоза и смрадом разлагающегося трупа, висевшего на цепях высоко на стене. Безграмотно написанная табличка лаконично объясняла, что казненный был вором.

Распорядитель провел Жанетту через вторую арку в большой холодный зал, где два десятка просителей ждали приема у герцога. Секретарь спросил ее имя и, когда Жанетта представилась, в молчаливом удивлении приподнял брови.

– Его светлости доложат о вашем присутствии, – нудно и без выражения проговорил он, оставив ее дожидаться на каменной скамье, шедшей вдоль одной из высоких стен зала.

Пьер опустил доспехи на пол и примостился рядом с ними. Некоторые просители ходили туда-сюда, сжимая в руках свитки и шепотом повторяя слова, которые собирались произнести перед герцогом; другие жаловались секретарям, что ждут здесь уже три, четыре, а то и пять дней. Долго ли еще? У столба задрала ногу какая-то собака, потом в зал ворвались два мальчика лет шести-семи с деревянными мечами. Они мельком взглянули на просителей и тут же бросились наверх по охраняемой латниками лестнице. Жанетта предположила, что это сыновья герцога, и ей представилось, как Шарль подружится с этими мальчиками.

– Ты будешь здесь счастлив, – с убеждением сказала она.

– Мама, я хочу есть.

– Уже скоро, милый. Потерпи.

Жанетта все ждала. По верхней галерее лестницы прошли две женщины в светлых платьях из дорогого льна; они словно плыли, и Жанетта в своем мятом красном бархате вдруг почувствовала себя как в обносах.

– Ты должен держаться с герцогом вежливо, – сказала она Шарлю, который от голода начинал капризничать. – Опустись перед ним на колено. Ты умеешь это делать? Ну-ка, покажи мне.

– Я хочу домой!

– Покажи маме, как ты опускаешься на колено. Вот, хорошо!

Жанетта поворошила сыну волосы и тут же постаралась снова привести их в порядок. С лестницы доносились сладкие звуки арфы и томной флейты, и Жанетта с тоской подумала о той жизни, которой всегда хотела. Жизни графини, жизни, окруженной музыкой и красивыми мужчинами, изяществом и могуществом. Она перестроит Плабенек, хотя и неизвестно, на какие средства, но сделает башню больше и устроит вот такую же каменную лестницу.

Прошел час, потом еще один. Стемнело. Зал тускло освещали два факела, посылая под высокие своды копать. Шарль совсем раскапризничался, Жанетте пришлось взять его на руки и укачивать, чтобы он уснул. По ступеням, держась под руку, спустились два священника, они смеялись чему-то. Затем сбежал слуга в ливрее герцога. Все просители выпрямились и с надеждой посмотрели на него. Он прошел к столу секретарей, поговорил о чем-то с ними, потом обернулся и поклонился Жанетте.

Она встала.

– Вы останетесь здесь, – велела графиня своим слугам.

Остальные просители обиженно уставились на нее: она последняя пришла в этот зал, а вызвали ее первую. Шарль еле волочил ноги, и Жанетта слегка шлепнула его по затылку, напоминая о манерах.

– Его светлость в добром здравии? – нервничая, спросила графиня.

Слуга не ответил, а просто провел ее по ступеням, потом направо по галерее, куда через открытые окна долетали капли дождя. Они прошли под арку и поднялись еще по одной лестнице, после чего слуга распахнул высокую дверь и объявил:

– Граф Арморика и его мать!

Круглая комната за дверью находилась, очевидно, в одной из башен крепости. Сбоку виднелся большой камин, а крестообразные прорези окон выходили в серую сырую темноту за стенами. Сама круглая комната была ярко освещена сорока или пятьюдесятью свечами, отбрасывавшими желтый свет на гобелены, огромный полированный стол, кресло, аналой с резными изображениями страстей Христовых и покрытую мехом кушетку. Пол был устлан оленьими шкурами, скрадывавшими звук шагов. За столом поменьше работали два секретаря, а за большим столом сидел сам герцог в роскошном темно-синем халате. Рядом с аналоем стоял сухопарый священник средних лет, светловолосый и узколицый. Он с неприязнью смотрел на Жанетту.

Она присела перед герцогом в поклоне и подтолкнула Шарля, шепнув ему:

– На колено!

Мальчик заплакал и зарылся лицом в ее юбку.

Герцог вздрогнул от детского плача, но ничего не сказал. Он был еще молод, хотя ближе к тридцати, чем к двадцати, худощав, со светлой бородкой и усами, с бледным настороженным лицом. Длинные белые костлявые пальцы переплелись под подбородком. Уголки губ были опущены вниз. Он имел репутацию образованного и набожного человека, но на лице читалась раздражительность, встревожившая Жанетту. Ей хотелось, чтобы герцог что-то сказал, но все четверо мужчин в комнате рассматривали ее в полной тишине.

– Имею честь представить вам вашего внучатого племянника графа Арморику, – сказала Жанетта, подтолкнув вперед плачущего сына.

Герцог взглянул на мальчика. Его лицо ничего не выразило.

– Его назвали Шарлем, – продолжала она.

С таким же успехом она могла бы промолчать, поскольку герцог так ничего и не сказал. Тишину нарушали лишь детские всхлипы и потрескивание огня в большом очаге.

– Надеюсь, вы получали мои письма, – нервно добавила Жанетта.

Внезапно заговорил священник, и она подскочила от неожиданности.

– Вы явились сюда, – сказал он резким голосом, – со слугой, который принес какую-то ношу. Что это?

Жанетта поняла, что они приняли мешок за дар герцогу, и покраснела, поскольку у нее не возникло такой мысли. Даже пустячный подарок стал бы жестом вежливости, но она просто забыла о положенной в таком случае учтивости.

– Там лежат доспехи и меч моего умершего мужа, которые я спасла от англичан. Англичане оставили меня ни с чем. Ни с чем. Я берегу доспехи и меч для сына, чтобы когда-нибудь он мог воспользоваться ими, сражаясь за своего сеньора.

Она склонила голову перед герцогом.

Тот рассматривал свои ногти. Жанетте показалось, что за все время он ни разу не моргнул, и это, как и его молчание, вызывало неловкость.

– Его светлость хотел бы взглянуть на доспехи, – заявил священник, хотя герцог не проявил признаков какого-либо желания.

Священник щелкнул пальцами, и один из секретарей вышел из комнаты. Второй, вооружившись ножницами, обошел вокруг комнаты, срезая обгоревшие фитили на свечах в железных подсвечниках. Герцог и священник не обращали на него внимания.

– Вы говорите, что писали письма его светлости, – снова заговорил священник. – Касательно чего?

– Я писала про новые укрепления в Ла-Рош-Деръене, святой отец, и предупреждала его светлость о нападении англичан на Ланьон.

– Если верить вашим словам... – произнес священник. – Если верить вашим словам...

Шарль по-прежнему плакал, и Жанетта дернула его за руку в надежде усмирить, но малыш заплакал еще громче. Секретарь, не оборачиваясь на герцога, переходил от свечи к свече. Ножницы лязгали, на мгновение взвивался клуб дыма, а потом ровный огонек разгорался еще ярче. Шарль ревел.

– Его светлость не любит хнычущих детей, – сказал священник.

– Мальчик голоден, святой отец, – нервно объяснила Жанетта.

– Вы приехали с двумя слугами?

– Да, святой отец.

– Они могут вместе с мальчиком поесть на кухне, – сказал священник.

Он щелкнул пальцами срезающему фитили секретарю, тот положил ножницы на ковер и взял за руку испуганного Шарля. Мальчик не хотел покидать мать, но секретарь оттащил его. Жанетта с дрожью слышала, как звук плача удаляется вниз по лестнице.

Не считая шевеления пальцами, герцог хранил неподвижность и только смотрел на Жанетту с непроницаемым выражением лица.

– Так вы утверждаете, – продолжил свой допрос священник, – что англичане оставили вас ни с чем?

– Они забрали все, что я имела! – страстно проговорила Жанетта.

Священник вздрогнул от ее голоса.

– Если они оставили вас в нищете, мадам, почему же вы не обратились к нам за помощью раньше?

– Я не хотела обременять его светлость, святой отец.

– А теперь захотели?

Жанетта нахмурилась:

– Я привезла с собой племянника его светлости, законного владельца Плабеннека. Или вы предпочли бы, чтобы он вырос среди англичан?

– Не дерзите, дитя мое, – спокойно проговорил священник.

В комнату вернулся первый секретарь. Он принес мешок, содержимое которого вывалил на оленью шкуру перед столом герцога. Тот несколько секунд рассматривал доспехи, а потом откинулся на спинку резного кресла.

– Весьма тонкой работы, – заметил священник.

– Они очень ценны, – согласилась Жанетта.

Герцог снова уставился на доспехи. Ни один мускул на его лице не дрогнул.

– Его светлости нравится, – сказал священник и сделал рукой знак секретарю.

Тот, без слов понимая, чего от него хотят, собрал доспехи и меч и вынес из комнаты.

– Я рада, что они понравились вашей светлости, – проговорила Жанетта и снова присела.

У нее возникла смутная догадка, что герцог, несмотря на сказанные ею слова, принял доспехи и меч за подарок, но переспрашивать не хотелось. Это можно выяснить позже. Через стрельчатые прорезы окон ворвался порыв холодного ветра и принес капли дождя; пламя на свечах задрожало.

– Так чего же вы просите у нас? – спросил священник.

– Моему сыну нужно убежище, святой отец, – нерешительно проговорила Жанетта. – Ему нужен дом, место, где он мог бы расти и учиться быть воином.

– Его светлость с радостью удовлетворяет эту просьбу, – ответил священник.

Жанетта ощутила прилив огромного облегчения. Атмосфера в комнате была столь недружелюбна, что графиня боялась, как бы ее не вышвырнули, подобно нищей попрошайке. Слова священника, хотя и прозвучали холодно, подбодрили ее. Герцог брал на себя эту ответственность, и Жанетта в третий раз присела перед ним:

– Благодарю вас, ваша светлость.

Священник собрался что-то сказать, но, к удивлению Жанетты, герцог протянул свою белую руку, и священник преклонил голову.

– Нам это доставит удовольствие, – проговорил герцог высоким тонким голосом, – поскольку ваш сын дорог нам и мы желаем, чтобы он вырос и стал воином, как его отец.

Обернувшись к священнику, он кивнул, и тот с величественным поклоном удалился из комнаты.

Герцог встал и, пройдя к очагу, протянул руки к язычкам пламени.

– До нас дошло, – проговорил он отстраненно, – что уже три квартала Плабеннек не платит нам оброк.

– Этим районом владеют англичане, ваша светлость.

– И вы в долгу передо мной, – сказал герцог, хмурясь.

– Если вы окажете покровительство моему сыну, ваша светлость, я буду в вечном долгу перед вами, – смиренно проговорила Жанетта.

Герцог снял головной убор и провел рукой по светлым волосам. Жанетта подумала, что без шляпы он выглядит моложе, но последовавшие затем слова заставили ее содрогнуться.

– Я не хотел, чтобы Анри женился на вас.

Он замолчал.

Какое-то мгновение Жанетта была просто оглушена его прямоотой.

– Мой муж сожалел о недовольстве вашей светлости его браком, – наконец тихо выговорила она.

Герцог пропустил эти слова мимо ушей.

– Ему следовало жениться на Лизетте Пикарской. У нее были деньги, земли, крестьяне. Она бы принесла богатство нашему семейству. В тяжелые времена богатство... – он помолчал, ища нужное слово, – это опора. А у вас, мадам, нет опоры.

– Только доброта вашей светлости, – сказала Жанетта.

– Ваш сын под моей опекой, – продолжал герцог. – Он будет воспитываться в моем доме и обучаться искусству войны и жизненным премудростям, как подобает его рангу.

– Благодарю вас, – попыталась изобразить смирение Жанетта.

Ей хотелось увидеть с его стороны какую-то теплоту, но с тех пор, как герцог подошел к огню, он не поднимал глаз.

И вдруг он повернулся к ней:

– Кажется, в Ла-Рош-Деръене есть стряпчий по имени Бела?

– Да, действительно, ваша светлость.

– Он утверждает, что ваша мать была еврейкой.

Последнее слово прозвучало с особой резкостью.

Жанетта приоткрыла рот от изумления. Несколько мгновений она была не в силах вымолвить ни слова, голова кружилась. Не верилось, что Бела мог такое сказать. Наконец ей удалось собраться.

– Это ложь!

– Он также сообщает нам, – продолжил герцог, – что вы просили у Эдуарда Английского права получать оброк с Плабеннека.

– Что мне оставалось?

– И просили опеки над вашим сыном со стороны Эдуарда? – язвительно спросил герцог.

Жанетта открыла и снова закрыла рот. Обвинения были так грубы и следовали так быстро, что она не знала, как защититься. Это правда, ее сын был взят под опеку короля Эдуарда, но Жанетта тут была ни при чем; она даже не присутствовала, когда граф Нортгемптонский принял такое решение. Но прежде чем Жанетта успела возразить или объяснить что-либо, герцог заговорил снова:

– Бела сообщает нам, что многие горожане Ла-Рош-Деръена довольны английскими захватчиками.

– Да, некоторые, – признала Жанетта.

– И что вы, мадам, держите в своем доме английских солдат, которые охраняют вас.

– Они силой ворвались в мой дом! – в негодовании воскликнула графиня. – Ваша светлость должны верить мне! Я не хотела их пускать!

Герцог покачал головой:

– Нам кажется, мадам, что вы оказали гостеприимство нашим врагам. Ваш отец был вино-торговцем, не так ли?

Жанетта была слишком изумлена, чтобы что-то ответить. До нее постепенно стало доходить, что Бела предал ее, и все же она не оставляла надежды убедить герцога в своей невинности.

– Я не оказывала им гостеприимства. Я сражалась против них!

– Торговцы, – сказал герцог, – преданы только деньгам. У них нет чести. Честь нельзя купить, мадам. Она дается от рождения. Как конь получает от рождения резвость и храбрость, а собака – сообразительность и свирепость, так же и благородный человек наследует честь. Как из пахотной лошади не сделаешь скакуна, так и из торговца не сделаешь благородного человека. Это противоречит естеству и божеским законам. – Он перекрестился. – Ваш сын – граф Арморика, и ему дарована честь, но вы, мадам, – дочь торговца и еврейки.

– Это неправда!

– Не кричите на меня, мадам, – холодно проговорил герцог. – Вы утомляете меня. Вы посмели явиться сюда, вырядившись в лисий мех, и ожидали получить у меня убежище? И

чего еще? Денег? Я дам приют вашему сыну, а вам, мадам, я дам мужа. – Неслышно ступая по оленьей шкуре, он подошел к ней. – Вы не годитесь в матери графу Арморике. Вы предоставили свой дом врагу, у вас нет чести.

– Я... – снова запротестовала было Жанетта.

Но герцог вдруг ударил ее по щеке:

– Замолчите, мадам. Замолчите! – Он потянул за шнуровку ее корсажа, а когда Жанетта осмелилась оказать сопротивление, ударил ее снова. – Вы шлюха, мадам, – сказал герцог и, потеряв терпение с запутанной шнуровкой, поднял с ковра оставленные слугой ножницы и разрезал шнурки, обнажив грудь Жанетты.

Женщина была так изумлена, оглушена и напугана, что даже не пыталась защититься. Это был не сэр Саймон Джекилл, а ее господин, племянник короля и дядя ее мужа!

– Вы красивая шлюха, мадам, – с ухмылкой проговорил герцог. – Чем вы очаровали Анри? Еврейской ворожкой?

– Нет! – заплакала Жанетта. – Пожалуйста, не надо!

Герцог расстегнул свое одеяние, и Жанетта увидела, что под ним ничего не надето.

– Нет! – снова повторила она. – Прошу вас, нет!

Герцог толкнул ее, и она упала на кровать. Его лицо по-прежнему не выражало никаких чувств – ни похоти, ни удовольствия, ни гнева. Он задрал ей юбку, забрался на кровать и изнасиловал ее без каких-либо признаков наслаждения. Если его лицо что-то и выражало, то только злобу. В конце концов, содрогаясь, он рухнул на нее. Жанетта плакала. Герцог вытерся ее бархатной юбкой.

– Это плата за недоимку с Плабеннека, – сказал он, потом слез с нее, встал и запахнул горностаевые края одежды. – Вас разместят на ночлег поблизости, мадам, а завтра я выдам вас за одного из моих латников. Ваш сын останется здесь, а вы отправитесь туда, куда пошлют вашего нового мужа.

Жанетта рыдала на кровати. Состроив гримасу отвращения, герцог перекрестил комнату и преклонил колени перед распятием.

– Приведите в порядок платье, мадам, – холодно сказал он, – и возьмите себя в руки.

В корсаже осталось достаточно шнурков, чтобы удержать его на груди. Сквозь пламя свечей Жанетта взглянула на герцога.

– У вас нет чести, – прошипела она. – У вас нет чести!

Герцог не слушал ее. Он позвонил в колокольчик, потом сцепил руки и закрыл глаза в молчаливой молитве. И все еще молился, когда вошли священник и слуга. Они без единого слова взяли Жанетту под руки и отвели в маленькую комнатку под спальней герцога. Ее втокнули внутрь, захлопнули дверь. Она услышала, как снаружи задвигают засов. Во временной темнице был набитый соломой тюфяк и куча метел, но никакой мебели.

Она бросилась на тюфяк и зарыдала. Ее сердце обливалось кровью.

За окном выл ветер, в ставни бил дождь, и Жанетте хотелось умереть.

* * *

Томаса разбудили городские петухи. Утро встретило его холодным ветром и проливным дождем, хлеставшим по промокшей парусине фургона. Томас откинул полог и уселся, глядя на лужи, растекшиеся по мощенному булыжником двору. От Жанетты не было никаких известий, и он подумал, что их и не будет. Уилл Скит был прав. Жанетта жестка, как кольчуга, и теперь она оказалась на своем месте – в это холодное промозглое утро, вероятно, нежится в мягкой постели в теплой комнате с очагом, который заботливо натопили герцогские слуги. Она даже не вспомнит о Томасе.

«А какой весточки ты ожидал?» – спросил себя Томас. Проявления привязанности? Он хотел этого, но убеждал себя, что просто ждет от Жанетты подписанного герцогом пропуска, хотя и понимал, что никакого пропуска не нужно. Он просто должен идти на северо-восток, полагаясь на защиту своего наряда доминиканца. Томас слабо представлял, как добраться до Фландрии, но знал, что где-то поблизости от этой местности находится Париж. Поэтому он считал, что нужно отправиться вдоль реки Сены и она приведет его из Рена в Париж. Больше всего его беспокоила возможная встреча на дороге с каким-нибудь настоящим доминиканцем, который сразу поймет, что Томас имеет весьма смутные представления о порядках братства и о его иерархии. Но он утешал себя тем, что шотландские доминиканцы, вероятно, страшно далеки от цивилизации и потому его невежество будет воспринято как должное. Как-нибудь обойдется, говорил он себе.

Томас смотрел, как по лужам хлещет дождь. «Ничего от Жанетты не дождешься», – подумал он и, подтверждая это унылое пророчество, собрал свой скудный багаж. Кольчугу оставлять было жаль, но она много весила, и он запихнул ее в фургон, потом сунул в мешок три связки стрел. Семьдесят две стрелы тоже были нелегкой ношей, а их наконечники грозили прорвать мешок, но не хотелось путешествовать без этих связок, перевязанных пеньковой тетивой. Еще одной тетивой он воспользовался, чтобы привязать к ноге нож. Его, как и кошелек с деньгами, скрывала черная сутана.

Томас собрался идти, но дождь обрушился на город, как ливень стрел. На западе гремел гром, дождь стучал по соломе, стекал с крыш и вмиг переполнил канавы, так что из двора выплыли нечистоты. Наступил полдень, о чем возвестили приглушенные дождем соборные колокола, а город все заливало. Гонимые ветром темные тучи окутали башни собора, и Томас сказал себе, что отправится, как только ливень поутихнет. Но гроза разыгралась еще пуще. Над собором сверкали молнии, город сотрясали громовые раскаты. Томас поежился, опасаясь небесного гнева. Он смотрел на отражение молний в огромном западном окне собора и поражался: столько стекла! Дождь все лил, и Томас уже начал опасаться, что окажется заточен в фургоне на несколько дней. И тут, когда неистовые громовые раскаты оглушили весь город, он увидел Жанетту.

Поначалу он не узнал ее. Он просто увидел, что под аркой постоянного двора стоит женщина и по ее туфлям течет вода. Все жители Рена забились в убежища, но эта женщина, промокшая и жалкая, возникла из ниоткуда. Ее волосы, некогда столь тщательно уложенные, свисали прямыми черными прядями на промокшее красное бархатное платье. И Томас узнал это платье, а потом увидел ее лицо, искаженное страданием, и выбрался из фургона.

– Жанетта!

Она стонала, ее губы кривились и дрожали. Она была не в состоянии говорить – просто стояла и плакала.

– Моя госпожа! – сказал Томас. – Жанетта!

– Нам нужно уходить, – с трудом выговорила она. – Нужно уходить.

Обычно она пользовалась сажей, чтобы подкрасить глаза. Теперь по ее лицу были размазаны черные полосы.

– Мы не можем идти в такое ненастье!

– Нужно идти! – злобно закричала она на него. – Нужно уходить!

– Я раздобуду коня, – сказал Томас.

– У нас нет времени! – Жанетта дернула его за рясу. – Нужно идти. Сейчас же!

Она попыталась вытянуть Томаса через арку на улицу.

Он вырвался от нее и побежал к фургону, откуда достал замаскированный под посох лук и тяжелый мешок. Там был и плащ Жанетты, Томас взял его и накинул ей на плечи, но она даже не заметила этого.

– Что случилось? – спросил Томас.

– Они найдут меня здесь, разыщут! – в панике объяснила Жанетта и потащила его через ворота таверны.

Томас повел ее на восток по кривой улице, которая вела к изящному каменному мосту через Сену, а потом к городским воротам. Огромные ворота были заперты, но дверца в одной створке оставалась открытой, и стражников не заботило, что какой-то дурень-монах хочет вывести безумно промокшую женщину из города. Жанетта постоянно оглядывалась, боясь погони, но так и не объяснила Томасу своей паники и своих слез. Она просто спешила на восток, не чувствуя дождя, ветра и грома.

Буря улеглась к сумеркам, когда они добрались до деревни, где имелось некое жалкое подобие таверны. Томас нырнул в низкую дверь и попросил ночлега, положив на стол несколько монет.

– Мне нужен приют для моей сестры, – сказал он, полагая, что у любого вызовет подозрение монах, следующий куда-то с женщиной. – Приют, пища и огонь, – проговорил он, добавив еще одну монету.

– Для твоей сестры?

Хозяин таверны, низенький человечек с изрытым оспой лицом и вздутыми венами, уставился на Жанетту, присевшую на крыльце.

Томас постучал по голове, намекая, что она не в своем уме.

– Я веду ее к мощам святого Гинфорта, – объяснил он.

Хозяин таверны посмотрел на монеты, потом снова взглянул на Жанетту и решил, что странная парочка может занять пустующий коровник.

– Можете развести там огонь, – проворчал он, – но только не запалите солому на крыше.

Томас развел огонь, взяв угли на кухне, потом принес еды и пива. Он заставил Жанетту поесть супа и хлеба, а потом пододвинул ее поближе к огню. Потребовалось два часа уговоров, прежде чем она рассказала ему всю историю и снова зарыдала. Томас слушал, побледнев.

– И как же вам удалось убежать? – спросил он, когда Жанетта притихла.

Оказалось, что какая-то женщина отодвинула засов, чтобы взять метлу. Она удивилась, увидев там Жанетту, и еще больше поразилась, когда та метнулась мимо нее. Жанетта покинула крепость, боясь, что солдаты ее задержат, но никто не обратил на нее внимания, и теперь она в бегах. Как и Томас. Но она потеряла гораздо больше его. Она потеряла сына, честь и будущее.

– Ненавижу мужчин, – сказала Жанетта и поежилась, так как убогий огонь от сырой соломы и гнилых дров едва ли мог высушить ее одежду. – Ненавижу мужчин, – повторила она и взглянула на Томаса. – Что нам делать дальше?

– Вам нужно поспать, – сказал он, – а завтра мы отправимся на север.

Жанетта кивнула, но ему показалось, что она не поняла его слов. Она была в отчаянии. Колесо Фортуны, однажды вознесшее ее столь высоко, низринуло ее в бездну.

Жанетта заснула, но когда серым утром, на рассвете, Томас проснулся, то увидел, что она тихо плачет. Он не знал, что сделать или сказать, и просто лежал в соломе, пока не услышал, как со скрипом отворилась дверь таверны. Тогда он пошел принести воды и чего-нибудь поесть. Жена хозяина таверны отрезала ему хлеба и сыра, а сам хозяин поинтересовался, далеко ли предстоит идти Томасу.

– Мощи святого Гинфорта находятся во Фландрии, – ответил тот.

– Во Фландрии! – воскликнул хозяин, словно это было на обратной стороне луны.

– Семья просто не знает, что с ней делать, – объяснил Томас, – а я не знаю, как добраться до Фландрии. И думал сначала отправиться в Париж.

– Не в Париж, – презрительно сказала жена хозяина. – Ты должен идти в Фужер.

Ее отец, объяснила она, часто вел торговлю с северными странами, и она не сомневается, что путь Томаса лежит через Фужер и Руан. Дорогу за Руаном она не знает, но уверена, что нужно добираться туда. Сначала, сказала она, нужно двигаться по небольшой дороге, что идет

из деревни на север. Она тянется через лес, добавил хозяин, и нужно быть начеку, поскольку там скрываются люди, избежавшие правосудия, но через несколько миль выйдешь на Фужерский тракт, который патрулируют солдаты герцога.

Томас поблагодарил женщину, благословил приютивший их дом и взял еды для Жанетты, но та отказалась от пищи. В ней как будто иссякли слезы, как и сама жизнь. Но она послушно последовала за Томасом на север. Дорога с глубокими колеями от повозок, скользкая от грязи после вчерашнего ливня, петляла в глухом лесу, где с деревьев капала вода. Несколько миль Жанетта шла спотыкаясь, а потом опять начала плакать.

– Я должна вернуться в Рен, – твердила она. – Я хочу вернуться к моему сыну.

Томас отговаривал ее, но она не желала идти вперед. В конце концов он сдался, но когда повернул назад, на юг, Жанетта заплакала еще пуще. Герцог сказал, что она не годится в матери! Она повторила эти слова:

– Не годится! Не годится! – и прокричала в небеса: – Он сделал меня своей шлюхой! – а потом упала на колени у дороги и безудержно зарыдала.

У нее опять началась истерика, и Томас подумал, что если она не умрет от лихорадки, то ее наверняка убьет горе.

– Мы возвращаемся в Рен, – сказал он, стараясь подбодрить Жанетту.

– Я не могу! – завопила она. – Он сделает меня шлюхой! Шлюхой!

Она выкрикивала эти слова, а потом начала раскачиваться взад-вперед и выть жутким пронзительным голосом. Томас попытался ее поднять, заставить идти, но Жанетта сопротивлялась, твердя, что хочет умереть, просто хочет умереть.

– Шлюха! – выкрикивала она и рвала лисий подбой своего красного платья. – Шлюха! Он сказал, что я не должна носить меха. Он сделал меня шлюхой! – и бросала клочья меха на кусты.

Утро прошло без дождя, но на востоке снова собрались грозовые тучи. Томас беспокойно наблюдал, как душа Жанетты разрывается у него на глазах. Несчастливая женщина отказывалась идти. Он взял ее на руки и нес до тех пор, пока не увидел среди деревьев протоптанную тропинку. Томас направился по ней и вышел к избушке, такой низкой и заросшей мхом, что сначала он принял ее за холмик между деревьев, но потом заметил поднимающийся из дыры в крыше синевато-серый дымок. Томаса обеспокоила мысль о преступниках, которыми якобы кишели эти места, но снова начался дождь, а избушка была единственным убежищем. Он опустил Жанетту на землю и крикнул в напоминавший нору вход. Оттуда выглянул седой старик с красными глазами и закопченным лицом. Он говорил по-французски так неразборчиво, с таким чудовищным акцентом и таким множеством диалектных слов, что Томас едва понимал его, но уловил, что старик – лесник и живет здесь со своей женой. Лесник жадно взглянул на предложенные незнакомцем монеты и разрешил Томасу с женщиной занять пустой свинарник. Там воняло гнилой соломой и навозом, но через крышу почти не проникал дождь, а Жанетта как будто не обращала внимания на смрад. Томас выгреб старую солому и сделал Жанетте ложе из папоротника. Лесник, как только монеты оказались у него в руках, потерял всякий интерес к своим гостям. Но во второй половине дня, когда дождь перестал, Томас услышал, как жена что-то прошипела старику, и тот тут же отправился к дороге, но с пустыми руками – без топора, резака или пилы.

Жанетта спала, совсем обессилив. Томас снял увядший клевер со своего черного лука, отвязал перекладину и приладил роговые оконечники. Он натянул на тисовое цевье тетиву, засунул за пояс дюжину стрел и последовал за стариком до самой дороги, а там затаился в кустах.

К вечеру лесник вернулся с двумя молодыми парнями. Томас предположил, что это те самые преступники, о которых его предупреждали. Видимо, старик счел Томаса и его спутницу беглецами: хотя у них были деньги, они искали укромного убежища, а это у любого вызовет

подозрение. Странствующий монах не будет прятаться в лесу, а женщина в платье с остатками меха не станет искать гостеприимства у лесника. Так что, без сомнения, двое парней прибыли, чтобы перерезать Томасу горло и разделить монеты, которые у него найдутся. Жанетту ждала схожая судьба, но чуть позже.

Первую стрелу Томас послал в землю у ног старика, а вторую – в дерево рядом.

– Третья убьет, – предупредил он, оставаясь невидимым в тени кустов.

Трое вытаращили глаза на заросли, и Томас низким голосом медленно проговорил:

– Ты задумал убийство, но я могу вызвать из бездны ада эллекин. Я могу заставить когти дьявола разорвать твое сердце, а мертвецов – преследовать тебя среди бела дня. Оставь монаха и его сестру в покое.

Старик упал на колени. Владевшие им предрассудки были стары как мир, и вряд ли его души коснулось христианство. Он верил в лесных троллей и кроющихся во мгле великанов. Он знал, что в мире водятся драконы, слышал о чернокожих людях, которые живут на луне и падают на землю, когда их дом сжимается до тонкого серпа. Он знал, что существуют призраки, которые охотятся среди деревьев. Все это существовало для него так же явно, как ясень и лиственница, дуб и береза, и он не сомневался, что с ним говорит демон, выплюнувший из кустов странную длинную стрелу.

– Вы должны уйти, – сказал лесник своим товарищам. – Идите!

Двое парней быстро скрылись, а старик коснулся лбом опавшей листвы.

– Я не думал о дурном!

– Ступай домой! – велел Томас.

Он подождал, пока старик уйдет, и вытащил из дерева стрелу.

Ночью Томас пошел к избушке лесника, прокрался через низкий вход и сел на земляной пол перед стариками.

– Я останусь здесь, пока к моей сестре не вернется рассудок, – заявил он. – Мы хотим скрыть ее позор от мира, вот и все. Перед уходом мы отблагодарим вас. Но если вы снова попытаетесь нас убить, я вызову демонов мучить вас и оставлю ваши тела на пир диким лесным птицам. – Он положил на земляной пол еще одну монету. – Будете приносить нам пищу каждую ночь, – сказал он женщине, – и благодарите Бога, что хотя я и способен читать в ваших сердцах, но все же прощаю вас.

После этого у Томаса с Жанеттой больше не было хлопот. Каждый день старик уходил в лес с резаком и топором, и каждую ночь его жена приносила постояльцам кашу и хлеб. Томас брал молоко от их коровы, стрелял оленей и думал, что Жанетта умрет. Несколько дней она отказывалась от пищи, и порой он видел, как она раскачивается взад-вперед в смердящем сви-нарнике и жалобно скулит. Томас боялся, что рассудок к ней уже не вернется. Отец иногда рассказывал ему, как следует обращаться с сумасшедшими, – так в свое время обращались с ним самим, и единственным способом лечения были голодание и побои.

«Дьявол пробирается в душу, – говорил отец Ральф, – и его следует морить голодом или изгонять побоями. Уговорить его уйти невозможно. Побои и голод, мой мальчик, побои и голод, – дьявол понимает только такие средства».

Но Томас не бил Жанетту и не морил голодом, а заботился о ней как мог. Он следил, чтобы ее подстилка была сухой, уговаривал выпить парного молока, разговаривал с ней ночами, расчесывал ей волосы и умывал лицо. Иногда, когда она спала, а он сидел у свинарника и смотрел сквозь путаницу ветвей на звезды, ему думалось, не оставил ли и он за собой вместе с эллекином таких же женщин с изуродованной судьбой. И он просил святых о прощении. Он много молился в те дни, и не святому Гинфорту, а Богородице и святому Георгию.

Молитвы, видимо, подействовали. Однажды на рассвете он проснулся и увидел, что Жанетта сидит в дверном проеме и ее худое тело вырисовывается в ярком свете нового дня.

Она обернулась к нему, и он не увидел на ее лице безумия, а только глубокую печаль. Жанетта долго смотрела на него, а потом проговорила:

– Это Бог послал мне тебя, Томас?

– Если так, Он оказал мне великую милость.

Она улыбнулась, и это была ее первая улыбка, которую он увидел с тех пор, как они покинули Рен.

– Я должна быть довольна, – просто сказала Жанетта, – что мой сын жив и получает должный уход. Когда-нибудь я разыщу его.

– Мы оба должны это сделать, – сказал Томас.

– Оба?

Он поморщился:

– Я не сдержал ни одного из своих обещаний. Копье по-прежнему в Нормандии, сэра Саймон жив, и я не знаю, как разыщу твоего сына. Наверное, мои обещания ничего не стоят, но я постараюсь.

Жанетта протянула руку. Томас взял ее ладонь, и она не отняла ее.

– Мы оба понесли наказание – наверное, за грех гордыни. Герцог был прав. Я не аристократка. Я дочь торговца, а считала себя выше. И вот посмотри на меня.

– Вы похудели, – сказал Томас, – но по-прежнему красивы.

Она вздрогнула от этого комплимента.

– Где мы?

– Всего в дне пути от Рена.

– И всё?

– В свинарнике, – уточнил Том. – В дне пути от Рена.

– Четыре года назад я жила в замке, – задумчиво проговорила Жанетта. – Плабенек был небольшим, но прекрасным поместьем. Там была башня, и двор, и две мельницы, и речка, и сад, где росли красные яблоки.

– Вы увидите все это снова, – сказал Томас, – вы и ваш сын.

Он пожалел, что упомянул о сыне, так как на глазах у нее выступили слезы, но она вытерла их и проговорила:

– Это все стряпчий.

– Стряпчий?

– Бела. Он оболгал меня перед герцогом. – В ее голосе слышалось изумление предательством Бела. – Он сказал герцогу, что я поддерживала герцога Иоанна. Что ж, так я и сделаю, Томас. Я перейду на сторону твоего герцога. Если это единственный способ вновь завладеть Плабеннеком и найти моего сына, я перейду на сторону герцога Иоанна. – Она сжала Томасу руку. – Я хочу есть.

Еще неделю они провели в лесу, пока Жанетта набиралась сил. Какое-то время, словно зверь, пытающийся вырваться из капкана, она строила планы, как быстро отомстить герцогу Карлу и вернуть сына, но все эти планы были безумны и безнадежны. С течением дней она смирилась со своей судьбой.

– У меня нет друзей, – как-то ночью сказала Жанетта Томасу.

– У вас есть я, моя госпожа.

– Все умерли, – продолжала она, не слушая. – Вся моя семья умерла. Муж умер. Думаешь, я проклятие для тех, кого люблю?

– Я думаю, что нам надо идти на север, – ответил Томас.

Это заявление вызвало у нее раздражение.

– Я не уверена, что хочу идти на север.

– А я хочу, – настойчиво сказал Томас.

Жанетта понимала, что чем глубже зайдет на север, тем дальше окажется от своего сына, но не знала, что делать. В ту ночь, словно принимая факт, что отныне ее ведет Томас, она пришла на его папоротниковое ложе, и они любили друг друга. Потом она плакала, но после снова занялась с ним любовью, на этот раз яростно и неистово, словно могла заглушить горе утешением плоти.

На следующее утро они отправились на север. Наступило лето, одевшее окрестности в густую зелень. Томас снова замаскировал свой лук, привязав к нему палку и украсив его вместо клевера вьюнками и иван-чаем. Его черная ряса обтрепалась, и никто больше не принимал его за странствующего монаха. Жанетта оторвала остатки лисьего меха от грязного, измятого и потертого красного бархата. Они выглядели бродягами, каковыми и были, и передвигались как беглецы, не заходя в города и большие деревни, чтобы избежать неприятностей. Они мылись в ручьях, спали под деревьями и осмеливались заходить лишь в самые убогие деревушки, когда голод вынуждал купить в какой-нибудь грязной таверне сидра и еды. Если их спрашивали, они выдавали себя за бретонцев, брата и сестру, идущих к своему дядюшке-мяснику во Фландрии, а если кто-то не верил, то остерегался возражать Томасу, который был высок, силен и всегда держал на виду нож. Впрочем, они предпочитали избегать деревень и ночевали в лесу. Томас научил Жанетту ловить в ручьях форель. Они жгли костры, готовили рыбу, а для постели рвали папоротник.

Беглецы держались близ дороги, хотя однажды пришлось сделать большой обход вокруг круглой, как барабан, крепости Сент-Обен-дю-Кормье и еще один, у города Фужер, и где-то к северу от него они вошли в Нормандию. Там они подоили коров на лугу и украли из стоявшего у церкви фургона огромную голову сыра. Потом легли спать под звездами. У них не было представления ни какой сейчас день недели, ни какой месяц. Оба загорели на солнце и загрубели от странствий. Горе Жанетты растворилось в новом счастье, особенно когда в ореховой рощице они нашли заброшенный дом без крыши – просто стены из глины с гнилой соломой. Убрав крапиву и ежевику, они прожили в этом доме больше недели, никого не встречая и ни в ком не нуждаясь, отложив свое будущее, поскольку настоящее было столь блаженно. Порой Жанетта еще плакала по своему сыну и часами изобретала замысловатые планы, как отомстить герцогу, Бела и сэру Саймону Джекиллу, но также и наслаждалась свободой этого лета. Томас снова снарядил лук и стал охотиться, а Жанетта, окрепнув, научилась натягивать тетиву почти до подбородка.

Оба не знали, где находятся, и не заботились об этом. Мать часто рассказывала Томасу сказку о детях, которые убежали в лес и жили среди зверей. «У них выросла шерсть по всему телу, когти, рога и клыки», – говорила она. Томас порой посматривал на свои руки, не растут ли на них когти. Когти не росли. Впрочем, если бы Томас превратился в зверя, он был бы счастлив. Он редко бывал счастливее, но знал, что как ни далека зима, когда-нибудь она наступит, и они потихоньку снова двинулись на север в поисках чего-то, сами не зная, чего именно.

Томас помнил о своем обещании вернуть копьё и Жанеттино сына, но не представлял, как выполнить хоть часть обещанного. Он знал только, что должен пойти туда, где кто-нибудь вроде Уилла Скита даст ему работу, хотя не мог обсуждать такие планы с Жанеттой. Она и слышать не хотела о лучниках и войсках или о людях в кольчугах. Но она тоже понимала, что они не могут вечно жить в бегах.

– Я отправлюсь в Англию, – говорила она, – и обращусь за помощью к вашему королю.

Из всех ее планов этот имел хоть какой-то смысл. Граф Нортгемптонский отдал ее сына под покровительство короля Англии, и она могла обратиться к Эдуарду в надежде, что он ее поддержит.

Они шли на север, не теряя из виду дорогу в Руан. Перейдя вброд какую-то реку, они попали в разоренную страну с маленькими полями, густыми лесами и крутыми холмами. И где-то в этой зеленой стране, неслышно для них обоих, снова скрипнуло колесо Фортуны. Томас

знал, что это огромное колесо направляет ход событий у людей, оно поворачивается во мраке, одаривая человека добром и злом, высокими и низкими помыслами, здоровьем или болезнями, счастьем или горем. Томас считал, что Бог создал этот механизм, чтобы тот управлял миром, когда сам Он чем-то занят на небесах. И этим летом, когда на токах молотили зерно, на деревьях собирались стрижи, рябины покрылись алыми ягодами, а луга запестрели большеглазыми ромашками, фортуна стала более благосклонна к Томасу и Жанетте.

Однажды они вышли на опушку, чтобы не потерять из виду дорогу. Обычно они мало что видели, разве что кто-нибудь гнал на базар коров или женщины несли на продажу яйца и овощи. Порой на убогой кляче проезжал священник, а однажды они увидели рыцаря в сопровождении слуг и солдат. Но по большей части под летним солнцем расстилалась белая, пыльная и пустая дорога. Однако в этот день она была полна людьми. Они шли на юг, гоня перед собой коров, свиней, коз и гусей. Некоторые катили тележки, другие ехали на запряженных быками или лошадьми повозках, нагруженных стульями, столами, скамейками и кроватями. И Томас понял, что перед ним беженцы.

Подождав до темноты, Томас выколол грязь из своей доминиканской рясы и, оставив Жанетту в лесу, спустился к обочине дороги, где вокруг маленького дымного костра путники расположились на ночлег.

– Да пошлет вам Бог мир, – приветствовал их Томас.

– У нас нет пищи, чтобы поделиться, святой отец, – сказал один крестьянин, подозрительно посмотрев на него.

– Я поел, сын мой, – ответил Томас и присел у огня.

– Ты священник или бродяга? – уточнил крестьянин.

У него был топор, и он пододвинул его к себе, так как спутанные волосы Томаса были давно не стрижены, а лицо почернело, как у беглого преступника.

– И то и другое, – с улыбкой ответил Том. – Я иду из Авиньона принять епитимью у мощей святого Гинфорта.

Никто из беженцев не слышал про блаженного Гинфорта, но слова Томаса убедили их, поскольку паломничество объясняло его бедственное состояние, в то время как их собственное печальное положение оправдывалось войной. Они идут с побережья Нормандии, что всего в дне пути, и утром им надо рано встать и идти дальше, спасаясь от врага.

Томас перекрестился.

– От какого врага? – спросил он, ожидая услышать о каких-нибудь двух нормандских владыках, которые поссорились и грабят владения друг друга.

Но тяжелое колесо Фортуны неожиданно повернулось. Через Ла-Манш переправился английский король Эдуард III. Этого похода давно ожидали, но король не отправился в свои владения в Гаскони, как думали многие, или во Фландрию, где воевали другие англичане, а высадился в Нормандии. Его войско находилось всего в дне пути, и, услышав это, Томас разинул рот.

– Вам надо бежать от них, святой отец, – посоветовала ему одна из женщин. – Они не знают жалости даже к странствующим монахам.

Томас заверил ее, что так и сделает, поблагодарил всех за новости и пошел обратно на холм, где его ждала Жанетта. Все переменялось.

Его король пришел в Нормандию.

В ту ночь они поспорили. Жанетта вдруг пришла к убеждению, что им нужно вернуться в Бретань. Томас в удивлении уставился на нее.

– В Бретань? – бессмысленно повторил он.

Она отвела глаза, но упрямо смотрела на костры вдоль дороги. Далеко на севере горизонт был окрашен красным заревом, более ярким, чем костры. Томас понял, что английские солдаты опустошают нормандские поля, как тот эллекин, с которым он сам орудовал в Бретани.

– Я смогу быть рядом с Шарлем, если мы вернемся в Бретань.

Томас потряс головой. Он, конечно, понимал, что вид разрушений, чинимых войсками, вернет их обоих к действительности, из которой они были выключены в последние недели своей свободы, но он не мог и предположить, что у Жанетты возникнет желание вернуться в Бретань.

– Ты сможешь быть рядом с Шарлем, – осторожно проговорил он, – но сможешь ли ты его увидеть? Подпустит ли тебя герцог?

– Может быть, он передумает, – без особой уверенности проговорила Жанетта.

– А может быть, снова тебя изнасилует, – жестоко сказал Томас.

– А если я не пойду туда, – пылко возразила она, – я уже никогда не увижу Шарля. Никогда!

– Тогда зачем же мы шли сюда?

– Не знаю. Не знаю!

Она рассердилась, как раньше, когда Томас впервые встретил ее в Ла-Рош-Деръене.

– Потому что я сошла с ума, – проговорила она подавленно.

– Ты же говорила, что хочешь обратиться к королю, – сказал Томас, – а король там! – Он махнул рукой в сторону огненного зарева. – Так обратись к нему.

– Он мне не поверит, – заупрямилась Жанетта.

– А что мы будем делать в Бретани? – спросил Томас.

Она не ответила, а все так же угрюмо отвела глаза.

– Ты сможешь выйти за герцогского латника, – продолжал он. – Ты этого хочешь, да?

Покорная жена покорного слуги, чтобы герцог смог получить удовольствие, когда захочет.

– Как ты? – вскинулась она, прямо взглянув ему в глаза.

– Я люблю тебя, – сказал Томас.

Жанетта ничего не ответила.

– Я люблю тебя, – повторил он и почувствовал себя дураком, так как она никогда не говорила ему ничего подобного.

Жанетта посмотрела сквозь лесную листву на пылающий горизонт.

– А твой король поверит мне? – спросила она.

– Как он может не поверить?

– Я похожа на графиню?

Она была оборванной, бедной и прекрасной.

– Ты говоришь как графиня, – сказал Томас, – а королевские секретари могут распротить графа Нортгемптонского.

Он не знал, правда ли это, но хотел подбодрить Жанетту.

Она сидела повесив голову.

– Знаешь, что сказал мне герцог? Что моя мать была еврейкой!

Она взглянула на него, ожидая, что он разделит ее возмущение.

Томас нахмурился:

– Я никогда не встречал евреев.

Жанетта чуть не взорвалась:

– А думаешь, я встречала? Тебе нужно увидеть дьявола, чтобы понять, что он злой? И свинью, чтобы узнать, что от нее воняет? Я не знаю, что делать! – заплакала она.

– Мы пойдем к королю, – сказал Томас.

На следующее утро он отправился на север, и Жанетта, несколько мгновений поколебавшись, пошла за ним. Она попыталась отчистить платье, но оно было таким грязным, что ей

лишь удалось стряхнуть с бархата сучки и сухие листья. И еще она заплела волосы и заколола их щепками.

– А что за человек король? – спросила она Томаса.

– Говорят, хороший малый.

– Кто говорит?

– Все. Он честный человек.

– И все-таки он англичанин, – тихо сказала Жанетта.

Томас сделал вид, что не слышал.

– Он добрый?

– Никто не говорил о его жестокости, – сказал Томас и поднял руку, призывая Жанетту к тишине.

Он увидел всадника в кольчуге.

Томасу всегда казалось странным, что монахи и писцы, описывая в книгах войну, изображают ее как праздник. Их беличьи кисти рисовали воинов в ярких плащах и коней в блестящих узорчатых пополах. Но по большей части война была серой, пока стрела, попав в цель, не добавит красного. Серым был цвет кольчуги, и Томас увидел среди зеленой листвы что-то серое. Он не знал, француз это или англичанин, но боялся и тех и других. Французы были его врагами, но врагами были и англичане, пока не убедятся, что он тоже англичанин и что он не сбежал из их войска.

Из-за деревьев выехали другие всадники, с луками. Значит, это были англичане. Но Томас все колебался, не зная, как убедить своих, что он не дезертир. Позади всадников за деревьями, по-видимому, находился подожженный дом, поскольку над летней листвой начал подниматься и сгущаться дым. Всадники смотрели в сторону Томаса и Жанетты, но их скрывали заросли можжевельника, и через некоторое время, убедившись, что никакой враг им не угрожает, англичане повернулись и поскакали на восток.

Томас подождал, пока они не скрылись из виду, после чего провел Жанетту через открытый участок в чащу, а оттуда к горящему дому. На ярком солнце пламя казалось бледным. В пределах видимости никого не было, только возле утиног садка среди перьев лежала собака. Она скулила. У нее было проткнуто брюхо. Томас наклонился над животным, погладил по голове и почесал за ушами, а умирающий пес лизнул ему руку и попытался завилать хвостом. Томас вонзил нож прямо ему в сердце, так что пес умер мгновенно.

– Он бы не выжил, – обратился Томас к Жанетте.

Она ничего не сказала, а только смотрела на горящую солому и стропила. Томас вытащил нож и потрещал мертвого пса по голове.

– Отправляйся к святому Гинфорту, – сказал он, вытирая клинок, и признался Жанетте: – В детстве я всегда хотел иметь собаку, но мой отец их терпеть не мог.

– Почему?

– Он был странный.

Томас вложил клинок в ножны и встал. Дорога со следами копыт вела от фермы к ферме на север, и они пошли вдоль нее, осторожно пробираясь между васильков, поповника и кизила. Это была страна маленьких полей, высоких берегов, небольших рожиц и неровных холмов. Страна засад. Но они не видели никого, пока с вершины пологого холма не заметили приземистую каменную деревенскую церковь, а за ней – солдат. Сотни солдат встали лагерем в поле за домами, а другие расположились в самой деревне. Близ церкви виднелись большие шатры. У входа благородные рыцари поставили свои знамена.

Томас все колебался, не желая заканчивать эти счастливые дни с Жанеттой, но понимал, что выбора нет, и потому с луком на плече повел ее в деревню. Солдаты увидели их, и навстречу вышла дюжина лучников во главе со здоровенным командиром в кольчуге.

Первым его вопросом было:

– Из какого вы ада?

Его стрелки по-волчьи оскಾಲились при виде потрепанного платья Жанетты.

– То ли ты хренов монах, укравший лук, то ли хренов лучник, стянувший у монаха рясу.

– Я англичанин, – сказал Томас.

На верзилу это как будто не произвело никакого впечатления.

– У кого на службе?

– Я служил Уиллу Скиту в Бретани.

– В Бретани!

Начальник стрелков нахмурился, не зная, верить ли Томасу.

– Скажи ему, что я – графиня, – по-французски проговорила Жанетта.

– Что она говорит?

– Ничего, – сказал Томас.

– И что вы тут делаете? – спросил верзила.

– Я отбился от своего отряда в Бретани, – нерешительно сказал Томас. Ему не стоило говорить, что он скрывается от правосудия, но он не подготовил другой легенды. – Я просто ушел.

Это было слабое объяснение, и здоровенный лучник отнесся к нему с должным презрением.

– Это означает, парень, что ты хренов дезертир.

– Будь так, я бы вряд ли пришел сюда, верно? – вызывающе спросил Томас.

– Ты бы вряд ли пришел сюда из Бретани, если бы не заблудился! – заметил командир стрелков и плюнул. – Тебя надо отправить к Скорсби, пусть разберется, кто ты такой.

– Скорсби? – переспросил Томас.

– Слышал о нем? – недружелюбно спросил верзила.

Томас слышал об Уолтере Скорсби, который, как и Скит, возглавлял собственный отряд лучников и латников. Скорсби не пользовался хорошей репутацией. Говорили про его угрюмый нрав, но, очевидно, именно ему предстояло решить судьбу Томаса, поскольку лучники окружили их и повели в деревню.

– Это твоя женщина? – спросил Томаса один из солдат.

– Это графиня Арморика, – ответил тот.

– А я долбаный граф Лондонский, – расхохотался лучник.

Испуганная угрюмыми лицами, Жанетта вцепилась в руку Томаса. Ему было тоже не по себе. Когда в Бретани дела шли из рук вон плохо, когда эллекин ворчал и было холодно, сыро и противно, Скит любил приговаривать: «Радуйтесь, что не попали к Скорсби». А теперь Томас, похоже, попал.

– Дезертиров мы вешаем, – с удовольствием сообщил верзила-начальник.

Томас заметил, что лучники, как и остальные войска, которые он видел в деревне, носят на камзолах красный крест святого Георгия. Огромная толпа солдат собралась на пастбище между деревенской церквушкой и цистерцианским аббатством или монастырем, каким-то чудом избежавшим разрушения. Монахи в белых рясах прислуживали священнику, служившему мессу солдатам.

– Сегодня что, воскресенье? – спросил Томас одного из лучников.

– Вторник, – ответил тот, сняв шляпу из уважения к богослужению. – День святого Иакова.

Они подождали на краю пастбища у деревенской церкви. Ряд свежих могил говорил, что появление здесь солдат привело к смерти нескольких жителей. Но большинство селян, вероятно, убежали на юг или запад. Остались лишь двое. Старик, согнутый пополам работой, с белой бородой чуть ли не до земли, что-то шамкал священнику в отдалении, а маленький мальчик лет шести-семи пытался натянуть английский лук на забаву английским стрелкам.

Месса закончилась, и люди в кольчугах поднялись с колен и направились к шатрам и домам. Один из лучников, конвоировавших Томаса, зашел в расходящуюся толпу и вновь появился с несколькими людьми. Один выделялся высоким ростом и новой, отполированной до блеска кольчугой. На нем были высокие сапоги, зеленый плащ и меч с золотой рукоятью в ножнах, отделанных красной материей. Подобное щегольство не шло к его изможденному и мрачному лицу. Он был лыс, зато с раздвоенной бородой, которую заплел в косы.

– Это Скорсби, – шепнул один из лучников, и Томасу не пришлось гадать, кого из приближавшихся он имел в виду.

Скорсби остановился в нескольких шагах, и здоровенный лучник, арестовавший Томаса, усмехнулся.

– Дезертир, – с гордостью заявил он. – Говорит, что пришел из Бретани.

Скорсби сурово посмотрел на Томаса, а на Жанетте задержал взгляд. Ее изодранная одежда не скрывала крутых бедер, ворот платья был разодран, и Скорсби явно хотел увидеть больше. Как и Уилл Скит, он начал свою военную жизнь лучником и поднялся благодаря сообразительности. Томас догадался, что в душе этого человека не осталось сострадания.

Скорсби пожал плечами:

– Если дезертир, повесьте ублюдка. – Он улыбнулся. – Но его женщину мы задержим.

– Я не дезертир, – сказал Томас, – а эта женщина – графиня Арморика, родственница герцога Блуаского, племянника короля Франции.

Многие стрелки осклабились, услышав такую нелепицу, но Скорсби был осторожным человеком и учитывал состав собравшейся на краю церковного двора небольшой толпы. Среди зрителей было два священника и несколько рыцарей в плащах с гербами. Заявление Томаса зародило в уме командира некоторое сомнение. Нахмурившись, он посмотрел на Жанетту. На первый взгляд она была похожа на крестьянку, но, несмотря на свое загорелое лицо, отличалась благородной красотой, а остатки ее платья говорили о былой элегантности.

– Кто она? – переспросил Скорсби.

– Я уже сказал, кто она, – зло ответил Томас, – и могу сказать больше. У нее украли сына, а этот мальчик находится под опекой нашего короля. Она пришла за помощью к его величеству.

Томас торопливо перевел Жанетте сказанное, и, к его облегчению, она согласно кивнула.

Скорсби пристально посмотрел на Жанетту. Что-то в ее внешности усилило его сомнения.

– А ты почему с ней? – спросил он.

– Я ее спас.

– Он говорит, что спас вас, мадам, – по-французски сказал кто-то в толпе, Томасу не было видно, кто это. Говорившего окружали латники в бело-зеленых одеждах. – Это правда?

– Да, – ответила Жанетта и нахмурилась, не видя, кто ее спрашивает.

– Расскажите, кто вы, – потребовал невидимый голос.

– Я Жанетта, вдовствующая графиня Арморика.

– Кто был ваш муж?

Судя по голосу, спрашивавший был молод и очень самоуверен.

Жанетту возмутил тон вопроса, но она ответила:

– Анри Шенье, граф Арморика.

– И почему вы здесь, мадам?

– Потому что Карл Блуаский похитил моего сына! – сердито ответила Жанетта. – Ребенка, находящегося под покровительством короля Англии.

Молодой человек помолчал. Некоторые в толпе нервно отступили от окружавших его латников в бело-зеленых одеждах, и Скорсби встревожился.

– Кто взял его под это покровительство? – спросил голос.

– Уильям Богун, – ответила Жанетта. – Граф Нортгемптонский.

– Я верю ей, – сказал голос.

Латники расступились, и Томас с Жанеттой увидели говорившего. Это был едва ли не мальчик. Томас засомневался, начал ли он бриться, хотя юноша был высок ростом, даже выше Томаса, и латники заслоняли его лишь потому, что носили высокие белые плюмажи на шлемах. Он был светловолос, его лицо слегка опалило солнце, и на нем был зеленый плащ, простые штаны и льняная рубашка. Ничто в его внешности, кроме роста, не объясняло, почему все вдруг опустились на колени.

– На колени! – прошипел Скорсби Томасу, и тот в замешательстве опустился на одно колено.

Теперь на ногах оставались только Жанетта, юноша и его эскорт из восьми рослых латников.

Юноша взглянул на Томаса.

– Ты действительно пешком пришел из Бретани? – спросил он по-английски, хотя, как и у многих вельмож, в его английском сквозил французский акцент.

– Мы пришли вместе, мой господин, – по-французски ответил Томас.

– Зачем? – сурово спросил юноша.

– Искать защиты у короля Англии, который является покровителем сына моей госпожи, коварно взятого в плен врагами Англии.

Юноша окинул Жанетту тем же оценивающим взглядом, как до того глядел на нее Скорсби. Может быть, он еще и не брился, но знал толк в красивых женщинах.

– Добро пожаловать, мадам, – сказал юноша. – Я знал репутацию вашего мужа и восхищался им, и я сожалею, что никогда не получу возможности встретиться с ним в бою. – Он поклонился Жанетте, потом развязал свой зеленый плащ и, подойдя к ней, набросил ей на плечи, скрыв разорванное платье. – Заверяю вас, что к вам будут относиться с почтением, какого требует ваш ранг, и клянусь сдержать все обещания, данные Англией вашему сыну.

Он снова поклонился.

Жанетта, изумленная и обрадованная манерами молодого человека, задала вопрос, на который хотел получить ответ и Томас.

– Кто вы, мой господин? – спросила она, вежливо присев.

– Я Эдуард Вудстокский, мадам, – ответил тот, предложив ей руку.

Для Жанетты это имя ничего не значило, но оно изумило Томаса.

– Это старший сын короля, – шепнул он ей.

Жанетта упала на колено, но гладкощекий подросток поднял ее и повел к монастырю. Это был Эдуард Вудстокский, граф Честерский, герцог Корнуоллский и принц Уэльский. Колесо Фортуны снова вознесло Жанетту ввысь.

К Томасу оно, похоже, осталось безразлично. Его все бросили. Жанетта ушла под руку с принцем и даже не оглянулась. До Томаса донесся ее смех. Он нянчился с ней, кормил ее, заботился о ней и любил ее, и вот, недолго думая, она его бросила, как что-то ненужное. Никому до него не было дела. Скорсби со своими людьми, отпуская шутки о повешении, ушли в деревню. Томас не знал, чего же теперь от него ждут.

– Черт возьми! – громко выругался он, чувствуя себя болваном в изодранной рясе, и повторил еще раз: – Черт возьми!

В нем поднималась злорада, густая, как желчь, способная свести человека в могилу. Но что ему оставалось делать? Он был болваном в рваной рясе, а принц – сыном короля.

Принц отвел Жанетту на невысокий, заросший травой пригорок, где в ряд стояли разноцветные шатры. У каждого шатра возвышался шест с флагом, и на самом высоком развевался разделенный на четыре части флаг принца Уэльского с золотыми английскими львами на двух красных четвертях и золотыми королевскими лилиями на двух голубых. Лилии означали пре-

тензии на французский трон, а весь флаг – флаг английского короля – пересекала белая зубчатая полоса, означавшая, что он принадлежит старшему королевскому сыну.

Томас хотел двинуться вслед за Жанеттой и попросить у принца помощи, но тут, поймав ветерок, развернулся один из флагов пониже, самый дальний от него, и Томас уставился на его полотнище.

На флаге голубое поле по диагонали пересекала белая полоса, и три желтых льва, стоящие на задних лапах, держали герб, украшенный тремя красными звездами с зеленой серединой. Томас хорошо знал этот герб, но не смел поверить, что Уильям Богун, граф Нортгемптонский, здесь, в Нормандии. Граф был наместником короля в Бретани, однако, несомненно, это был его флаг. Томас направился туда в страхе, что на развевающемся полотнище окажется не тот герб – похожий на графский, но другой.

Но это действительно был флаг графа, и палатка графа, в отличие от величавых шатров на пригорке, являла собой все то же сшитое из поношенных парусов сооружение. Когда Томас попытался войти туда, путь ему преградили шесть стражников в одеждах цвета графского окружения.

– Ты пришел исповедать его светлость или всадить стрелу ему в брюхо? – спросил один из них.

– Я бы хотел поговорить с его светлостью, – ответил Томас, с трудом подавив злобу, вызванную поведением бросившей его Жанетты.

– Вот как? А захочет ли его светлость говорить с тобой? – спросил стражник, удивленный притязаниями оборванного стрелка.

– Захочет, – ответил Томас с уверенностью, которой на самом деле не испытывал, и добавил: – Передайте ему, что здесь человек, взявший для него Ла-Рош-Дерьен.

Стражник поколебался. Он нахмурился, но тут полог шатра откинулся, и появился сам граф, голый до пояса, с мускулистой грудью, поросшей рыжими волосами. Он грыз гусиную ножку и посматривал на небо, словно опасался дождя. Повернувшись к нему, стражник указал на Томаса и пожал плечами, снимая с себя ответственность за неизвестного сумасшедшего.

Заметив Томаса, граф несколько мгновений рассматривал его, а потом воскликнул:

– Боже! Ты принял сан?

– Нет, милорд.

Граф зубами оторвал от кости шмат мяса.

– Томас, верно?

– Да, милорд.

– Никогда не забываю лиц, а запомнить твое у меня есть особая причина, хотя я никак не ожидал увидеть тебя здесь. Ты пришел пешком?

Томас кивнул:

– Пешком, милорд.

Что-то настораживало в поведении графа: он словно не удивился встрече с Томасом в Нормандии.

– Уилл говорил мне о тебе, – сказал граф, – он все мне рассказал. Значит, Томас, мой скромный герой из Ла-Рош-Дерьена, стал убийцей, так? – мрачно проговорил он.

– Да, милорд.

Граф отбросил обглоданную кость, щелкнул пальцами, и слуга принес ему из шатра рубашку. Он надел ее и заправил в рейтузы.

– Господь милосердный, парень, ты ожидаешь, что я защищу тебя от мести сэра Саймона? Тебе известно, что он здесь?

Томас застыл в изумлении. Сэр Саймон здесь? А он привел Жанетту в Нормандию! Ей сэр Саймон вряд ли сумеет сильно навредить, поскольку она под покровительством принца, но он вполне сможет отыгаться на Томасе. И сделает это с огромной радостью.

Заметив, как побледнел Томас, граф добавил:

– Он в королевской свите, поскольку я не хотел брать его с собой. Но он настоял на переводе, так как рассчитывает, что найдет в Нормандии больше добычи, чем в Бретани. Я бы сказал, он прав, но что действительно доставит ему радость, так это встреча с тобой. Тебя когда-нибудь вешали, Томас?

– Вешали, милорд? – тупо переспросил тот.

У него все еще голова шла кругом от известия, что сэра Саймона приплыл в Нормандию. И стоило проделать весь этот путь, чтобы встретить поджидающего его врага?

– Сэр Саймон тебя повесит, – с неприличным удовольствием проговорил граф. – Ты будешь задыхаться в петле, и не найдется ни одной доброй души, чтобы дернуть тебя за ноги и ускорить твой конец. Ты можешь проболтаться час, а то и два в страшных мучениях. А может быть, еще дольше! Помню, я повесил одного парня, так он промучился с рассвета до полудня и при этом умудрялся поносить меня. Так, я полагаю, тебе нужна моя помощь, верно?

Томас с запозданием упал на колени:

– После Ла-Рош-Дерьена вы предложили мне награду, милорд. Могу я потребовать ее теперь?

Слуга принес из шатра табурет, и граф уселся, широко раздвинув ноги.

– Убийство есть убийство, – проговорил он, ковыряя в зубах.

– Половина людей Уилла Скита – убийцы, милорд, – заметил Томас.

Граф задумался над этим, потом неохотно кивнул:

– Но они помилованные убийцы. – Он вздохнул. – Хорошо бы здесь был Уилл. Я хотел взять его, но он не может покинуть Бретань, пока не загонит Карла Блуаского обратно в его клетку. – Он бросил сердитый взгляд на Томаса. – Если я тебя помилую, то наживу себе врага в лице сэра Саймона. Не то чтобы он и сейчас был мне другом, но все же зачем мне тебя спасать?

– За Ла-Рош-Дерьен, – сказал Томас.

– Да, тут я в долгу перед тобой, – признал граф. – В великом долгу. Мы бы выглядели большими дураками, если бы не взяли этот городишко, как он ни жалок. Но черт возьми, парень, почему ты не отправился на юг? В Гаскони куча ублюдков, которых следует убить. – Он посмотрел на Томаса, явно раздраженный необходимостью платить лучнику по долгам, и в конце концов пожал плечами. – Я поговорю с сэром Саймоном, предложу ему денег. Будет достаточно, если он сделает вид, что тебя здесь нет. Что касается тебя... – он помолчал, вспоминая свои прежние встречи с Томасом, – ты ведь тот парень, который не сказал мне, кто был твой отец, верно?

– Я не говорил вам, милорд, потому что он был священником.

Граф счел это прекрасным обстоятельством.

– Помилуй бог! Священником? Так ты – чертов щенок, выходит так? В Гиени детей священников считают щенками дьявола. – Он осмотрел Томаса с головы до ног, и его снова позабавила драная ряса. – Говорят, что из щенков дьявола выходят хорошие солдаты и еще лучшие шлюхи. Полагаю, ты лишился своего коня?

– Да, милорд.

– Все мои лучники на конях, – сказал граф и обернулся к одному из стражников. – Найдите этому ублюдку вислобрюхую клячу, пока он сам не подыщет себе что-нибудь получше, а потом дайте камзол и отведите к Джону Армстронгу. – Он снова посмотрел на Томаса. – Ты поступаешь ко мне в лучники и, значит, должен носить мой герб. Ты мой солдат, щенок дьявола, и, возможно, это защитит тебя, если сэра Саймон запросит слишком много денег за твою ничтожную душу.

– Я постараюсь отплатить вашей светлости.

– Отплати мне, парень, взятием Кана. Ты впустил нас в Ла-Рош-Дерьен, но тот городишко – ничто по сравнению с Каном. Кан – настоящее зло. Мы выступаем туда завтра, но сомневаюсь,

что сможем увидеть стены изнутри еще месяц или больше. Если вообще увидим. Дай нам войти в Кан, Томас, и я прощу тебе дюжину убийств.

Он встал, кивнул в знак прощания и вернулся в шатер.

Томас не двинулся. Кан, думал он. Кан. Кан – это город, где живет мессир Гийом д'Эвек. Томас перекрестился, поняв, что это судьба. Судьба направила его стрелу из арбалета мимо сэра Саймона Джекилла и привела его к стенам Кана. Судьбе было угодно, чтобы он исполнил епитимью, наложенную отцом Хоббом. А Бог, решил Томас, забрал у него Жанетту, потому что она мешала исполнению обета.

Но теперь настало время выполнить свои обещания, ведь Бог привел Томаса к стенам Кана.

Часть вторая Нормандия

Графа Нортгемптонского вызвали из Бретани, чтобы он послужил одним из советников принца Уэльского. Принцу было всего шестнадцать, но Джон Армстронг считал, что мальчик не уступит любому взрослому.

– У молодого Эдуарда все в порядке, – сказал он Томасу. – Он знает свое оружие. Может быть, он слишком упрям, но храбр.

В устах Джона Армстронга это была высшая похвала. Джону было сорок лет, он возглавлял отряд личных стрелков графа. Это был один из тех крепких простых людей, которых так любил Уильям Богун. Армстронг, как и Скит, пришел с севера Англии, и говорили, что он сражался с шотландцами с младенчества. Его личным оружием был фальшион – кривой меч с тяжелым, широким, как у топора, лезвием, хотя из лука он тоже стрелял лучше всех в отряде. Он также командовал шестью десятками хобеларов – легких конников с копьями, скакавших на косматых пони.

– Они довольно невзрачны, – сказал Джон Томасу, смотревшему на малорослых всадников, косматых и кривоногих, – но таких разведчиков еще поискать. Мы засылаем стаи таких негодяев на шотландские холмы разыскивать врага. Иначе – смерть.

Армстронг был при Ла-Рош-Дерьене и помнил заслугу Томаса, когда тот обошел городскую стену с реки. Поэтому он довольно охотно принял молодого стрелка. Он выделил новичку полный вшей хакетон – подбитый войлоком кожаный панцирь, способный выдержать несильный удар меча, – и короткий плащ с графскими звездами и львами на груди и крестом святого Георгия на правом рукаве. Хакетон и плащ, а также штаны и мешок для стрел, дополнившие экипировку Томаса, принадлежали раньше стрелку, умершему от лихорадки вскоре по прибытии в Нормандию.

– Что-нибудь получше добудешь себе в Кане, – сказал Армстронг, – если мы когда-нибудь туда войдем.

Томасу также дали вислобрюхую серую кобылу, упрямую и неуклюжую. Он напоил ее, вытер соломой, а потом вместе с солдатами Армстронга пообедал копченой селедкой с сухими бобами. Отыскав ручей, Томас вымыл голову и перевязал тетивой мокрые космы. Он попросил бритву и сбрил бороду, а волосы побросал в ручей, чтобы никто не мог навести на него порчу. Казалось странным провести ночь в лагере с солдатами, без Жанетты. Он все еще чувствовал обиду на нее, и эта обида железной занозой саднила в душе, когда его подняли среди тьмы. Во время ночного марша Томас чувствовал себя одиноко, было холодно, и все смотрели на него хмуро. Он подумал, как там Жанетта в шатре у принца, и вспомнил о ревности, которую ощутил в Рене, когда она отправилась в крепость к герцогу Карлу. «Она как мотылек, – подумал он, – летит на самый яркий свет. Однажды уже опалила крылышки, но пламя по-прежнему ее манит».

Войско выступило на Кан тремя колоннами, каждая примерно по тысяче человек. Одной командовал король, второй – принц Уэльский, а третья подчинялась приказам епископа Даремского, который предпочитал резню святости. Принц вышел из лагеря затемно и остановил коня у дороги, откуда на рассвете мог наблюдать, как мимо проходят его солдаты. Он был в черных доспехах и шлеме с гребнем в виде льва, его сопровождали дюжина священников и пятьдесят рыцарей. Приблизившись, Томас увидел среди этих всадников, одетых в бело-зеленые цвета, Жанетту. На ней тоже было светло-зеленое платье с белыми манжетами, каймами и корсажем, ее конь был в серебряной сбруе с бело-зелеными лентами в гриве, а седло покрывала белая попона, расшитая английскими львами. Волосы Жанетты были вымыты, расчесаны, завиты и украшены васильками. Подойдя поближе, Томас подумал, что она выглядит очаровательно.

Лицо ее излучало счастье, глаза ярко горели. Она была рядом с принцем и держалась примерно на шаг позади. Томас заметил, как часто этот подросток оборачивается, чтобы перемолвиться с ней. Солдаты впереди Томаса сняли шлемы, приветствуя принца. Тот перевел взгляд с Жанетты на них и несколько раз кивнул, а узнав некоторых рыцарей, окликнул их.

Томас на чужой лошади, такой низкорослой, что его ноги почти касались земли, поднял руку, салютуя Жанетте. Она посмотрела на его улыбающееся лицо и равнодушно отвела взгляд, чтобы продолжить разговор со священником, по-видимому капелланом принца. Рука Томаса упала.

– Если ты хренов принц, то и снимаешь сливки, верно? – сказал солдат, шагавший рядом. – Нам – вши, а ему – вот это.

Томас промолчал. Поведение Жанетты привело его в замешательство. Неужели последние недели ему приснились? Он повернулся в седле, оглядываясь на нее, и увидел, как она рассмеялась какому-то замечанию принца. Дурак, сказал себе Томас, дурак. Почему ему так больно? Жанетта никогда не признавалась ему в любви, и все же ее равнодушие отравило его сердце, как змеиный укус. Дорога нырнула в низину, густо заросшую шелковицами и ясенями, и Томас, снова оглянувшись, уже не смог увидеть Жанетту.

– В Кане полно баб, – мечтательно проговорил какой-то лучник.

– Если мы когда-нибудь его возьмем, – откликнулся другой, употребив несколько крепких слов, которые англичане всегда добавляли при упоминании этого города.

Прошедшей ночью Томас наслушался разговоров у костра, и все они были о Кане. Как он понял, это был большой город, один из самых больших во Франции, защищенный массивными башнями и высокой стеной. Французы, похоже, приняли стратегию отступления в такие крепости, в то время как английские стрелки предпочитали открытое поле. Лучники боялись, что застрянут под Каном на многие недели. Город нельзя было оставить без внимания: если его просто обойти, многочисленный городской гарнизон угрожал бы английским путям снабжения. Поэтому Кан должен был пасть. Никто не верил, что взять его будет легко, хотя некоторые считали, что новые пушки, привезенные королем во Францию, снесут городские стены с той же легкостью, с какой трубы Иисуса Навина разрушили стены Иерихона.

Сам король, видимо, скептически относился к мощи пушек. Он решил запугать город многочисленностью своего войска и ждать его сдачи. Три английские колонны двигались на восток по всем тропинкам, дорогам или прямо по лугам, но часа через два после рассвета маршалы, руководившие движением, начали останавливать подразделения. Мимо скопившихся солдат металась потные всадники, призывая сомкнуть ряды. Томас, борясь со своей строптивой лошадей, понял, что войско строится в огромный полумесяц. Впереди лежал пологий холм, и дым над ним говорил о городских трубах Кана. По сигналу весь неуклюжий полумесяц, гремя сталью, двинется на холм. Чтобы защитники увидели сразу все войско и оно показалось невероятной армадой, маршалы призывали обозных тоже встать в строй. К полумесяцу добавлялись повара, писцы, женщины, каменщики, коновалы, плотники, судомойки – все, кто мог ходить, ползать, ехать верхом или стоять, – и над столпившейся массой развевались яркие знамена. Утро было жаркое, люди и кони потели под доспехами. Ветер поднимал пыль. Командовавший движением граф Уорвикский с раскрасневшимся лицом метался на коне перед полумесяцем, ругаясь на чем свет стоит. Наконец, к его удовлетворению, неуклюжая линия приняла нужную форму.

– Когда прозвучат трубы, – крикнул какой-то рыцарь людям Армстронга, – двигайтесь на холм! Только по сигналу труб! Не раньше!

Когда трубы разорвали летнее небо, вызывая огромное английское войско могло показаться двадцатитысячным. Для защитников Кана оно выглядело ночным кошмаром. Только что горизонт был чист, пусть небо за холмом и затуманилось от поднимающейся из-под сапог и копыт пыли, – и вдруг возникло войско, орда, тучи солдат в сверкающем на солнце железе,

с лесом копий и развевающихся знамен. Весь север и восток города был окружен войсками, которые при виде Кана издали громкий крик. Перед ними была добыча – богатый город, ждущий штурма.

Это был славный, знаменитый город, больше самого Лондона, величайшего города Англии. Кан действительно был одним из самых крупных городов Франции. Вильгельм Завоеватель обогатил его добром, вывезенным из Англии, и это чувствовалось до сих пор. Церковные шпили и башни внутри городских стен теснились, как копыя и знамена в английском войске, а с обеих сторон города расположились два огромных монастыря. В северной части возвышалась крепость, и на ее зубчатых стенах, как и на высоких городских стенах из светлого камня, развевались боевые знамена. На рев английского войска собравшиеся меж крепостных зубцов защитники ответили вызывающим криком. Сколько арбалетов, подумал Томас, вспомнив тяжелые стрелы, вылетающие из бойниц Ла-Рош-Дерьена.

Город раскинулся за границы своих стен, но вместо того, чтобы возводить жилища близ укреплений, как это делалось в большинстве городов, здесь дома построили на острове к югу от старого города. Расположенный в лабиринте притоков, питавших две главные реки близ Кана, этот остров не имел крепостных стен, поскольку его защищала вода. Но ему требовалась защита. Даже с холма Томас смог разглядеть, что основные канские богатства расположились именно на острове. Старый город за своими высокими стенами был клубком узких переулков меж тесными домами, а остров заполняли просторные особняки, большие церкви и широкие сады. Но хотя он представлялся самой богатой частью Кана, его, похоже, никто не собирался защищать. Там не было видно никаких войск. Все защитники собрались на зубчатых стенах старого города. На берег острова напротив городской стены вытащили корабли, и Томас подумал, не принадлежит ли какой-то из них мессире Гийому д'Эвеку.

Граф Нортгемптонский, вырвавшись из свиты принца, подъехал к стоявшему во главе стрелков Джону Армстронгу и кивнул на городские стены.

– Скотское место, Джон! – весело проговорил он.

– Грозное, – пробурчал Армстронг.

– Остров назван в твою честь, – серьезно сказал граф.

– В мою? – подозрительно переспросил Джон.

– Это Иль-Сен-Жан – остров Святого Джона. – Граф указал на ближний из двух монастырей, огромный, окруженный собственными крепостными стенами, прилегавшими к более высоким городским. – Это Аббе-оз-Омм – мужской монастырь. Знаешь, что случилось, когда хоронили Вильгельма Завоевателя? Его оставили в монастыре слишком надолго, и когда пришло время положить покойника в склеп, он провонял и распух. Его тело лопнуло, и принято считать, что смрад выгнал монахов из монастыря.

– Божья кара, – стоически проговорил Армстронг.

Граф озадаченно посмотрел на него и неуверенно сказал:

– Быть может.

– В северной стране люди не любят Вильгельма.

– Это было давно, Джон.

– Не настолько, чтобы я не плюнул на его могилу, – заявил Армстронг и объяснил: – Пусть он и был нашим королем, милорд, но он не был англичанином.

– Полагаю, не был, – согласился граф.

– Пора отомстить, – сказал Армстронг громко, так что стоявшие вблизи стрелки услышали его слова. – Мы возьмем его город и его чертовых женщин!

Стрелки приободрились, хотя Томас не представлял, как войско может взять Кан. Толстые стены были хорошо укреплены башнями, а защитники своей уверенностью не уступали нападавшим. Томас высматривал среди знамен флаг с тремя желтыми ястребами на синем

поле, но флагов было столько и ветер так трепал их, что среди других ярких гербов над бойницами было не различить трех ястребов мессира Гийома.

– Так кто же ты такой, Томас? – Граф поотстал, чтобы двигаться рядом с ним, и говорил по-французски. Он ехал на огромном коне и потому, несмотря на свой небольшой рост, возвышался над Томасом. – Англичанин или норманн?

Томас поморщился:

– Англичанин, милорд. До самой моей натертой задницы.

Он давно не ездил верхом и натер бедра до крови.

– Теперь все мы англичане, так?

Голос графа звучал неуверенно.

– А вы хотите быть кем-то еще? – спросил Томас и оглядел стрелков. – Видит бог, милорд, я бы не хотел сражаться против них.

– И я тоже, – хмыкнул граф, – и я избавил тебя от веревки сэра Саймона. Я спас твою жалкую жизнь. Вчера вечером я поговорил с ним. Не скажу, что он очень охотно отказался от твоей шеи, и я не могу его за это винить... – граф прихлопнул слепня, – но в конце концов алчность в нем взяла верх над злобой. Ты стоил мне моей доли выручки за два корабля графини, молодой Томас. Один корабль – за оруженосца, другой – за дыру, что ты проделал в ноге сэра Саймона.

– Благодарю вас, милорд, – не скрывая радости, отозвался Томас. – Благодарю вас!

– Так что ты теперь свободный человек. Сэр Саймон замял это дело. Писец сделал запись, а священник засвидетельствовал. Только, ради бога, больше не убивай никого из его людей.

– Не буду, сэр, – пообещал Томас.

– А передо мной ты в долгу.

– Признаю, милорд.

Граф хмыкнул, выражая сомнение, что Томас когда-либо выплатит свой долг, а потом бросил на стрелка подозрительный взгляд:

– А насчет графини: ты мне не сказал, что привел ее на север.

– Мне не казалось это важным, милорд.

– Вчера вечером, – продолжал граф, – после того, как я ради тебя надавил на Джекилла, я встретил ее светлость у принца. Она говорит, что ты обращался с ней как настоящий рыцарь. Похоже, ты вел себя осмотрительно и почтительно. Это верно?

Томас покраснел:

– Раз она так говорит, милорд, значит верно.

Граф расхохотался и прищипорил жеребца.

– Я купил твою душу, – крикнул он весело, – так что хорошенько сражайся за меня!

И он свернул в сторону, чтобы присоединиться к своим латникам.

– Он хороший парень, наш Билли, – сказал один из лучников, кивнув на графа.

– Если бы все были такими, – согласился Томас.

– А почему это ты говоришь по-французски? – подозрительно спросил стрелок.

– Нахватался в Бретани, – уклончиво ответил Томас.

Передовые части английского войска достигли открытого места перед стенами, и в дерн предупреждающе воткнулась арбалетная стрела. Обозники, помогавшие создать иллюзию неодолимой силы, уже устанавливали шатры на северных холмах, а бойцы растеклись по равнине вокруг города. Руководившие движением маршалы галопом скакали между частями, направляя солдат принца к самым стенам Аббе-о-Дам, женского монастыря у дальней стороны города. Стояло раннее утро, и, когда солдаты графа шли мимо брошенных ферм, ветер доносил запах канских очагов. А над стенами маячила крепость.

Англичане подошли к городу с запада. Принц Уэльский на крупном вороном коне в сопровождении знаменосца и отряда латников подскочил к женскому монастырю, который был

покинут обитателями, поскольку находился вне городских стен. На время осады принц сделал его своей резиденцией. Томас, спешившись, увидел следовавшую за принцем Жанетту. «Таскается за ним, как собачонка», – с горечью подумал он и упрекнул себя в ревности. Что толку ревновать к принцу? С таким же успехом можно обижаться на солнце или проклинать океан. «В мире полно других женщин», – сказал себе Томас и повел лошадь на монастырское пастбище.

Отряд стрелков обследовал покинутые здания близ монастыря. Большинство были жилыми домами. Одно оказалось столярной мастерской, забитой стружками и опилками. За ней располагалась сыромятня, где все еще пахло мочой, известью и навозом, которыми обрабатывали кожу. За сыромятней не было ничего, кроме обширного пустыря, и все пространство до самых городских стен заросло крапивой. Томас увидел, как десятки стрелков, укрывшись в траве, рассматривают стены. День был жаркий, и воздух перед стеной как будто дрожал. Легкий северный ветерок гнал в вышине облака и колыхал высокую траву во рву перед укреплениями. На пустыре уже собралась примерно сотня стрелков, и некоторые приблизились к стене на расстояние арбалетного выстрела. Но французы не стреляли. Два десятка лучников взяли топоры, чтобы нарубить дров, но нездоровое любопытство привело их к стене, а не в лес. Томас тоже направился за ними, чтобы убедиться собственными глазами, какие беды ожидают осаждающих. Обернувшись на скрип несмазанных осей, он увидел две деревенские повозки, катящиеся к монастырю. На обеих были пушки – огромные пузатые штуковины с разинутыми ртами. Том задумался, смогут ли сила и волшебство пушек пробить дыру в городской стене. Но даже если и так, солдатам все равно придется с боем пробиваться через брешь. Он перекрестился. Может быть, он найдет в городе женщину. У него было почти все, что нужно мужчине: лошадь, хакетон, лук и мешок со стрелами. Не хватало лишь одного – женщины.

Однако он не знал, каким образом войско даже вдвое больше обычного могло бы преодолеть огромные канские стены. Они возвышались над заболоченным рвом, как скалы. Через каждые пятьдесят шагов стоял крытый бастион, из которого гарнизонные арбалетчики могли посылать стрелы во фланг атакующим. Томас подумал, что это будет побоище куда хуже тех, что случались каждый раз, когда солдаты графа Нортгемптонского пытались штурмовать южную стену Ла-Рош-Дерьена.

Все больше и больше стрелков собиралось на пустыре, чтобы посмотреть на город. Многие приблизились на расстояние арбалетного выстрела, но французы по-прежнему не обращали на них внимания. Защитники втягивали яркие флаги через бойницы внутрь крепости. Томас высматривал трех ястребов мессира Гийома, но так нигде и не увидел. Большинство флагов украшали кресты или фигуры святых, на одном были изображены ключи от рая, на другом – лев святого Марка, а на третьем – крылатый ангел, летящий на англичан с огненным мечом. Вот исчез и этот флаг.

– Черт возьми, что делают эти ублюдки? – спросил кто-то из стрелков.

– Ублюдки улепетывают! – сказал другой, глядя на каменный мост, соединявший старый город с Иль-Сен-Жаном.

Весь мост забили солдаты – некоторые верхом, большинство пешие. Их поток двигался из города на остров с большими домами, церквями и садами. Томас прошел несколько шагов на юг, чтобы лучше видеть, и заметил, как в переулках на острове появились арбалетчики и тяжеловооруженные латники.

– Они собираются защищать остров, – сказал он тем, кто стоял достаточно близко.

Через мост толкали телеги, и Томас увидел, как латники подгоняют женщин и детей.

Новые защитники пересекали мост. Все больше флагов исчезало со стен, пока не осталась всего горстка. Полотнища великих сеньоров все еще развевались на вершинах замковых башен, и на башнях длинных стен пока висели религиозные флаги, но сами стены остались почти голыми. Теперь на них смотрела, наверное, уже целая тысяча стрелков из войска принца Уэльского. Им следовало нарубить дров, построить хижины и вырыть выгребные ямы, но в их

души вкралось подозрение, что французы собираются защищать только остров. Это означало, что город покинут. Такая мысль казалась столь невероятной, что никто даже не посмел высказать ее вслух. Англичане просто смотрели на толпу горожан и солдат за каменным мостом, а потом, когда со стены исчез последний флаг, некоторые из них пошли к ближайшим воротам.

Никто не отдавал никаких приказов. Ни принц, ни граф, ни констебли, ни рыцари не посылали стрелков вперед. Те просто решили подойти к городу. Большинство было одето в бело-зеленые цвета принца Уэльского, но на многих, как и на Томасе, были звезды и львы графа Нортгемптонского. Томас ждал, что вот-вот появятся арбалетчики и встретят наступающих ливнем разящих стрел. Но бойницы оставались пустыми. Это придало дерзости стрелкам, видевшим, как за амбразурами садятся птицы – верный признак, что все защитники покинули стену. Люди с топорами побежали к воротам и начали рубить их, а с выступавших бастионов так и не вылетело ни одной стрелы. Великий укрепленный город Вильгельма Завоевателя остался без защиты.

Люди с топорами прорубили окованные доски, подняли засов и распахнули огромные ворота, за которыми открылась пустынная улица. На булыжнике стояла брошенная ручная тележка со сломанным колесом. Никого из французов не было. Повисла тишина. Стрелки не могли поверить своим глазам. Потом раздались крики:

– Грабь! Грабь!

Первой пришла мысль о добыче, и люди жадно ринулись в дома, но не нашли там почти ничего, кроме стульев, столов и полок. Все сколько-нибудь ценное вместе с горожанами перекочевало на остров.

А в город заходили все новые стрелки. Некоторые поднимались на возвышенность вокруг крепости. Двое были убиты арбалетными стрелами со стены. Остальные разбрелись по пустому городу. Все больше солдат тянулось к мосту через реку Одон, ведущему на Иль-Сен-Жан. На южном конце моста, со стороны острова, возвышалась защитная башенка, оцетинившаяся арбалетами. Французы не хотели, чтобы англичане приближались к ней, и потому на северном конце моста из телег и мебели поспешно соорудили баррикаду, которую защищало два десятка латников и множество арбалетчиков. На дальнем краю острова был еще один мост, но английские лучники не знали о его существовании. Кроме того, он был далеко, а забаррикадированный мост казался кратчайшим путем к вражеским богатствам.

Полетели первые стрелы с белым оперением. Вслед за этим послышался тяжелый скрип вражеских арбалетов и стук стрел по камням церкви у моста. Погиб первый лучник.

Никаких приказов по-прежнему не было. Никто из командиров еще не вошел в город, здесь собралась лишь толпа не думающих ни о чем лучников, по-волчьи почуявших кровь. Они обрушили на баррикаду град стрел, заставив защитников спрятаться за перевернутыми телегами. Потом первый отряд англичан, громко крича, бросился на баррикаду с мечами, топорами и копьями. Пока атакующие взбирались на неуклюжую стену, за ними последовали другие. Полетевшие со сторожевой башни стрелы остановили англичан, а французские латники встали заслоном на баррикаде, и мечи скрестились с топорами. На мосту стало скользко от крови, лучники падали, и их топтали их же товарищи, спешащие в бой. Англичане ревели, французы кричали, на сторожевой башне раздавались звуки трубы, и все колокола на Иль-Сен-Жане били набат.

Томас, не имея меча, стоял на паперти церкви и посылал стрелы в сторожевую башню на другом конце моста, но цель была плохо видна, потому что соломенные крыши города загорелись, застилая реку клубами дыма.

У французов были все преимущества. Их арбалетчики могли стрелять со сторожевой башни и из-за укрытия баррикады. Чтобы атаковать их, англичанам нужно было пройти через узкий проход моста, и его уже устилала тела, залитые кровью и утыканные арбалетными стрелами. На кораблях вдоль берега, оказавшихся после отлива на мели, выстроились в ряд враже-

ские арбалетчики. Укрываясь за деревянными планширами, они могли стрелять в англичан, которым хватило глупости показаться в этой части не окутанной дымом городской стены. К мосту подходили все новые и новые арбалетчики, и казалось, что арбалетные стрелы наполняют воздух над рекой, как стаи скворцов.

На узкую улицу, ведущую к баррикаде, из переулков с криками хлынула новая волна лучников. Они не пользовались луками, а орудовали топорами, мечами, тесаками и копьями. Копья в основном несли хобелары, среди которых было много валлийцев, и они, устремившись вперед вместе с лучниками, пронзительно кричали. С дюжину атакующих погибло от арбалетных стрел, но оставшиеся перепрыгнули через павших и приблизились к баррикаде, которую теперь защищали по меньшей мере тридцать латников и столько же арбалетчиков. Томас побежал на мост и взял у одного из убитых мешок со стрелами. Нападающие натолкнулись на утыканную стрелами баррикаду, где не было места размахнуться топором, мечом или копьем. Французские латники кололи их пиками, рубили мечами и молотили булавами. Когда первый ряд лучников был уничтожен, под удары защитников попал второй ряд. С укрепленной сторожевой башни, с реки, со стоявших на мели кораблей непрерывно летели арбалетные стрелы. Томас увидел, как кто-то с торчащей из шлема стрелой, шатаясь, свернул с моста. Лицо несчастного заливала кровь, и прежде чем упасть, он издал какое-то странное клокотание, потом опустился на колени и медленно растянулся на дороге. Там его накрыла новая волна атакующих. Несколько английских стрелков пробрались на крышу церкви и успели убить с полдюжины защитников баррикады, пока арбалетчики со сторожевой башни не отбросили их разящими залпами. Подход к мосту был забит телами, они мешали нападающим, и англичане стали сбрасывать трупы в реку. Высокий лучник с топором на длинной рукояти сумел добраться до гребня баррикады, где снова и снова опускал свое увесистое оружие на какого-то француза с лентой на шлеме. Но вскоре лучника поразили две арбалетные стрелы, и он, согнувшись, выронил топор и схватился за живот. Французы стянули его на свою сторону баррикады, где изрубили мечами, а потом его же топором отрубили голову. Защитники водрузили страшный трофей на копье и размахивали им над баррикадой, издеваясь над нападавшими.

Верховой латник со значком графа Уорвикского, изображавшим медведя и зазубренный посох, криком приказал стрелкам отступать. Сам граф находился в городе, его послал король, чтобы вывести стрелков из стихийно вспыхнувшего боя, но они не хотели слушать. Французы смеялись над ними, убивали их, и тем сильнее опьяневшим от крови лучникам хотелось прорвать защиту моста и насладиться богатствами Кана, – так хотелось, что они под летящими с дымного неба стрелами все заполняли и заполняли дорогу. Задние напирали на передних, которые гибли под французскими копьями и мечами.

Французы брали верх. Стрелы их арбалетов впивались в толпу англичан. Передние из нападавших пятились, пытаясь выбраться из побоища. Но задние все напирали, а оказавшиеся в середине, чтобы их не задавили насмерть, проломали деревянное ограждение и вырвались на узкую полоску земли между рекой и городской стеной. За ними следовали другие.

Томас все сидел на корточках на паперти, время от времени посылая стрелы в сторону сторожевой башни, но сгустившийся дым висел, словно туман, и цель была едва заметна. Томас видел, как стрелки устремились с моста на узкий берег реки, но не последовал за ними: это казалось ему еще одним способом самоубийства. Они попали в ловушку, зажатые между высокой городской стеной и бурной рекой. Вдоль дальнего берега выстроились корабли, откуда арбалетчики не скупясь посылали стрелы в эти привлекательные мишени.

Отступление стрелков на берег открыло путь к баррикаде, и вновь прибывшие, кто еще не видел резни первых атак, вступили в бой. Какой-то хобелар сумел взобраться на перевернутую повозку и колол врагов коротким копьем. Из груди его торчали арбалетные стрелы, но он все орал и колол и продолжал сражаться, даже когда французский латник выпустил ему кишки. Они вывалились наружу, но он нашел в себе силы поднять копье и нанести последний

удар, прежде чем рухнул на защитников. Полдюжины лучников пытались разобрать баррикаду, другие сбрасывали с моста мертвых, чтобы освободить путь. Одного солдата бросили в воду еще живым, и он отчаянно кричал, падая.

– Назад, собаки, назад!

Граф Уорвикский явился в этот хаос, размахивая маршальским жезлом.

Трубач графа протрубил отступление, а французы подали сигнал к атаке – череду волнующих кровь нот, – и англичане с валлийцами подчинились французскому, а не английскому сигналу. Еще многие – сотни – хлынули в старый город, скрываясь от констеблей графа Уорвикского, и столпились на мосту. Там, не в состоянии преодолеть баррикаду, они были вынуждены соскакать на берег, откуда стреляли из лука в арбалетчиков на баржах. Люди графа Уорвикского стали оттеснять стрелков с улицы, ведущей к мосту, но на место каждого оттесненного приходилось двое подошедших позднее.

Толпа канских горожан, некоторые вооруженные дубинами, ждала за сторожевой башней нового боя, если атакующие когда-нибудь преодолеют баррикаду. Английское войско охватило какое-то безумие – все ринулись на слишком хорошо защищенный мост. Люди с криками бежали навстречу смерти, а за ними мчались все новые и новые. Граф Уорвикский ревел им, чтобы отступили. Его никто не слышал. Потом с берега донесся оглушительный вызывающий крик. Томас сошел с паперти, чтобы посмотреть, и увидел, как несколько человек пытаются перейти реку Одон вброд. И им это удалось. Лето было засушливое, вода в самом глубоком месте доходила лишь до груди. Уже десятки англичан пустились в реку. Уклонившись от двух графских констеблей, Томас перепрыгнул через остатки ограждения и соскользнул на сплошь утыканный арбалетными стрелами берег. Сюда стекали городские нечистоты, и воняло дерьмом. В реку зашла дюжина валлийских хобеларов, и Томас присоединился к ним, держа лук над головой, чтобы не замочить тетиву. Арбалетчикам на барже пришлось показаться из-за планшира и стоя стрелять в идущих через реку. Они сразу превратились в легкие мишени для лучников, оставшихся на берегу.

Течение было сильным, и Томас передвигался мелкими шагами. Повсюду в воду с плеском входили арбалетные стрелы. Какому-то вояке стрела попала в горло, и он утонул под весом собственной кольчуги, оставив на поверхности окровавленной воды лишь небольшую воронку. Планширы барж были утыканы стрелами с белым оперением. Один француз свесился через борт, и его тело дергалось каждый раз, когда в него попадала стрела. Из шпигата текла кровь.

– Бей гадов, бей гадов, – бормотал кто-то рядом с Томасом.

Он увидел, что это один из констеблей графа Уорвикского, поняв, что не может остановить атаку, решил присоединиться к ней. У констебля был изогнутый фальшион – полумеч, полутопор мясника.

Ветер разогнал дым от горящих домов, отнеся его к реке и наполнив воздух горящими клочками разлетающейся соломы. Некоторые из этих клочков попали на свернутые паруса, и два корабля вовсю запылали. Их защитники перебрались на берег. Остальные вражеские стрелки отступили, увидев, как измазанные грязью английские и валлийские солдаты взбираются на берег между стоящими на мели баржами. Воздух наполнился свистом летевших над головой стрел. Отчаянно звонили городские колокола. Какой-то француз со сторожевой башни над мостом призывал защитников распределиться по берегу и нападать на валлийцев и англичан, вязнувших и скользивших в речной грязи.

Томас продолжал брести через реку. Вода поднялась по грудь, потом стала опускаться. Он боролся с вязкой грязью на дне и не обращал внимания на арбалетные стрелы, повсюду входившие в воду. Какой-то арбалетчик привстал над планширом баржи и прицелился прямо Томасу в грудь, но в него самого попали две стрелы, и он упал навзничь. Томас выбрался из воды. Вот он уже оказался на берегу и, скользя по грязи, бросился в укрытие нависавшей корабельной кормы. Томас видел, что на баррикаде все еще идет бой, но также заметил, что всю

реку заполнили английские стрелки и хобелары. Мокрые, перепачканные кровью и грязью, они начали карабкаться на баржи. У оставшихся защитников не было другого оружия, кроме арбалетов, в то время как большинство лучников имели мечи и топоры. Бой на стоящих на мели кораблях стал стремительным и коротким побоищем, после чего неорганизованная, неуправляемая толпа хлынула с залитых кровью палуб на берег и вглубь острова.

Перед Томасом бежал один из латников графа Уорвикского. Латник взобрался по крутому берегу, заросшему травой, и тут же получил в лицо арбалетную стрелу. Он дернулся назад, и из-под шлема у него брызнула кровь. Стрела попала точно в переносицу, он умер мгновенно, с застывшим обиженным выражением на лице. Его фальшион упал в грязь к ногам Томаса. Повесив лук за плечи, Томас подобрал новое оружие, которое удивило его своим весом. В нем не было никакой сложности – просто орудие убийства, предназначенное наносить глубокие раны за счет своего веса и широкого лезвия. Хорошее оружие для рукопашного боя. Уилл Скит однажды рассказывал Томасу, что видел, как одним ударом фальшиона отрубили голову лошади. Сам вид этого оружия вызывал дрожь в кишках.

Валлийские хобелары на барже добивали защитников; закончив трудиться, они издали странный крик на своем непонятном языке и стали спрыгивать на берег. Томас последовал за ними. Он оказался в разрозненном строю нападающих и вместе с ними побежал к ряду высоких богатых домов, защищаемых отступившими с барж арбалетчиками и канскими горожанами. Арбалетчики успели выстрелить, но они нервничали, и большинство стрел прошло мимо цели. Атакующие набросились на них, как свора собак на загнанных зверей.

Томас орудовал двуручным фальшионом. Арбалетчик попытался защититься своим оружием, но тяжелый клинок расколол дерево, как слоновую кость, и вошел в шею француза, как нож в масло. Фонтан крови брызнул через голову Томаса. Он вырвал клинок и пнул арбалетчика ногой в пах. Какой-то валлиец ткнул копьём французу в ребра. Томас споткнулся о чье-то тело, но сохранил равновесие и издал английский боевой клич:

– Святой Георгий!

Он снова взмахнул клинком и прорубил предплечье французу, вооруженному дубиной. Тот был так близко, что ощущался запах его дыхания и вонь его одежды. Другой француз размахивал мечом, а третий колотил валлийца окованной железом булавой. Это больше походило на пьяную драку в таверне, на уголовную потасовку. Томас кричал как дьявол. К черту их всех! Он был залит кровью и пробивался, прорывался и прорубался по улице. Воздух казался неестественно густым, сырым и теплым. Пахло кровью. Окованная железом дубина прошла в дюйме от его головы и врезалась в стену. Томас взмахнул фальшионом и вспорол французу пах. Француз взвыл, а Томас ногой вбил клинок поглубже.

– Ублюдок! – крикнул он, напирая на клинок. – Ублюдок!

Один валлиец проткнул врага копьём, двое других перескочили через упавшее тело; их длинные волосы и бороды были измазаны в крови. Хобелары своими копьями с красными от крови наконечниками стали колоть следующий ряд защитников.

В переулке бились двадцать, а то и больше врагов, а рядом с Томасом не было и дюжины товарищей. Но французы действовали нерешительно, а нападающие были уверены в себе и набросились на них с копьями, мечами и фальшионами, рубя и коля, колотя и проклиная, круша и убивая в азарте буйной злобы. С реки прибывали все новые и новые англичане и валлийцы. Их крики были погребальным плачем, кровожадным воем и насмешливым ревом над врагом. Это были псы войны, вырвавшиеся из своего логова, взявшие город, который, по расчетам их предводителей, должен был задержать наступление на месяц.

Строй защитников в переулке был сломан. Враги побежали. Томас рубанул кого-то сзади и с хрустом вырвал клинок. Хобелары вышибли дверь одного из домов, объявив его своей собственностью. Вслед за Томасом в переулок хлынул поток стрелков в бело-зеленых цветах принца Уэльского. Они достигли большого ухоженного сада с цветами и грушами. Томаса

поразило несоответствие этого прекрасного места затянутому дымом небу и вою битвы. В саду был бордюр из фиалок, желтофиоли и пионов и под увитыми виноградной лозой решетками виднелись беседки. На мгновение этот сад показался Томасу райским уголком, но стрелки тут же растоптали цветы, сорвали лозу и сломали решетку.

Отряд французов попытался вытеснить врагов из сада. Французы пришли с востока, от толпы, ожидавшей врага за сторожевой башней моста. Во главе отряда были три всадника в синих плащах с желтыми звездами. На лошадях они перескочили через невысокую ограду и, подбадривая себя криками, подняли мечи.

В коней впились стрелы. Томас не снимал лука, но некоторые лучники принца держали стрелы на тетиве. Стрелы вошли глубоко, лошади заржали, встали на дыбы и упали. Лучники с топорами и мечами набросились на всадников. Томас метнулся вправо, отбиваясь от пешех французов, большинство из которых были горожане, вооруженные лишь топориками, косами и древними двуручными мечами. Он прорубил фальшионом кожаный панцирь, выдернул клинок, снова занес его, так что в воздух полетели кровавые брызги, и снова опустил. Увидев, как из переулка прибывают новые англичане, французы заколебались и бросились назад к сторожевой башне.

Лучники кромсали упавших всадников. Один француз закричал, когда клинок перерубил ему руку и вошел в туловище. Сине-желтые плащи залила кровь. И тут Томас увидел, что это не совсем желтые звезды. Это были ястребы. Ястребы с расправленными крыльями и выпущенными когтями. Люди мессира Гийома д'Эвека! Может быть, сам мессир Гийом! Но, взглянув на перекошенные, залитые кровью лица, Томас понял, что эти трое были слишком молоды. Однако сэр Гийом здесь, в Кане, и копье должно быть где-то рядом. За спиной, в доме, где орудовали хобелары, закричала женщина – первая из многих. Звон колоколов начал стихать.

Эдуард Третий, милостью Божьей король Англии, привел с собой около двенадцати тысяч солдат. К нынешнему времени пятая часть их была на острове, и подходили все новые. Никто их не вел. Им было приказано отступать. Но они не подчинились и захватили Кан, хотя противник по-прежнему удерживал сторожевую башню у моста, откуда летели арбалетные стрелы.

Томас выскочил из переулка на главную улицу и присоединился к отряду лучников, которые осыпали укрепленную башню стрелами. Под их прикрытием ревушая толпа валлийцев и англичан ринулась на французов, поддерживавших стрельбой защитников баррикады. Ее теперь атаковали с обеих сторон. Защитники сгрудились под аркой башни. Поняв, что их ждет, они побросали оружие и закричали, что сдаются. Но лучники были не в состоянии остановиться и продолжали атаку. Французов сбросили в реку, а потом сотни рук разобрали баррикаду, сбрасывая через ограждение телеги и скамьи.

Огромная масса вооруженных людей за сторожевой башней рассеялась по острову. Томас полагал, что большинство бросилось спасать своих жен и дочерей. Их преследовали разъяренные лучники. Эта толпа пронеслась мимо Томаса, направляясь в самое сердце Иль-Сен-Жана. Там не смолкали крики. Повсюду стоял рев грабежа. Французы все еще удерживали сторожевую башню, однако из страха перед английскими стрелами не поднимали свои арбалеты. Никто и не пытался взять башню, хотя небольшой отряд лучников стоял на мосту, разглядывая висящие на зубчатой стене флаги.

Томас как раз собирался броситься в центр острова, когда услышал цокот копыт по камню. Оглянувшись, он увидел дюжину французских рыцарей. Должно быть, они скрывались за сторожевой башней, а теперь выскочили через ворота и с опущенными забралами и копьями наперевес направили коней к мосту. Они явно хотели прорваться через старый город, чтобы укрыться в более безопасной крепости.

Томас сделал несколько шагов в сторону французов, но потом одумался. Никто и не пытался остановить дюжину рыцарей в полном вооружении. Однако, заметив сине-желтый

плащ и ястребов на щите одного из них, Томас снял свой лук, достал из мешка стрелу и натянул тетиву. Французы только что въехали на мост, и Томас крикнул:

– Эвек! Эвек!

Он хотел, чтобы мессир Гийом, если это был он, увидел своего убийцу. И человек в синем-желтом плаще действительно обернулся в седле, хотя Томас не смог увидеть его лица из-за опущенного забрала. Он выстрелил, но, едва отпустив тетиву, понял, что стрела кривая. Она полетела низко и попала рыцарю в левую ногу, а не в поясицу, куда целился Томас. Он достал вторую стрелу, но двенадцать рыцарей были уже на мосту. Их кони копытами высекали искры из мостовой, а скачущие впереди всадники опустили копья, чтобы отбить горстку лучников. Всадники прорвались к крепости. Стрела с белым оперением так и торчала из ноги рыцаря, глубоко застряв. Томас послал вторую, но она пропала в дыму. Французы исчезли в тесных улочках старого города.

Крепость не пала, но город и остров оказались в руках англичан. Однако они еще не принадлежали королю, потому что его вассалы – графы и бароны – не взяли ни город, ни остров. Все принадлежало стрелкам и хобеларам, и теперь те растаскивали богатства Кана.

Иль-Сен-Жан после Парижа был самым красивым, роскошным и изящным городом в Северной Франции – с прекрасными домами, широкими улицами, богатыми церквями, благоухающими садами, а здешние горожане, как и положено, пользовались благами цивилизации. И в это милое место ворвалась дикая орда грязных, окровавленных солдат, которые нашли здесь все, о чем мечтали. То, чему эллекин подверг бесчисленные бретонские деревни, настигло наконец и великий город. Пришло время убийства, насилия и бессмысленных зверств. Всякий француз был врагом, а всякого врага следовало зарубить. Командиры городского гарнизона, французские вельможи были в безопасности на верхних этажах сторожевой башни у моста. Они оставались там, пока не высмотрели английских господ, которым могли безопасно сдаться. Дюжина рыцарей скрылась в крепости. Нескольким вельможам и рыцарям удалось спастись от вторгшихся англичан, отступив за южный мост. Но по крайней мере дюжина титулованных особ, выкуп за которых мог бы принести лучникам баснословные богатства, были зарублены, как собаки, искромсаны на окровавленные куски. Рыцари и латники, способные выплатить по сотне-другой фунтов за свое освобождение, были расстреляны из луков в охватившей войско безумной ярости. Что касается более низкого сословия, горожан с дубинами, кирками и просто ножами, то их просто перерезали. Кан, город Вильгельма Завоевателя, разбогатевший на английской добыче, в тот день был разграблен. Его богатства вернулись к англичанам.

Им достались не только богатства, но и женщины. Быть женщиной в Кане в тот день значило быть в аду. Пожаров было мало, так как солдаты предпочитали грабить дома, а не сжигать, но зверств было предостаточно. Мужчины умоляли не трогать их жен и дочерей, а потом были вынуждены смотреть, как тех насилюют. Многие женщины спрятались, но солдаты, привыкшие находить тайники на чердаках и под лестницами, вскоре обнаружили их. Женщин выволакивали на улицу, срывали с них одежду и гнали, как добычу. Жену одного торговца, чудовищно толстую, голой запрягли в тележку и стегали, гоня по главной улице, шедшей через весь остров. Час или больше стрелки заставляли ее бегать, хохоча до слез над ее трясущимися складками жира, а когда наскучило, сбросили в реку. Там она сидела, плача и зовя своих детей, пока один из стрелков, испытывавший захваченный арбалет на паре лебедей, не послал стрелу ей в горло. Через мост шли солдаты, шатаясь под грузом серебра, другие все еще рыскали в поисках добычи и вместо этого находили пиво, сидр или вино. И зверства становились еще страшнее. Когда один священник попытался остановить насилие, его повесили на вывеске таверны. Некоторые латники, очень немногие, пытались усмирить разгул, но толпа мародеров загнала их обратно на мост. Церковь Святого Иоанна, где, по слухам, хранились пальцы святого Иоанна Чудотворца, копыто коня, на котором святой Павел въехал в Дамаск, и одна из корзин, в которой когда-то лежали чудесные хлебы и рыба, превратилась в бордель. Женщин, пытавшихся

найти убежище в этом святом месте, продавали глумящимся солдатам. Англичане расхаживали в шелках и кружевах, разыгрывая в кости женщин, которых обобрали до нитки.

Томас не участвовал в этом. Что случилось, то случилось. Этого не остановит ни один человек, ни даже сотня. Войско сполна насладится разгулом и насилием, но потом, Томас знал, наступит отупление от пьянства, которым все и закончится. Бродя с улицы на улицу, он искал дом своего врага, пока не наткнулся на какого-то умирающего француза. Томас дал ему воды, а потом спросил, где жил мессир Гийом д'Эвек. Несчастный закатил глаза, хватая ртом воздух, и пробормотал, что дом д'Эвека находится в южной части острова.

– Вы его не пропустите, он из камня, весь из камня, и на двери вырезаны три ястреба.

И Томас пошел на юг. На остров прибывали отряды латников графа Уорвикского, чтобы восстановить порядок. Пока они пытались вразумить лучников у моста, Томас направился в южную часть острова. Она не так пострадала. Над крышами разграбленных лавок он увидел каменное здание. Большинство других домов были построены из бревен и крыты соломой. Двухэтажный особняк мессира Гийома д'Эвека был почти что крепостью. Однако каменные стены, черепичная крыша и маленькие окна, видно, не помешали нескольким английским стрелкам проникнуть внутрь. Из дома до Томаса доносились крики. Он пересек небольшую площадь, где посреди мостовой рос огромный дуб, и поднялся по лестнице в дом под аркой с тремя высеченными ястребами. Томаса удивила глубина злобы, которую вызвал в нем вид этого герба. «Это мечь за Хуктон», – сказал себе Томас.

В вестибюле несколько стрелков и хобеларов ссорились из-за кухонных горшков. У очага, где еще тлел огонь, лежали двое убитых слуг. Один из стрелков зарычал на Томаса, что они первые пришли в этот дом и все здесь принадлежит им. Томас не успел ответить. Он услышал крик с верхнего этажа и бросился туда по широкой деревянной лестнице. Из верхнего зала открывались двери в две комнаты; Томас толкнул одну из них и увидел стрелка в бело-зеленых цветах принца Уэльского. Стрелок боролся с какой-то девушкой, он почти сорвал с нее светло-голубое платье, но та сопротивлялась как фурия, царапая ему лицо и отбиваясь ногами. Когда Томас вошел, солдат усмирил ее сильным ударом по голове. Девушка упала навзничь в широкий пустой камин. Англичанин обернулся к Томасу и зло сказал:

– Она моя. Найди себе другую.

Томас взглянул на девушку. Белокурая, худая, вся в слезах. Ему вспомнились страдания Жанетты. Было невозможно смотреть на беду другой девушки, даже в особняке мессира Гийома д'Эвека.

– Думаю, ты уже достаточно ее помучил, – сказал Томас и перекрестился, вспомнив собственные грехи в Бретани. – Отпусти ее.

Бородатый стрелок, лет на двенадцать старше Томаса, вытащил меч. Это было старое оружие, крепкое, с широким клинком. Стрелок самоуверенно взвесил его на руке.

– Слушай, парень, – сказал он, – я посмотрю, как ты выйдешь через дверь, а если нет, то развешу твои кишки от стены до стены.

Томас приподнял свой фальшион:

– Я дал обет святому Гинфорту защищать всех женщин.

– Чертов болван!

Стрелок бросился на Томаса и сделал выпад. Томас шагнул назад и парировал удар. Из-под клинков брызнули искры. Бородач снова нанес удар, и Томас вновь попятился и отбил меч фальшионом. Девушка наблюдала за боем широко раскрытыми голубыми глазами. Томас взмахнул клинком, промазал и чуть не наткнулся на меч, но успел уклониться в сторону и ногой ударил бородача по колену. Тот зашипел от боли, и тогда Томас своим фальшионом, как косой, нанес другой удар, пришедшийся бородачу прямо по шее. Хлынула кровь, и стрелок без звука рухнул на пол. Фальшион почти отсек ему голову. Кровь толчками била из раны. Томас опустил на колени рядом со своей жертвой.

– Если кто-то спросит, – сказал он девушке по-французски, – это сделал твой отец, а потом сбежал.

На него обрушилось слишком много бед после убийства оруженосца в Бретани, и он не хотел добавлять к ним еще и гибель лучника. Томас достал из кошелька бородача четыре мелкие монеты и улыбнулся девушке, которая сохраняла удивительное хладнокровие, хотя у нее на глазах почти что обезглавили человека.

– Я не причиню тебе вреда, – сказал он. – Обещаю.

Она молча смотрела на него.

– Не причинишь? – неуверенно спросила она.

– Не сегодня, – мягко ответил Томас.

Девушка встала и помотала головой, чтобы прогнать головокружение. Она натянула платье и связала болтающиеся полосы ткани.

– Ты, может быть, меня и не тронешь, но другие тронут.

– Нет, если останешься со мной. Вот... – Он достал из-за плеча большой черный лук, снял тетиву и протянул ей. – Держи. Все поймут, что ты женщина лучника. И тогда никто к тебе не прикоснется.

Девушка нахмурилась, ощутив вес лука:

– Никто не причинит мне вреда?

– Нет, если будешь держать это, – снова пообещал Томас. – Это твой дом?

– Я работаю здесь.

– У мессира Гийома д'Эвека?

Она кивнула.

– Он здесь?

Она покачала головой:

– Я не знаю, где он.

Томас решил, что его враг в крепости. Наверное, пытается вытащить стрелу из ноги.

– Ты не видела здесь копьё? – спросил Томас. – Большого черного копьё с серебряным наконечником?

Девушка энергично покрутила головой. Томас нахмурился. Он заметил, что девушка дрожит. Она проявила храбрость, но, возможно, от крови, сочащейся из шеи убитого, ей было не по себе. Он также увидел, что девушка хороша собой, несмотря на синяки на лице и грязь в спутанных белокурых волосах. У нее было немного вытянутое лицо, которому большие глаза придавали серьезный вид.

– У тебя есть семья?

– Моя мать умерла. У меня нет никого, кроме мессира Гийома.

– И он бросил тебя здесь? – с презрением спросил Томас.

– Нет! – запротестовала она. – Он думал, что в городе мы в безопасности, но потом, когда пришло ваше войско, мужчины решили защищать остров. И ушли из города! Потому что все хорошие дома здесь.

В ее голосе слышалось негодование.

– И что же ты делала для мессира Гийома? – спросил Томас.

– Убирала, а еще доила коров на той стороне реки.

Девушка вздрогнула, услышав злобные крики англичан на площади.

Томас улыбнулся:

– Все в порядке, никто тебя не тронет. Держись за лук. Если кто-то посмотрит на тебя, говори: «Я женщина лучника». – Он медленно повторил это и заставил девушку несколько раз проговорить фразу по-английски, пока не удовлетворился результатом. – Хорошо! – улыбнулся он ей. – Как тебя зовут?

– Элеонора.

Томас сомневался, стоит ли обыскивать дом, но все же обыскал. Копья святого Георгия нигде не было. Здесь не было ни мебели, ни гобеленов – ничего ценного, разве что вертела, горшки и тарелки на кухне. «Все ценное, – сказала Элеонора, – еще неделю назад отправили в крепость». Томас посмотрел на разбитую посуду на выложенном плиткой полу кухни.

– Как долго ты у него работала?

– всю жизнь, – ответила Элеонора и смущенно добавила: – Мне пятнадцать лет.

– И ты никогда не видела огромного копья, которое он привез из Англии?

– Нет, – ответила она, широко раскрыв глаза.

Что-то в выражении ее лица заставило Томаса заподозрить ложь. Однако он не стал выпытывать, а решил спросить позже, когда она научится доверять ему.

– Тебе лучше остаться со мной, – сказал он Элеоноре. – Тогда тебя никто не тронет. Я возьму тебя в лагерь, а когда наше войско пойдет дальше, ты вернешься сюда.

На самом деле он хотел сказать, что она может остаться с ним и стать настоящей женщиной лучника, но это, как и копье, могло подождать денек-другой.

Девушка кивнула, безропотно принимая такую судьбу. Наверное, она молилась, чтобы избежать охватившего Кан насилия, и Томас явился ответом на ее молитву. Он дал ей свой мешок со стрелами, чтобы она больше походила на женщину лучника.

– Нам придется пройти через город, – сказал Томас Элеоноре, ведя ее вниз по лестнице, – так что не отходи от меня.

Они спустились с крыльца дома. На маленькой площади собрались конные латники с гербом, изображавшим медведя и зубчатый жезл. Их послал граф Уорвикский, чтобы остановить резню и разбой. Они сурово посмотрели на Томаса. Он поднял руки, показывая, что ничего не несет, и стал проталкиваться меж коней. Но, пройдя с дюжину шагов, понял, что Элеоноры рядом нет. Ее напугали всадники в грязных кольчугах, их мрачные лица, обрамленные сталью, и она замешкалась у двери дома.

Томас открыл рот, чтобы позвать Элеонору, но тут какой-то всадник пришпорил коня, направляясь к нему. Томас поднял глаза, и в этот момент меч плашмя ударил его, и он с окровавленным ухом ничком упал на мостовую. Фальшион вывалился у него из рук. Конь наступил ему на голову, и перед глазами у Томаса вспыхнули молнии.

Всадник слез с коня и закованной в железо ногой надавил Томасу на лоб. Томас ощутил боль, услышал протесты других латников, а потом, получив пинок, уже ничего не чувствовал. Но за несколько мгновений до того, как потерять сознание, он узнал своего обидчика.

Сэр Саймон Джекилл, несмотря на соглашение с графом, жаждал отмщения.

* * *

Похоже, Томасу повезло. Возможно, его святой-хранитель, собака или человек, присматривал за ним. Останься он в сознании, ему бы пришлось пройти через пытки. Хотя сэр Саймон накануне и поставил свою подпись под соглашением с графом, при виде Томаса это выветрилось из его головы. Ему вспомнилось унижение, когда он, голый, спасался в лесу, припомнилась боль от попавшей в ногу стрелы из арбалета. Хромота все еще не прошла, а память не вызывала ничего, кроме страстного желания подвергнуть Томаса долгим, медленным пыткам, чтобы насладиться его воплями. Но Томас не чувствовал, как двое латников поволокли его к дубу. Поначалу люди графа Уорвикского пытались защитить лучника от сэра Саймона. Но рыцарь заверил их, что это дезертир, вор и убийца. И они решили его повесить.

Сэр Саймон не возражал. Если эти люди повесят Томаса как дезертира, никто не обвинит сэра Саймона в казни лучника. Он сдержит свое слово, и графу Нортгемптонскому придется лишиться своей доли денег за корабли. Томас будет мертв, а сэр Саймон станет богаче и счастливее.

Услышав, что Томас – убийца и вор, латники охотно взялись за дело. У них был приказ повесить внушительное число мародеров, воров и насильников, чтобы охладить задор войска, но в этой части острова, самой удаленной от города, не наблюдалось таких зверств, как в северной половине, и у графских солдат не было возможности найти применение выданным графом веревкам. Наконец-то им досталась жертва. Один из них перекинул веревку через ветку дуба.

Томас ничего не ощущал. Он не чувствовал, как сэр Саймон обыскал его и срезал спрятанный на теле кошелек. Он не сознавал, что ему на шею надели петлю. Но потом смутно ощутил запах конской мочи, почувствовал, как что-то сдавило горло, и к нему вернулось зрение, хотя все виделось в красном тумане. Он ощутил, как взлетает в воздух, и попытался вскрикнуть от давящей боли в горле, но не мог ни пикнуть, ни вдохнуть. Он лишь чувствовал жжение и удушье, а задымленный воздух обдирает глотку. Ему хотелось кричать от страха, но легкие ничего не могли выдавить и лишь доставляли мучение. В миг просветления он понял, что болтается на веревке, дергаясь и крутясь. Он вцепился скрюченными пальцами в удушающую петлю, но ослабить ее не мог. Томас обмочился от ужаса.

– Трусливый ублюдок, – усмехнулся сэр Саймон и ударил Томаса мечом, но клинок лишь слегка оцарапал поясницу лучника и раскачал его тело на веревке.

– Оставьте его, – сказал один из латников, – он покойник.

Они понаблюдали за ним, пока движения Томаса не стали судорожными, а потом сели на коней и ускакали. Группа стрелков у одного из домов на площади также наблюдала за этой сценой, и их присутствие встревожило сэра Саймона, опасавшегося, что среди них могут оказаться друзья Томаса. Когда латники графа покинули площадь, он последовал за ними. Его люди промышляли близ церкви Святого Михаила. Сам сэр Саймон приехал на площадь лишь потому, что увидел высокий каменный дом и решил, что там можно пожить. Но вместо этого он нашел Томаса, и теперь враг был повешен. Это была не та месть, о которой мечтал сэр Саймон, но все равно она была приятной. Это было расплатой.

А Томас уже ничего не чувствовал. Вокруг была темнота и никакой боли. Он плясал на веревке, отправляясь в ад, его голова свесилась на сторону, тело слегка раскачивалось, руки скрючились, ноги дергались, и с них капало.

Войско оставалось в Кане пять дней. В плен попали триста высокопоставленных французов, способных выплатить выкуп. Их отконвоировали на север, чтобы на кораблях отправить в Англию. Раненых англичан и валлийцев сложили на галереях в женском монастыре. Их раны так смердели, что принц со своим окружением переехал в мужской монастырь, где расположился сам король. Тела зарезанных горожан убрали с улиц. Священник королевской семьи хотел достойно похоронить их, как подобает христианам. Но когда во дворе церкви Святого Иоанна вырыли братскую могилу, туда поместилось лишь пятьсот трупов, а чтобы похоронить остальных, не хватило ни времени, ни лопат. Так что четыре с половиной тысячи трупов свалили в реку. Когда безумие разгула закончилось, оставшиеся в живых горожане повылезали из своих тайных укрытий и бродили по берегу, выискивая среди оставленных отливом трупов тела родных. Их поиски беспокоили бездомных псов и крикливые стаи ворон и чаек, которые отъелись на этом пиршестве.

Крепость по-прежнему оставалась в руках французов. Ее стены были высоки и прочны, и никакие лестницы не могли достать до верха. Король послал герольда, требуя сдачи гарнизона, но французские командиры с большой вежливостью отклонили предложение и посоветовали англичанам потрудиться. Они были уверены, что ни баллисты, ни катапульты не смогут метнуть камни так высоко, чтобы преодолеть стену или проделать брешь. Король счел, что они правы, и вместо этого приказал своим пушкарям разбить ворота крепости. По старому городу на телегах провезли пять самых больших пушек. Три из них представляли собой длинные кованые трубы из листового железа, укрепленные стальными обручами. Две были отлиты

из меди колокольными мастерами и напоминали раздутые горшки с овальным пузом, узким горлом и разинутым ртом. Все имели примерно пять футов в длину. Чтобы выгрузить их с телеги на деревянные постаменты, потребовались лебедки.

Опоры были установлены на доски. Землю под ними выкопали так, чтобы жерла смотрели вверх, на ворота крепости. Король приказал вышибить ворота, через которые намеревался послать на штурм стрелков и латников. Пушкарки, в большинстве своем фламандцы и итальянцы, славившиеся своим искусством в этом деле, возились с порохом. Его делали из селитры, серы и древесного угля. Селитра была тяжелее прочих ингредиентов и всегда оседала на дно бочек, а уголь поднимался наверх, поэтому пушкарям пришлось тщательно перемешать смертоносный порошок перед погружением его в брюхо горшков. Прежде чем вложить грубо высеченные каменные ядра, они засыпали в узкую часть горловины каждой литой пушки лопату замешанной с водой глины. Глина была нужна, чтобы запечатать пространство взрыва и чтобы огонь не просочился наружу до того, как загорится весь порох. Еще немного глины забили поверх каменных ядер, чтобы заполнить пространство между ядром и стволом, а потом пушкарям пришлось подождать, пока глина затвердеет и надежно запечатает заряд.

Другие три пушки заряжались быстрее. Каждую железную трубу привязали к массивному деревянному ложу длиной с саму пушку, потом повернули под нужным углом, уперев задник пушки в упор из твердого дуба. Этот задник длиной в четверть всей пушки отделили от ствола, сняли с ложа и поставили торчком на землю, чтобы засыпать драгоценный черный порох. Когда все три задника наполнили, их запечатали ивовыми затычками, чтобы сдержать взрыв, и поставили обратно на ложа. Три железных ствола были уже заряжены: два – каменными ядрами, а третий – длинным, в ярд длиной, гарро (огромной железной стрелой).

Три задние части надлежало плотно присоединить к стволам, чтобы сила не вырвалась через соединение между двумя частями. Между задником и дубовой оконечностью ложа пушкари забивали деревянные клинья. Каждый удар кувалды делал соединение все плотнее и плотнее, до полной непроницаемости. Другие пушкари засыпали порох в запасные задники, предназначенные для следующих выстрелов. Все это заняло время. Потребовалось больше часа, чтобы глина в двух пузатых пушках хорошо засохла. Работа привлекла множество зевак, благо разумно стоявших в отдалении. Они опасались осколков, которые могли полететь от любой из этих странных машин. Французы, снedaемые неменьшим любопытством, наблюдали за пушкарями с укреплений крепости. Время от времени кто-нибудь из защитников стрелял из арбалета, но дистанция была слишком большой. Одна стрела воткнулась в землю в дюжине ярдов от пушек, но остальные стрелы не покрыли и этого расстояния, и каждый такой выстрел вызывал улюлюканье смотревших лучников. В конце концов французы бросили эту затею и стали просто наблюдать.

Три трубчатые пушки могли выстрелить раньше, они не требовали засыхания глины, но король хотел, чтобы все сработало одновременно. Он представлял себе, как могучим залпом пять ядер разнесут вдребезги ворота крепости и пушки расширят открывшуюся арку. Старший пушкарь, высокий мрачный итальянец, объявил наконец, что орудия готовы и пора принести фитили. Это были набитые порохом короткие соломинки с запечатанными глиной концами. Их сунули в узкие затравочные отверстия. Старший пушкарь выковырял глину из верхнего конца соломы и перекрестился. Священник уже благословил пушки, окропив их святой водой, и теперь старший пушкарь преклонил колени и посмотрел на короля, сидевшего на высоком сером жеребце.

Король, золотобородый и голубоглазый, взглянул на крепость. На стене вывесили новый флаг с изображением Божьей десницы, благословляющей королевскую лилию. «Пора, – подумал Эдуард, – пора показать этим французам, на чьей стороне Господь».

– Можете стрелять, – торжественно проговорил он.

Пятеро пушкарей, вооружившись пальниками – длинными прутами с тлеющим льном на конце, – встали рядом с пушками и по сигналу итальянца прикоснулись ими к фитилям. Послышалось короткое шипение, из затравочных отверстий вырвался дым, и пять жерл скрылись в сероватом дыму. Из них вырвались пять чудовищных столбов пламени, а сами пушки, надежно прикрепленные к ложам, ударили по деревянным упорам, которые с глухим стуком ткнулись в кучи земли, предусмотрительно насыпанные позади каждой пушки. Звук выстрелов был громче самого громкого грома, он почти оглушил всех и эхом отразился от стен крепости. Когда гром затих, дым рваным занавесом повис перед пушками, которые слегка покосились на своих ложах и дымили жерлами.

Шум вспугнул тысячи птиц, гнездившихся на крышах старого города и высоких башнях крепости, но ворота не пострадали. Каменные ядра разбились о стены, а гарро лишь проделало борозду в подходящей к воротам дороге. Французы, при звуке залпа нырнувшие в укрытия, стояли на стенах и смеялись, а пушкари стоически начали выравнивать свои орудия.

Когда дым рассеялся, тридцатичетырехлетний король, совсем не такой самоуверенный, как предполагала его осанка, нахмурился.

– Вы насыпали достаточно пороху? – спросил он старшего пушкаря.

Священник перевел вопрос итальянцу.

– Еще немного пороху, сир, и пушки разлетятся, – с сожалением ответил тот.

Люди всегда ожидали от его орудий чуда, и он устал объяснять, что даже пушечному пороху для выполнения своей работы нужно время и терпение.

– Вам виднее, – неуверенно сказал король. – Несомненно, вам виднее.

Эдуард скрывал свое разочарование – он-то надеялся, что от удара ядер вся крепость рассыплется, как стеклянная. Окружавшие его придворные, в основном люди постарше, смотрели презрительно. Они питали мало доверия к пушкам и еще меньше – к итальянским пушкарям.

– Что это за женщина с моим сыном? – спросил король одного из приближенных.

– Графиня Арморика, сир. Она бежала из Бретани.

Король содрогнулся – не из-за Жанетты, а от едкого порохового дыма.

– Он быстро растет, – с долей ревности проговорил Эдуард.

Сам он спал с крестьянской девкой, миловидной и знавшей свое дело, но по красоте она не шла в сравнение с графиней, сопровождавшей сына.

Жанетта, не зная, что за ней наблюдает король, смотрела на крепость, выискивая хоть какие-то следы разрушения.

– Что это дало? – спросила она принца.

– Нужно время, – ответил тот, скрывая свое удивление, что ворота крепости не разлетелись в щепки как по волшебству. – Говорят, в будущем мы будем воевать одними пушками. Лично я не могу себе этого представить.

– Они забавные, – сказала Жанетта, глядя, как один из пушкарей принес к ближайшей пушке ведро плотной глины.

Трава перед пушками там и сям горела, и воздух наполнился вонью тухлых яиц, еще более отвратительной, чем смрад трупов с реки.

– Вас это забавляет, моя милая, но я рад, что у нас есть такие машины, – сказал принц и нахмурился, увидев, что его лучники смеются над пушкарями. – А что случилось с человеком, который привел вас в Нормандию? – спросил он. – Я должен отблагодарить его за службу вам.

Жанетта испугалась, почувствовав, что краснеет, но приняла беспечный вид:

– Я не видела его с тех пор, как мы пришли сюда.

Принц повернулся в седле.

– Богун! – позвал он графа Нортгемптонского. – Разве личный стрелок моей дамы не поступил в ваш отряд?

– Поступил, ваше высочество.

– И где же он?

Граф пожал плечами:

– Пропал. Наверное, погиб при переходе реки.

– Бедный парень, – сказал принц. – Бедняга!

И Жанетта, к своему удивлению, ощутила прилив жалости. А потом подумала, что так оно, может быть, и лучше. Она вдова графа, а теперь любовница принца, и Томас, если он на дне реки, никогда не расскажет всей правды.

– Бедняжка, – беспечно проговорила она, – он так галантно держался со мной.

Жанетта отвела глаза от принца, чтобы он не увидел ее зардевшегося лица. Каково же было ее изумление, когда она увидела сэра Саймона Джекилла, который с другими рыцарями пришел поглазеть на пушки. Сэр Саймон смеялся, его явно позабавило, что столько шуму и дыму дало столь мало эффекта. Не веря своим глазам, Жанетта уставилась на него. Она побледнела. Вид сэра Саймона вызвал воспоминания о самых худших днях в Ла-Рош-Дерьене – днях страха, бедности, унижения и незнания, у кого искать защиты.

– Боюсь, мы так и не наградили этого парня, – сказал принц, все еще думая о Томасе, но тут заметил, что Жанетта его не слушает. – Что, моя милая? – спросил он.

Но она все так же смотрела мимо.

Принц повторил громче и коснулся ее локтя.

Сэр Саймон заметил женщину рядом с принцем, но сначала не узнал Жанетту. Он увидел лишь стройную даму в бледно-золотистом платье, сидевшую в дамском седле на дорогом иноходце, украшенном бело-зелеными лентами. На женщине была высокая шляпа с колышущейся на ветру вуалью. Вуаль скрывала ее профиль, но, когда дама посмотрела прямо на него и даже указала рукой, сэр Саймон, к своему ужасу, узнал графиню. Он также узнал флаг молодого человека рядом с ней, хотя сначала не поверил, что она рядом с принцем. Потом он увидел угрюмых людей в кольчугах позади белокурого юноши и испытал желание дать деру, но вместо этого малодушно упал на колени. Когда принц, Жанетта и прочие всадники приблизились к нему, он лежал ничком на земле. Его сердце неистово колотилось, а ум был охвачен паникой.

– Твое имя! – коротко потребовал ответа принц.

Сэр Саймон открыл рот, но не смог издать ни звука.

– Его зовут сэр Саймон Джекилл, – злорадно подсказала Жанетта. – Он пытался меня раздеть, ваше высочество, и, не подоспей помощь, изнасиловал бы. Он похитил мои деньги, доспехи моего мужа, моих лошадей, мои корабли и лишил бы меня чести с такой же нежностью, с какой волк режет ягнят.

– Это правда? – спросил принц.

Сэр Саймон так и не обрел дара речи, но тут вмешался граф Нортгемптонский:

– Корабли, доспехи и лошади, ваше высочество, были военной добычей. Это я отдал их ему.

– А остальное, Богун?

– Остальное, ваше высочество? – Граф пожал плечами. – Остальное сэр Саймон должен объяснить сам.

– Но он, кажется, онемел. Ты проглотил язык, Джекилл?

Приподняв голову, сэр Саймон встретил взгляд Жанетты и увидел в нем столько торжества, что снова уткнулся в землю. Он понимал, что должен что-то сказать, хоть что-нибудь, но его язык словно распух, и из страха выдавить что-то бессвязное сэр Саймон молчал.

– Ты пытался посягнуть на честь дамы, – обвинил его принц.

Эдуард Вудстокский имел высокие представления о рыцарстве, так как его воспитатели читали ему кое-что из романов. Он понимал, что война не так честна, как любят преподносить ее рукописи и летописи, но верил, что люди высокого ранга должны проявлять благородство, что бы ни вытворяла чернь. К тому же принц был влюблен – еще один идеал, вызванный рома-

нами. Жанетта увлекла его, и он был полон решимости отстоять ее честь. Принц снова заговорил, но его слова перекрыл звук пушечного выстрела. Все обернулись к крепости. Каменное ядро разлетелось, ударившись о башню над воротами, и не причинило никакого вреда.

– Ты готов сразиться со мной за честь дамы? – спросил принц сэра Саймона.

Сэр Саймон с радостью сразился бы с принцем, будь он уверен, что победа не повлечет за собой наказания. Он знал о боевой репутации этого юноши, однако принц еще не совсем возмужал и силой и опытом не мог сравниться с победителем турниров. Тем не менее только полный болван мог сражаться с принцем и рассчитывать на победу. Король, правда, участвовал в турнирах, но переодевался в простые доспехи, без плаща, чтобы соперники не знали, с кем сражаются. Но если бы сэру Саймону пришлось сражаться с принцем, он бы не посмел пустить в ход всю свою силу, поскольку всякая нанесенная королевскому сыну рана была бы тысячекратно отплачена его окружением. И в самом деле, пока сэр Саймон колебался, мрачные рыцари за спиной принца подогнали своих коней, словно предлагая в соперники себя. Ошеломленный сэр Саймон покачал головой.

– Если ты не согласен сражаться, – заявил принц высоким чистым голосом, – мы вынуждены признать тебя виновным и потребовать возмещения. Ты должен вернуть леди доспехи и меч.

– Доспехи были взяты честно, ваше высочество, – заметил граф Нортгемптонский.

– Никакой мужчина не может честно отнять доспехи у женщины, – оборвал его принц. –

Где эти доспехи, Джекилл?

– Утрачены, ваше высочество, – выдавил из себя сэр Саймон.

Он хотел рассказать принцу, как Жанетта устроила ему засаду, но рассказ свидетельствовал бы о его унижении, и ему хватило здравого смысла промолчать.

– В таком случае хватит кольчуги, – заявил принц. – Снимай. И отдай свой меч.

Сэр Саймон разинул рот, но увидел, что принц говорит серьезно. Он расстегнул перевязь и уронил ее на землю, потом стянул через голову кольчугу и остался в одной рубахе и штанах.

– А что в кошельке? – спросил принц, указывая на тяжелый кожаный мешок на шее у рыцаря.

Тот пытался придумать ответ, но ничего не приходило в голову, кроме правды о деньгах, взятых у Томаса.

– Там деньги, ваше высочество.

– Так отдай их ее светлости.

Сэр Саймон снял через голову мешок и протянул Жанетте, которая сладко улыбнулась и сказала:

– Благодарю вас, сэр Саймон.

– Твой конь тоже идет в счет расплаты, – заявил принц, – и к полудню ты покинешь наш лагерь, так как мы не желаем видеть тебя среди наших людей. Можешь отправляться домой, Джекилл, но в Англии тебя ждет наша немилость.

Сэр Саймон впервые посмотрел принцу прямо в глаза. «Жалкий щенок, – подумал он, – на твоих губах еще молоко не обсохло, да ты, верно, еще и не брился ни разу», – но потом содрогнулся, увидев холод в глазах принца, и поклонился, поняв, что его изгоняют. Это было несправедливо, но ему ничего не оставалось, разве что обратиться к королю. Однако король ничем не был ему обязан, и ни один видный человек в королевстве не мог замолвить за него слово. Он оказался изгоем. Он мог отправиться в Англию, но и там все скоро узнают, что он попал в королевскую опалу, и его жизнь превратится в бесконечные муки. Сэр Саймон поклонился, повернулся и пошел прочь в своей грязной рубахе. Все молча расступались перед ним.

А пушки все стреляли. В тот день они выстрелили по четыре раза, а на следующий – восемь. К концу двухдневного обстрела в воротах крепости появилась щель, в которую мог

бы протиснуться разве что отошавший воробей. Выстрелы лишь оглушали пушкарей и разбивали каменные ядра о крепостные стены. Никто из французов не был убит, в то время как у англичан погибли пушкарь и лучник, когда одна из пушек, взорвавшись, разлетелась на мириады раскаленных докрасна металлических осколков. Король, поняв смехотворную тщетность своей попытки, приказал убрать пушки и снять осаду крепости.

На следующий день все войско покинуло Кан. Оно пошло на восток, на Париж, а вслед потащились повозки и люди, гоня с собой скот. Еще долго небо на востоке казалось белым от поднятой ими пыли. Но в конце концов пыль осела, и город, разграбленный и разоренный, остался в покое. Те, кому удалось бежать с острова, вернулись в свои дома. Треснувшие ворота крепости распахнулись, и гарнизон вышел посмотреть, что осталось от Кана. Целую неделю священники носили по грязным улицам образ святого Иоанна и окропляли перекрестки святой водой, чтобы избавиться от оставшегося духа врагов. Они отслужили несколько месс за души погибших и страстно молились, чтобы презренные англичане встретились с королем Франции и чтобы причиненные врагами несчастья пали на них самих.

Но, по крайней мере, англичане ушли, и в разоренном, разрушенном городе снова начала шевелиться жизнь.

Сначала появился свет. Мутный, грязный свет, в котором Томасу показалось широкое окно, но окно заслонила какая-то тень, и свет исчез. Послышались голоса и смолкли. «Он покоит меня на злчных пажитях», – прозвучало в голове. Псалом, тот самый псалом, который процитировал, умирая, отец. «Чаша моя преисполнена»⁵. Только Томас не пил. Он тяжело вздохнул, и было такое ощущение, что грудь задавлена камнями. Потом опустилась благословенная темнота, и он опять впал в забытье.

Снова появился свет. Свет колыхался. Виднелась какая-то тень, она двинулась к нему и приложила ко лбу холодную ладонь.

– Похоже, ты выживешь, – с удивлением проговорил мужской голос.

Томас попытался что-то сказать, но смог издать лишь сдавленный хрип.

– Удивительно, – продолжал голос, – сколько могут вынести молодые. И дети. Это чудо, как сильна жизнь. И как жаль, что мы растрчиваем ее впустую.

– Жизни хватит на все, – заметил другой.

– Глас гордыни, – ответил первый, не отрывая ладони ото лба Томаса. – Ты отбираешь жизнь, так люби же ее, как вор любит свои жертвы.

– А ты жертва?

– Конечно. Я образованная жертва, мудрая жертва, даже ценная жертва, но все же жертва. А этот молодой парень, кто он?

– Английский лучник, – мрачно проговорил второй, – и, если в нас есть хоть капля здравого смысла, мы сейчас же его убьем.

Чьи-то руки подняли Томаса в постели, и в рот ему влили ложку теплого супа. Но он не смог его проглотить и выплюнул на одеяла. Его пронзило болью, и свет в глазах снова померк.

Потом свет появился в третий раз, а может быть, в четвертый – он не помнил. Возможно, ему приснилось, но на этот раз на фоне окна стоял какой-то старик. На нем был длинный черный плащ. Но это был не священник или монах, поскольку плащ не был перетянут на поясе, а длинные седые волосы старика прикрывала маленькая плотная черная шапочка.

– Боже, – попытался выговорить Томас, но получилось лишь гортанное бульканье.

Старик обернулся. У него была длинная раздвоенная борода, а в руке он держал бутылку с узким горлом и круглыми боками. Сквозь стекло просвечивала светло-желтая жидкость, которую человек поднес к окну. Он рассмотрел ее, а потом взболтал и понюхал через горлышко.

⁵ Псалтирь, 22: 2–5.

– Ты очнулся?

– Да.

– И можешь говорить! Ну и врач же я! Меня самого удивляет мое искусство. Эх, если бы оно убедило моих пациентов платить мне! Но похоже, я должен быть благодарен и за то, что они не плюют в меня. По-твоему, эта моча чиста?

Томас кивнул и тут же пожалел об этом, поскольку от шеи до спины его пронзила боль.

– Ты не считаешь, что она густая? Или темная? Нет, действительно нет. И на запах и вкус она тоже здорова. Добрая фляжка чистой желтой мочи – лучший признак хорошего здоровья. Увы, эта моча не твоя. – Врач открыл окно и вылил ее. – Глотай слюну, – проинструктировал он Томаса.

У Томаса пересохло во рту, но он послушно попытался глотнуть, и тут же у него захватило дыхание от боли.

– Думаю, – сказал врач, – нам нужно начать с жидкой кашицы. Очень жидкой, с постным, а еще лучше, полагаю, со сливочным маслом. Эта штука, повязанная тебе на горло, – тряпица, смоченная святой водой. Это не моих рук дело, но я не возражал. Вы, христиане, верите в магию, и я должен снисходительно относиться к вашим верованиям. Это что у тебя на шее, собачья лапа? Не отвечай, я вовсе не хочу этого знать. Однако когда поправишься, надеюсь, ты поймешь, что тебя исцелили не собачьи лапы и не мокрые тряпицы, а мое искусство. Я отворил тебе кровь, сделал припарки из навоза, мха и гвоздики и заставил тебя пропотеть. Впрочем, Элеонора утверждает, что тебя оживили ее молитвы и этот жалкий обрывок мокрой тряпицы.

– Элеонора?

– Это она перерезала веревку, милый мальчик. Ты был наполовину мертв. Но к тому времени, когда пришел я, ты был уже скорее мертв, чем жив. Я посоветовал ей дать тебе покойно умереть. Я сказал, что ты на полпути к тому, что вы называете адом, а я слишком стар и утомлен, чтобы вступать в схватку с дьяволом. Но Элеонора настояла, а мне всегда было трудно сопротивляться ее мольбам. Полагаю, кашлица с прогорклым маслом. Ты слаб, милый мальчик, очень слаб. У тебя есть имя?

– Томас.

– А меня зовут Мордехай, хотя ты можешь звать меня доктором. Но ты, конечно, не будешь. Ты будешь называть меня проклятым жидом, убийцей Христа, тайным почитателем свиней и похитителем христианских младенцев, – весело проговорил старик. – Какой абсурд! Кому нужно похищать младенцев, христианских или каких-либо еще? Это же гнусные существа. Единственное положительное свойство детей в том, что они вырастают, как мой сын, но тут же производят новых детей. Мы не усваиваем уроков жизни.

– Доктор, – прохрипел Томас.

– Что, Томас?

– Спасибо.

– Воспитанный англичанин! В мире не переводятся чудеса. Подожди здесь, Томас, и не дай дурным манерам умереть, пока я отлучусь. Я принесу каши.

– Доктор!

– Я еще здесь.

– Где я?

– Это дом моего друга, здесь довольно безопасно.

– Вашего друга?

– Сэра Гийома д'Эвека, рыцаря моря и суши и величайшего болвана из всех, кого я знаю, но доброго болвана. Он, по крайней мере, платит мне.

Томас закрыл глаза. Он не совсем понял, что сказал доктор, или, скорее, не поверил. Голова болела. Боль наполняла все тело от головы до пульсирующих болью пальцев ног. Он подумал о матери, потому что это успокаивало, потом вспомнил, как его волокли к дереву, и

содрогнулся. Ему хотелось снова заснуть, потому что во сне не было боли. Но доктор заставил его сесть и влил в рот жгучую кашу с постным маслом, и на этот раз Томасу удалось не выплюнуть ее. В каше, видимо, были грибы, или ее сварили на конопляных листьях, которые в Хуктоне называли ангельским салатом. После еды его посетили яркие сновидения, но боль притупилась. Когда Томас вновь очнулся, вокруг стояла тьма и никого рядом не было. Он сумел сесть и даже встать, но покачнувшись и снова упал на кровать.

На следующее утро, когда на ветвях дуба, где он чуть не расстался с жизнью, пели птицы, в комнату вошел высокий мужчина. Он опирался на костыли, и его левое бедро было перевязано. Человек повернулся к Томасу лицом, покрытым страшными шрамами. Клинок прошел от лба до подбородка, прорубив левый глаз. У мужчины были длинные золотистые волосы, густые и спутанные, и Томас догадался, что некогда этот человек был красив, но теперь напоминал существо из ночного кошмара.

– Мордехай сказал мне, что ты будешь жить, – прорычал пришедший.

– С Божьей помощью, – ответил Томас.

– Сомневаюсь, что Богу есть до тебя дело, – проворчал мужчина.

На вид ему было далеко за тридцать, у него были кривые ноги всадника и широкая грудь воина. Он проковылял к окну и сел на подоконник. Там, где клинок рассек подбородок, бороду тронула седина. Голос мужчины звучал необычно низко и хрипло.

– Но ты можешь выжить с помощью Мордехая. Во всей Нормандии ни один лекарь не общается с ним, и один Бог знает, как он умудряется лечить. Он уже неделю неодобрительно смотрит на мою мочу. Я сказал ему: я ранен в ногу, жидовский придурок, а не в мочевого пузырь, – но он велит мне заткнуться и выдавливать все новые капли мочи. Скоро возьмется и за тебя. – Мужчина, на котором была лишь длинная белая рубашка, задумчиво посмотрел на Томаса и грубо сказал: – Сдается мне, что ты тот самый забытый богом ублюдок, который и прострелил мне ногу. Помню, перед тем как получить стрелу в бедро, я увидел сукина сына с такими же длинными волосами, как у тебя.

– Вы мессир Гийом?

– Он самый.

– Я хотел убить вас.

– Так почему бы мне не убить тебя? – спросил мессир Гийом. – Ты лежишь на моей постели, жрешь мою кашу и дышишь моим воздухом. Английский ублюдок. И хуже того, ты – Вексий.

Томас с трудом повернул голову, посмотрел на грозного мессира Гийома и ничего не сказал. Его озадачили последние слова.

– Но я решил не убивать тебя, – сказал мессир Гийом, – ведь ты спас от поругания мою дочь.

– Вашу дочь?

– Элеонору, дурень. Она, конечно, незаконная дочь, ее мать служила у моего отца, но, кроме Элеоноры, у меня никого не осталось, и я привязан к ней. Она говорит, что ты был с ней добр, потому что она и перерезала веревку, на которой ты висел, и положила тебя в мою постель. Девочка всегда отличалась сентиментальностью. – Он нахмурился. – Но мне по-прежнему хочется перерезать твое поганое горло.

– Четыре года я мечтал перерезать ваше, – сказал Томас.

Единственный глаз мессира Гийома злобно уставился на него.

– Еще бы не мечтать! Ты же Вексий.

– Никогда не слышал о Вексиях. Мое имя – Томас из Хуктона.

Томас ожидал, что мессир Гийом наморщит лоб, пытаясь вспомнить Хуктон, но тот моментально откликнулся.

– Хуктон, – проговорил он. – Хуктон. Господи Иисусе, Хуктон! – Он несколько мгновений помолчал. – Конечно же ты чертов Вексий. У тебя на луке их герб.

– У меня на луке?

– Ты отдал его Элеоноре! И она его сохранила.

Томас закрыл глаза. Шея болела, и боль отдавалась в спине и голове.

– Думаю, это герб моего отца, – сказал он, – но он никогда не говорил о своем происхождении. Я знаю, что он ненавидел своего отца. Я тоже своего недолюбливал, но ваши люди его убили, и я поклялся отомстить.

Мессир Гийом отвел глаз от окна:

– Ты в самом деле никогда не слышал про Вексиев?

– Никогда.

– Значит, тебе повезло. – Он встал. – Это дьявольские отродья, и ты, подозреваю, один из их щенков. Я бы убил тебя, парень, и испытал бы угрызений совести не больше, чем раздавив паука. Но ты был добр к моей дочери, и я благодарен тебе за это.

Ковыляя, он ушел, оставив Томаса в полном замешательстве.

Томас потихоньку выздоравливал. В саду мессира Гийома, затененном от солнца двумя деревьями айвы, он в тревоге дожидался ежедневного вердикта доктора Мордехая о цвете, консистенции, вкусе и запахе своей мочи. Лекарь как будто не обращал внимания, что чудовищно распухшая шея Томаса приходит в норму и что пациент снова может глотать хлеб и мясо. Значение имела только моча. Доктор заявлял, что нет лучшего способа поставить диагноз.

– Моча выдает все. Если она пахнет кисло, или темная, или на вкус отдает уксусом, или мутная, значит пора принимать серьезные меры. Но чистая, светлая, сладко пахнущая моча вроде этой – самое худшее известие.

– Худшее? – обеспокоенно переспросил Томас.

– Она означает снижение оплаты врачу, милый мальчик.

Доктор пережил разграбление Кана, укрывшись в свинарнике поблизости.

– Англичане перерезали свиней, но упустили еврея. Однако они переломали все мои инструменты, разбросали все лекарства, перебили все склянки, кроме трех бутылей, и сожгли мой дом. Вот почему я вынужден жить здесь.

Он передернулся, как будто жизнь в доме мессира Гийома была невыносимой. Мордехай понюхал мочу Томаса, а потом, неуверенный в диагнозе, взял каплю на палец и, попробовав на вкус, проговорил:

– Прекрасно. К великому сожалению, прекрасно. – Он вылил содержимое бутылки на клумбу лаванды, где трудились пчелы. – Таким образом, я потерял все. И это после того, как наши власти заверили нас, что городу ничего не угрожает!

Сначала, рассказал Томасу Мордехай, командиры гарнизона решили защищать лишь окруженный стенами город и крепость. Но на стенах они нуждались в помощи горожан, а те настаивали на защите Иль-Сен-Жана, поскольку там находились все их богатства. Поэтому в последнюю минуту гарнизон потянулся через мост, что и привело к катастрофе.

– Болваны, – презрительно сказал Мордехай. – Доблестные болваны. Болваны!

Томас и Мордехай жили в доме мессира Гийома, а сам рыцарь отправился набирать новых солдат в свое поместье в Эвеке, находившееся милях в тридцати к югу от Кана.

– С раной в ноге или нет, он все равно будет сражаться дальше, – говорил Мордехай.

– А что он сделает со мной?

– Ничего, – уверенно ответил доктор. – Ты ему нравишься, несмотря на его угрозы. Ты спас Элеонору, ведь так? Он всегда любил ее. Жена не любила, а он любит.

– А что стало с его женой?

– Умерла, – ответил Мордехай. – Просто умерла.

Томас уже мог должным образом есть, и его силы быстро возвращались, так что он гулял с Элеонорой по Иль-Сен-Жану. Казалось, что по острову прокатилась чума. Более половины домов были пусты, и даже те, где кто-то жил, несли следы разорения. Отсутствовали ставни, двери были разбиты, а в лавках не торговали никакими товарами. Кое-кто из крестьян продавал с повозок бобы, горох и сыр, мальчишки предлагали только что выловленных в реке окуней, но голодные дни продолжались. Было беспокойно: выжившие боялись, что ненавистные англичане могут вернуться, и в городе все еще витал тошнотворный запах трупов из рек, на берегах которых жирели чайки, крысы и собаки.

Элеонора терпеть не могла гулять по городу, предпочитая выходить в южные предместья, в поля переспелой ржи, пшеницы и ячменя, к ручьям, где над водяными лилиями летали голубые стрекозы.

– Люблю время сбора урожая, – говорила она Томасу. – Мы обычно выходили на поля помогать крестьянам.

В этом году урожая не ожидалось. Некому было жать зерно, колосья опустошались овсянками, а за остатки дрались голуби.

– После сбора урожая обычно устраивали праздник, – задумчиво проговорила Элеонора.

– У нас тоже был праздник, – сказал Томас, – и мы обычно вешали в церкви зерновых кукол.

– Зерновых кукол?

Он сделал из соломы куколку.

– Мы вешали тринадцать над алтарем – одну для Христа и по одной для апостолов.

Он сорвал несколько васильков и протянул Элеоноре. Девушка вплела их в волосы. Волосы у нее были очень светлые, как залитое солнцем золото.

Они говорили без умолку, и однажды Томас снова спросил ее про копье; на этот раз Элеонора кивнула.

– Я соврала тебе, – сказала она, – потому что оно у него было, но его похитили.

– Кто похитил?

Она дотронулась до своего лица:

– Тот человек, который лишил его глаза.

– Вексий?

Девушка серьезно кивнула:

– Думаю, да. Но копье было не здесь, оно хранилось в Эвеке. Там его настоящий дом. Дом в Кане ему достался после женитьбы.

– Расскажи мне про Вексиев, – попросил Томас.

– Я ничего о них не знаю, – ответила Элеонора, и он ей поверил.

Они сидели у ручья, где плавала пара лебедей. В камышах охотилась на лягушек цапля. Томас как-то сказал, что уйдет из Кана искать английское войско, и его слова, похоже, запали Элеоноре в душу, поскольку она вдруг нахмурилась:

– Ты и правда уйдешь?

– Не знаю.

Ему хотелось вернуться в войско, ведь он принадлежал ему. Но он не знал ни как найти своих, ни как выжить в землях, где ненавидели англичан. К тому же ему хотелось остаться. Хотелось больше разузнать про Вексиев, а только мессир Гийом мог удовлетворить его любопытство. И день ото дня ему все больше хотелось быть рядом с Элеонорой. В ней была спокойная доброта, какой не обладала Жанетта, – доброта, заставлявшая относиться к ней с нежностью из страха, что девушку можно обидеть грубым словом или неловким прикосновением. Ему никогда не надоедало смотреть на ее бледное лицо с чуть впалыми щеками и большими глазами. Элеонора смущалась под пристальным взглядом Томаса, но не могла запретить ему рассматривать себя.

– Мессир Гийом, – сказала она, – утверждает, что я похожа на свою мать, но я плохо ее помню.

Мессир Гийом вернулся в Кан с дюжиной латников, нанятых в Северном Алансоне, и сказал, что поведет их на войну вместе с полудюжиной собственных солдат, уцелевших после падения Кана. Нога у него все еще болела, но он мог ходить без костылей и в день возвращения бесцеремонно велел Томасу отправляться вместе с ним в церковь Святого Иоанна. К ним присоединилась Элеонора, бросив работу на кухне, и мессир Гийом не остановил ее.

Люди кланялись, когда рыцарь проходил мимо, многие ждали от него подтверждений, что англичане действительно ушли.

– Они идут на Париж, – отвечал он. – Наш король поймает их там в ловушку и перебьет.

– Вы действительно так думаете? – спросил его Томас после одного из подобных заверений.

– Я молюсь об этом, – зло сказал мессир Гийом. – Ведь для этого короли и существуют, не так ли? Чтобы защищать свой народ. А видит бог, мы нуждаемся в защите. Мне говорили, что, если подняться на ту башню, – он кивнул в сторону церкви Святого Иоанна, куда они шли, – можно увидеть дым от сожженных вашим войском городов. Они проводят зачистку.

– Зачистку? – переспросила Элеонора.

Ее отец вздохнул:

– Зачистка, дитя мое, – это когда идешь по вражеской стране и сжигаешь, уничтожаешь и разрушаешь все на своем пути. Цель такого варварства – заставить противника выйти из крепостей и дать сражение, и я думаю, наш король клюнет на это.

– И английские лучники выкосят его войско, как траву, – сказал Томас.

Мессир Гийом бросил на него сердитый взгляд, но потом пожал плечами.

– Войско на марше устает. Кони начинают хромать, сапоги изнашиваются, стрелы заканчиваются. И ты еще не видел всей мощи Франции, мальчик. На каждого вашего рыцаря у нас шесть. Вы можете стрелять из луков, пока не сломаете их, но у нас все равно хватит солдат, чтобы перебить вас всех.

Он выудил из кошелька на поясе несколько монет и раздал нищим у церкви, стоявшей близ свежей братской могилы, где покоились пять сотен тел. Теперь над ней выросли одуванчики, но от могилы по-прежнему смердело. Когда англичане копали ее, то вблизи от поверхности наткнулись на источник, отчего яму вырыли неглубокую, и слой земли был слишком тонким, чтобы сдерживать смрад разложения.

Зажав рукой рот, Элеонора поспешила вверх по ступеням в церковь, где в свое время лучники торговали захваченными женами и дочерьми горожан. Священники трижды изгоняли из церкви нечистую силу молитвами и святой водой, но здесь все равно царил уныние: статуи были сломаны, окна разбиты. Мессир Гийом преклонил колена перед главным алтарем, потом провел Томаса и Элеонору в боковой неф, где роспись на беленой известью стене изображала спасение святого Иоанна из котла с кипящим маслом, приготовленного ему императором Домицианом. Святой был изображен бесплотным существом, наполовину дымом, наполовину человеком, плывущим по воздуху мимо пораженно смотрящих на него римских солдат.

Мессир Гийом подошел к боковому алтарю и встал на колени у огромной черной плиты. К своему удивлению, Томас заметил, что из единственного глаза француза текут слезы.

– Я привел тебя сюда, – сказал мессир Гийом, – чтобы поведать о твоей семье.

Томас не возражал. Он не знал, что принадлежит к Вексиям, но йейл на серебряном значке предполагал, что так оно и есть.

– Под этой плитой, – сказал мессир Гийом, – покоится моя жена и двое моих детей. Мальчик и девочка. Ему было шесть лет, ей – восемь, а их матери – двадцать пять. Здешний дом принадлежал ее отцу. Он отдал мне свою дочь в качестве выкупа за захваченный мною корабль. Это было пиратство, не война, но в результате я получил хорошую жену.

Слезы полились ручьем, и он закрыл глаз. Элеонора подошла к отцу и положила руку ему на плечо. Томас ждал.

Через какое-то время мессир Гийом спросил:

– Тебе известно, почему мы пришли в Хуктон?

– Мы думали, что прилив увлек вас от Пула.

– Нет, мы приплыли в Хуктон намеренно. Мне заплатили, чтобы я причалил там, – заплатил человек, называвший себя Арлекином.

– Похоже на эллекин, – сказал Томас.

– Это то же самое, только на итальянский манер. Дьявольская душа, насмехающаяся над Богом. Он даже был похож на тебя. – Мессир Гийом перекрестился и протянул руку, чтобы провести пальцем по краю плиты. – Мы отправились в Хуктон, чтобы забрать из церкви реликвию. Ты, конечно, уже понял это?

Томас кивнул:

– Я поклялся вернуть ее.

Ему показалось, что мессир Гийом усмехнулся.

– Я счел это чушью, но в те дни и сама жизнь казалась мне глупостью. С чего бы это жалкой церкви в ничтожной английской деревне хранить драгоценную реликвию? Но Арлекин настаивал, и когда мы захватили деревню, то действительно нашли там реликвию.

– Копье святого Георгия, – сказал Томас.

– Копье святого Георгия, – согласился мессир Гийом. – Я заключил с Арлекином договор. Он заплатил мне небольшую сумму, а остальные деньги отдал на хранение монаху здешнего монастыря. Этому святоше все доверяли, он был высокообразованный, истово верующий человек, о котором говорили, что он станет святым. Но когда мы вернулись, я узнал, что брат Мартин сбежал и прихватил с собой мои деньги. И я отказался отдать Арлекину копьё. «Принеси мне девятьсот ливров чистым серебром, – сказал я ему, – и копьё твое». Но он не заплатил. Поэтому я оставил копьё у себя и держал его в Эвеке. Проходили месяцы, об Арлекине я ничего не слышал и решил, что он забыл про копьё. Но через два года, весной, Арлекин вернулся. Он пришел с латниками и захватил мое поместье. Он перерезал всех – всех до единого – и забрал копьё.

Томас посмотрел на черную плиту:

– А как вы выжили?

– С трудом. – Мессир Гийом поднял свой черный камзол и показал страшный рубец на животе. – Они нанесли мне три раны – одну на голове, одну на животе и одну на ноге – и сказали, что на голове – за то, что я безмозглый дурак, на животе – за мою жадность, а на ноге – чтобы я ковлялся в ад. И оставили меня умирать у трупов моей жены и детей. Но благодаря Мордехаю я выжил.

Он встал и сморщился, опершись на левую ногу.

– Я выжил, – мрачно проговорил рыцарь, – и поклялся найти человека, сотворившего это, – он указал на плиту, – чтобы послать его гнусную душу в преисподнюю. Мне понадобился год, чтобы узнать, кто он такой. Знаешь, как я это узнал? Придя в Эвек, он велел своим солдатам прикрыть щиты черной материей, но я распорол ткань мечом и увидел йейла. Потом я стал расспрашивать людей об этом странном звере. Я спрашивал в Париже и Анжу, в Бургундии и Дофине и в конце концов нашел ответ. И знаешь где? После расспросов по всей Франции я нашел его здесь, в Кане. Один здешний человек знал этот герб. Арлекин – человек из рода Вексиев. Не знаю его подлинного имени, не знаю титула, а знаю только, что дьявол – это и есть Вексий.

– Значит, копьём владеют Вексии?

– Да. И человек, убивший мою семью, убил и твоего отца. – Мессир Гийом словно устыдился на короткое мгновение. – А я убил твою мать. Во всяком случае, думаю, что убил. Она

набросилась на меня, а я был зол. – Он вздохнул. – Но это не я убил твоего отца, а убив твою мать, я не совершил ничего такого, чего ты сам не делал в Бретани.

– Верно, – признал Томас. Он посмотрел в глаз мессира Гийома и не смог вызвать в душе ненависти к человеку, убившему его мать. – Значит, у нас один враг.

– И этот враг – дьявол, – сказал мессир Гийом.

Он мрачно перекрестился. А Томасу вдруг стало холодно. Он нашел своего врага, и враг этот был Люцифер.

В тот вечер Мордехай натер Томасу шею какой-то мазью.

– Шея, кажется, почти зажила, – сказал он, – и боль пройдет, хотя, возможно, иногда будет возвращаться, чтобы напоминать, как близко ты был к смерти. – Еврей вдохнул ароматы из сада. – Значит, мессир Гийом рассказал тебе про свою жену?

– Да.

– И ты оказался родственником человека, убившего ее?

– Не знаю, – ответил Томас. – Точно не знаю, но, судя по йейлу, это так.

– А мессир Гийом, вероятно, убил твою мать, а человек, убивший его жену, убил твоего отца, а сэр Саймон Джекилл пытался убить тебя. – Мордехай покачал головой. – Ежедневно проливаю слезы, сожалея, что не родился христианином. А то мог бы с оружием в руках присоединиться к этому веселому занятию. – Протянув Томасу бутылку, он велел: – Давай. А кстати, что такое йейл?

– Геральдический зверь, – объяснил тот.

Лекарь фыркнул:

– Господь в Его бесконечной мудрости, создав на пятый день рыб и китов, на шестой создал наземных животных. И, посмотрев на содеянное, Он увидел, что это хорошо. Но недостаточно хорошо для герольдов, которым пришлось к Его неудовлетворительной работе добавить крылья, рога, клыки и когти. – Мордехай усмехнулся. – Это все, на что ты способен? – через минуту спросил он, принимая от Томаса бутылку с мочой.

– В настоящий момент.

– Из грецкого ореха я и то выдавлю больше сока, – проворчал еврей и зашаркал прочь.

Элеонора, видимо, следила за ним, поскольку сразу появилась из-под грушевых деревьев, что росли в конце сада, и указала в сторону ворот на реку. Томас последовал за ней на берег Орна, где они полюбовались на разгоряченную троицу мальчишек, пытавшихся пронзить шуку английской стрелой, оставшейся после захвата города.

– Ты сможешь моему отцу? – спросила Элеонора.

– Помогу?

– Ты сказал, что его враг – и твой враг.

Томас опустил на траву, и девушка села рядом.

– Не знаю, – сказал он.

Ему так до конца и не верилось во все это. Он знал, что есть копье и есть тайна его семьи, но не хотел признать, что это копье и эта тайна направляют течение его жизни.

– Значит, ты вернешься в английское войско? – тихо спросила Элеонора.

– Я хочу остаться здесь, – помолчал, ответил Томас. – Чтобы быть с тобой.

Она, наверное, знала, что он ответит что-то в этом роде, и все же покраснела и уставилась на воду, где к роящимся мошкам всплывала рыба и плескались трое мальчишек.

– У тебя, наверное, есть женщина, – осторожно предположила Элеонора.

– Была, – ответил Томас и рассказал ей о Жанетте и о том, как она встретилась с принцем Уэльским, а его бросила, даже не оглянувшись. – Я никогда ее не понимал, – признался он.

– Но любил ее? – прямо спросила Элеонора.

– Нет.

– Ты говоришь так, потому что сейчас со мной, – вздохнула она.

Томас покачал головой:

– У моего отца была книга с высказываниями святого Августина, и одно всегда вызывало у меня недоумение. – Он наморщил лоб, вспоминая латынь. – «Я не люблю, но тоскую по любви».

Элеонора скептически взглянула на него:

– Очень замысловатый способ сказать о своем одиночестве.

– Да, – согласился Томас.

– Так как же ты поступишь?

Он на минуту задумался. Его мысли были о епитимье, наложенной на него отцом Хоббом.

– Пожалуй, когда-нибудь я должен найти человека, убившего моего отца, – наконец сказал Томас.

– А что, если это дьявол? – серьезно спросила она.

– Тогда мне нужно носить на себе чеснок, – беспечно ответил Томас. – И молиться святому Гинфорту.

Элеонора посмотрела на темнеющую воду:

– Святой Августин действительно это говорил?

– «Я не люблю, но тоскую по любви»? Да, говорил.

– Я понимаю его чувства, – сказала девушка и положила голову Томасу на плечо.

Он не двинулся. Перед ним был выбор: отправиться за копьем или взять свой черный лук и вернуться в английское войско. Он действительно не знал, что делать. Но теплое тело Элеоноры так доверчиво прижалось к нему, что на мгновение, всего на мгновение, он решил остаться.

* * *

На следующее утро мессир Гийом, уже во главе полудюжины латников, взял Томаса в Аббе-оз-Омм, мужской монастырь. У ворот стояла толпа просителей, дожидаясь еды и одежды, которой не хватало и самим монахам, хотя монастырь избежал страшного разграбления, поскольку при взятии города в нем располагались король и принц Уэльский. Монахи бежали при приближении английского войска. Некоторые погибли на Иль-Сен-Жане, но большинство отправилось на юг в братский монастырь, и среди них был брат Жермен. Когда пришел мессир Гийом, монах только что вернулся из кратковременного изгнания.

Брат Жермен был древним сгорбленным старичком, хрупким человечком с белыми волосами, близорукими глазами и изящными ручками, которыми он очинял гусиные перья.

– Англичане, – заявил он, – используют эти перья для своих стрел, а мы – для Божьего слова.

Брат Жермен, как сказали Томасу, более тридцати лет отвечал за перепись рукописей в монастырском скриптории.

– Когда переписываешь книги, – объяснил монах, – открываешь для себя новые знания, хочешь того или нет. Большинство из них, конечно, совершенно бесполезны. А как поживает Мордехай? Жив?

– Жив, – ответил мессир Гийом, – и посылает тебе вот это.

Он поставил на наклонную плоскость писчего стола запечатанный воском глиняный горшок. Горшок заскользил вниз, но брат Жермен поймал его и ловко засунул в мешок.

– Мазь для суставов брата Жермена, – объяснил Томасу рыцарь.

– Мои суставы стонут, – сказал монах, – и только Мордехай может унять боль. Жаль, что он будет гореть в адском огне, но на небесах, я уверен, мне не понадобятся притирания. А это кто? – Он уставился на Томаса.

– Друг, – сказал мессир Гийом, – который принес мне вот это.

Он взял с собой лук Томаса и теперь положил его на стол и постучал по серебряной пластинке. Брат Жермен нагнулся, чтобы рассмотреть герб, и Томас услышал его удивленный возглас.

– Йейл, – сказал монах. Он отодвинул лук и сдул со стола мусор от очиненных перьев. – Этого зверя придумали герольды в прошлом веке. Тогда, конечно, в мире существовала настоящая ученость. Не то что нынче. Из Парижа ко мне приходят молодые люди, у которых головы набиты шерстью, и это не мешает им притязать на докторскую степень.

Он взял с полки обрывок пергамента, положил на стол и обмакнул перо в горшок пунцовых чернил. Потом сделал на пергаменте блестящую кляксу и с обретенной за долгую жизнь ловкостью протянул от нее разные линии. Вряд ли он сам замечал, что делает, но, к своему изумлению, Томас увидел, как на пергаменте появляются очертания йейла.

– Говорят, это зверь мифический, – сказал брат Жермен, быстрыми штрихами набрасывая кляксы. – Возможно, так оно и есть. Большинство геральдических зверей, похоже, придуманы. Кто-нибудь видел единорога? – Он сделал еще одну кляксу, немного выждал и принялся за поднятые лапы зверя. – Однако есть мнение, что в Эфиопии действительно водится такой зверь. Не могу утверждать, поскольку сам не путешествовал дальше Руана и не встречал никого, кто бывал в Эфиопии, если она вообще существует. – Он нахмурился. – Однако Плиний упоминает о единороге, а значит, этот зверь был известен римлянам, хотя, видит бог, они были легковерным народом. Говорят, единорог обладает и рогами, и клыками, что кажется странным и избыточным, и обычно его описывают серебристым в желтую крапинку. Увы, наши краски украдены англичанами, но они оставили нам пунцовую, что довольно любезно с их стороны. Мне сказали, она получается из киновари. Это растение. Отец Жак, да упокоится его душа, всегда заявлял, что она растет в Святой земле, и, возможно, так оно и есть. Мне показалось, что вы хромаете, мессир Гийом?

– Какой-то английский гаденыш прострелил мне ногу, – ответил тот, – и ночами я молюсь, чтобы его душа вечно жарилась в аду.

– Вам следовало бы вознести хвалы Господу за его неточность. А зачем вы принесли мне английский лук, украшенный изображением йейла?

– Я подумал, вас это заинтересует. И, кроме того, мой молодой друг, – он коснулся плеча Томаса, – хочет узнать про Вексиев.

– Ему бы гораздо лучше забыть о них, – проворчал брат Жермен.

Он выпрямился на высоком стуле и обозрел помещение, где дюжина молодых монахов наводила порядок после пребывания в монастыре англичан. Некоторые болтали за работой, и это вызвало недовольство брата Жермена.

– Это вам не Канский рынок! – крикнул он. – Если хотите посплетничать, отправляйтесь в сортир. Жаль, что сам не могу. Вы не спросили бы Мордехая, нет ли у него средства для кишечника?

Старик сердито осмотрел зал, а потом попытался поднять прислоненный к столу лук. Мгновение он внимательно рассматривал йейла, затем поставил лук на место.

– Постоянно ходил слух, что одна ветвь семейства Вексиев переехала в Англию. И этот лук, похоже, подтверждает это.

– А кто они такие? – спросил Томас.

У брата Жермена прямой вопрос как будто вызвал раздражение, а возможно, ему было не по себе от самой темы разговора.

– Когда-то они владели Астараком, – ответил он, – графством, граничащим с Лангедоком и Аженуа. И одно это, конечно же, говорит вам все, что нужно о них знать.

– Это не говорит мне ничего, – признался Томас.

– Значит, вы получили ученую степень в Париже! – сострил старичок и захихикал. – Графы Астаракские, молодой человек, были катарами. Южную Францию заразила эта ересь, и Астарак был центром порока. – Измазанными в краске пальцами он перекрестился и процитировал: – «Тот не может иметь Бога своим отцом, кто не имеет Церковь матерью».

– Святой Киприан, – сказал Томас.

– А вы, оказывается, не из Парижа, – проговорил брат Жермен. – Катары отвергли Церковь, ища спасения в своей собственной темной душе. Что бы стало с Церковью, если бы все мы поступали так же, если бы следовали своим капризам? Если Бог в нас, значит нам не нужна никакая Церковь и Святой престол, чтобы обрести Его милость? Это учение – самая пагубная ересь, и к чему же она привела катаров? К разгульной жизни, к плотской похоти, гордыне и извращениям. Они отрицали Божественную сущность Христа!

Он снова перекрестился.

– Значит, Вексии были катарами, – напомнил старику мессир Гийом.

– Подозреваю, они были поклонниками дьявола, – возразил брат Жермен. – Но графы Астаракские определенно покровительствовали катарам, они и десятки других знатных господ. Их называли «темными владыками», и очень немногие из них были «совершенными». «Совершенные» были вождями еретиков, они воздерживались от вина, половых сношений и мяса, а из Вексией никто не мог отказать себе в этих трех удовольствиях. Но катары допустили таких грешников в свои ряды и пообещали им райское блаженство, если перед смертью они покаются. Темным владыкам понравились такие обещания, и, когда Церковь напала на ересь, они яростно сражались. – Он покачал головой. – Это было сто лет назад! Его святейшество и король Франции разбили катаров, и Астарак пал среди последних их оплотов. Была смертельная битва, погибло бесчисленное число бойцов, но ересиархи и темные господа были наконец уничтожены.

– Но некоторые спаслись, – мягко подсказал мессир Гийом.

Брат Жермен помолчал, глядя на высыхающие пунцовые чернила, после чего проговорил:

– Рассказывали, что несколько катарских предводителей действительно спаслись и сохранили свои богатства по всей Европе. Ходит даже слух, что и сама ересь еще живет, прячась в краях, где сходятся Бургундия и Италия. – Он сотворил крестное знамение. – Думаю, часть семейства Вексией отправилась в Англию и укрылась там, поскольку именно в Англии, мессир Гийом, вы нашли копье святого Георгия. Вексий... – задумчиво произнес он. – Это слово, несомненно, происходит от латинского vexillaire – «знаменосец», и говорят, что первые Вексии нашли это копье во времена Крестовых походов, а потом носили его как знамя. В стародавние дни оно, несомненно, было символом власти. А я... я скептически отношусь к таким реликвиям. Настоятель уверяет меня, что видел три крайние плоти младенца Иисуса, и даже я, считающий Его благословенным выше всякой меры, сомневаюсь, что Он был одарен настолько щедро. Но я задал настоятелю несколько вопросов об этом копье. С ним связана одна легенда. Говорят, что человека, идущего в битву с этим копьем, нельзя победить. Конечно, это всего лишь легенда, но вера в такие нелепицы воодушевляет невежд, а мало кто сыщется невежественнее солдат. Впрочем, больше всего меня беспокоит их цель.

– Чья цель? – спросил Томас.

– Рассказывают, – продолжил брат Жермен, пропустив вопрос мимо ушей, – что перед падением последней крепости еретиков оставшиеся в живых темные владыки дали клятву. Они понимали, что война проиграна, что их оплот неминуемо падет, а инквизиция и сила Божья уничтожат их, и потому поклялись вечно мстить своим врагам. Они поклялись, что когда-

нибудь уничтожат французский трон и святую Мать-Церковь и, чтобы сделать это, воспользуются могуществом святейших реликвий.

– Копьем святого Георгия? – спросил Томас.

– И им тоже, – кивнул брат Жермен.

– Также? – озадаченно повторил мессир Гийом.

Брат Жермен макнул перо в чернила, сделал на пергаменте еще одну блестящую кляксу и искусно закончил копию значка на луке Томаса.

– Йейла я видел и раньше, – сказал он, – но на принесенном вами значке он не совсем такой. Зверь держит чашу. Не простую чашу, мессир Гийом. Вы правы, лук заинтересовал меня, даже напугал, поскольку зверь держит чашу Грааля. В Генуэзском соборе есть кусок зеленого стекла, который якобы был чашей Грааля, но сомневаюсь, что наш любимый Господь пил из такой штуковины. Нет, настоящая чаша Грааля существует, и владеющий ею обладает могуществом, какого нет ни у кого на земле. – Он положил перо. – Боюсь, мессир Гийом, темные владыки хотят свершить месть. Они собирают силы. Но по-прежнему прячутся, а Церковь еще не замечает их. И не заметит, пока опасность не станет явной. Но тогда уже будет поздно. – Брат Жермен склонил голову, так что Томас видел лишь розовую лысину среди седых волос. – Все это предсказано, – сказал монах, – все это есть в книгах.

– В каких книгах? – спросил мессир Гийом.

Брат Жермен пробормотал что-то на латыни.

Мессир Гийом вопрошающе посмотрел на Томаса.

– И король с юга станет могучим, – неохотно перевел тот, – но один из его принцев будет сильнее его.

– Катары живут на юге, – сказал брат Жермен, – и пророк Даниил все это предвидел. – Он поднял перепачканные чернилами руки. – Грядет ужасное сражение, поскольку ставкой будет душа мира, и в ход пойдет любое оружие, даже женщины.

Он вновь забормотал на латыни.

– Дочь южного короля, – перевел Томас, – придет к королю северному и заключит с ним договор.

Брат Жермен уловил недовольство в его голосе.

– Вы не верите? – прошипел он. – А зачем, вы думаете, мы скрываем рукописи от невежд? Там содержатся всевозможные пророчества, молодой человек, и все они даны нам непосредственно Богом, но подобные знания темны для неучей. От слишком многих знаний люди сходят с ума. – Он перекрестился. – Благодарю Бога, что скоро умру и буду блаженствовать на небе, глядя, как вы бьетесь во тьме.

Томас стоял у окна и смотрел, как послушники разгружают два воза с зерном. Латники мессира Гийома на галерее играли в кости. «Вот это реальность, – подумал он, – а не какое-то бормотание пророков». Отец всегда предостерегал его насчет пророчеств. Они вредят разуму человека, говорил он. Не оттого ли и его ум сбился с пути?

– Копье, – сказал Томас, стараясь держаться фактов, а не фантазий, – было похищено из Англии семейством Вексиев. Мой отец был одним из них, но он отпал от семьи, украл у них копье и спрятал в церкви. Там его убили, и, умирая, он сказал мне, что это сделал сын его брата, мой двоюродный брат, называющий себя Арлекином. – Он повернулся к монаху. – Мой отец был Вексий, но он не был еретиком. Да, он был грешник, но боролся со своим грехом, он ненавидел своего отца и был верным сыном Церкви.

– Он был священником, – пояснил монаху мессир Гийом.

– И вы его сын? – неодобрительным тоном спросил брат Жермен.

Другие монахи бросили уборку и жадно слушали.

– Я сын священника, – сказал Томас, – и добрый христианин.

– И вот семейство разузнало, где спрятано копьё, – подхватил рассказ мессир Гийом, – и наняло меня, чтобы его вернуть. Но забыло мне заплатить.

Брат Жермен как будто не слышал. Он смотрел на Томаса.

– Вы англичанин?

– Это мой лук, – признался тот.

– Значит, вы Вексий?

Томас пожал плечами:

– Похоже что так.

– Значит, вы один из темных владык, – сказал брат Жермен.

Томас покачал головой и твердо проговорил:

– Я христианин.

– Значит, на вас лежит возложенная Богом обязанность, – с удивительной силой произнес маленький человечек, – закончить дело, недоделанное сто лет назад. Убей их всех! Убей их! И убей женщину! Ты слышишь меня, мальчик? Убей дочь южного короля, прежде чем она соблазнит Францию ересью и пороком.

– Если даже мы сможем разыскать Вексиев, – с сомнением проговорил мессир Гийом, и Томас отметил слово «мы», – они не покажут нам свой герб. И сомневаюсь, что они носят фамилию Вексий. Они скрываются.

– Но теперь у них есть копьё, – сказал брат Жермен, – и они воспользуются им для первого своего отмщения. Они уничтожат Францию и в последующем хаосе нападут на Церковь. – Он застонал словно от физической боли. – Вы должны отнять у них силу, а их сила – это чаша Грааля.

Значит, подумал Томас, нужно спасти не только копьё. К наказу отца Хобба добавился весь христианский мир. Он едва удержался от горького смеха. Учение катаров умерло сто лет назад, оно подверглось бичеванию, и его выпололи, как сорняки с поля! Темные владыки, дочери королей и принцы тьмы были измышлениями трубадуров, а не делом лучников. Но, взглянув на мессира Гийома, он увидел, что француз не смеется. Рыцарь смотрел на распятие на стене библиотеки и возносил молчаливую молитву. «Помоги мне, Боже, – подумал Томас, – помоги мне, Боже, но меня просят совершить то, что не удалось всем рыцарям Круглого стола короля Артура: найти святой Грааль».

Филипп Валуа, король Франции, приказал всем французам, способным носить оружие, собраться в Руане. Были направлены требования к вассалам и призывы к союзникам. Он ожидал, что стены Кана задержат англичан на несколько недель, но город пал через день, и спасшиеся от побоища в панике разбежались по Северной Франции, рассказывая ужасные истории про вырвавшихся на волю бесов.

Руан, раскинувшийся в широкой излучине Сены, заполонили солдаты. На галерах приплыли тысячи генуэзских арбалетчиков, они пристали к берегу, и их толпы забили местные таверны. Из Анжу и Пикардии, Алансона и Шампани, Мена, Турени и Берри прибывали рыцари и латники. Каждая кузница стала оружейной, каждый дом – казармой, а каждая таверна – борделем. Приходило все больше и больше народу. Вскоре город уже не мог вмещать воинов. Тогда на полях к югу от Руана появились шатры. Через мост с севера катили возы с сеном и только что убраным зерном. Англичане взяли Эврё, или это был Берне? В Лизье видели дым, а через Бротонский лес шло множество лучников. Одной монахине в Лувье приснился сон, в котором змей убил святого Георгия. Король Филипп велел доставить женщину в Руан. У нее оказалась заячья губа, горб, и она заикалась. Когда монашку представили королю, она не смогла рассказать свой сон, не говоря уж о том, чтобы поведать его величеству Божью стратегию. Несчастная лишь тряслась и плакала, и рассерженный король прогнал ее. Позже он

получил утешение от епископского астролога, который сказал, что Марс сейчас восходит и это говорит о неизбежной победе.

По слухам, англичане шли на Париж. Потом появились другие слухи: якобы они идут на юг, чтобы защитить свои земли в Гаскони. Говорили, что в Кане не осталось ни одной живой души, а крепость там разграбили; потом появилась история о том, что англичане мрут от какой-то болезни. Король Филипп, всегда отличавшийся нервозностью, стал раздражительным и постоянно требовал новостей, но советники убедили своего впечатлительного господина, что, где бы англичане ни были, их в конце концов ждет голод, если они останутся к югу от великой Сены, змеей извивавшейся от Парижа к морю. Солдаты Эдуарда разоряли окрестности, и им приходилось все время перемещаться, чтобы найти провиант. Если на Сене поставить заслон, они не смогут пойти на север и добраться до бухт на побережье Ла-Манша, где к ним могла бы подоспеть помощь из Англии.

– Они мечут стрелы, как женщины деньги, – сказал Филиппу его младший брат Карл, граф Алансонский, – но во Франции они не могут достать новых стрел. Их привозят из Англии, и чем дальше англичане от моря, тем большие трудности испытывают.

И стало быть, если англичан держать к югу от Сены, им в конце концов придется вступить в бой или бесславно отступить в Нормандию.

– А как же Париж? Париж? Что будет с Парижем? – спрашивал король.

– Париж не падет, – заверил брата граф.

Город лежит к северу от Сены, и англичанам придется форсировать реку и штурмовать величайшие стены в христианском мире, а тем временем гарнизон будет осыпать их арбалетными стрелами и ядрами из сотен установленных на стенах маленьких железных пушек.

– А вдруг они пойдут на юг? – встревожился Филипп. – В Гасконь?

– Если они пойдут в Гасконь, – сказал граф, – то, пока доберутся туда, стопчут сапоги и у них выйдет весь запас стрел. Будем же молиться, чтобы они пошли в Гасконь, но больше всего – чтобы не добрались до северного берега реки.

Если бы англичане перешли Сену, они могли бы достичь ближайшего порта в Ла-Манше, чтобы получить подкрепление, провиант, стрелы, медикаменты и прочее, а к тому времени, граф знал, им все это понадобится. Войско на марше устает, люди болеют, кони начинают хромать. Армия, слишком долго находящаяся на марше, в конце концов ослабевает, как арбалетная стрела на излете.

И потому французы укрепили мощные крепости для защиты переправ через Сену, а где мосты нельзя было защитить – например, шестнадцатипролетный мост у Пуасси, – их разрушили. Сотни человек с кувалдами разбили парапеты и обрушили кладку в реку, оставив от быков лишь пятнадцать обрубков, похожих на переправу для какого-то великана. Сам город Пуасси, лежащий к югу от Сены и потому считавшийся не годным к обороне, люди покинули и бежали в Париж. Широкая река превращалась в непреодолимое препятствие, чтобы поймать англичан в том месте, где у них должна была в конце концов иссякнуть провизия. А потом, когда демоны ослабнут, французы накажут их за страшный ущерб, нанесенный Франции.

Англичане все еще сжигали города и уничтожали фермы. В эти долгие летние дни горизонт на юге и западе заволакивало дымом, и казалось, что там постоянно клубятся тучи. Ночью горизонт светился красным, и бегущие от пожаров люди приходили к Руану, где не хватало крова и пищи для такого скопления народа. Беженцам кричали через реку, чтобы они искали убежища в каком-нибудь другом месте.

Среди беженцев оказался и сэр Саймон Джекилл со своим латником Генри Колли, но им не отказали в приюте, поскольку оба были в кольчугах и на конях. Колли был в своей кольчуге и на прежнем коне, а лошадь и доспехи сэра Саймона были украдены у одного из его латников перед бегством из Кана. Рыцарь и латник содрали с ивовых досок щитов кожу с эмблемой, тем самым объявляя, что никому не служат и свободны для найма. Десятки подобных им прихо-

дили в город, ища господина, который бы обеспечил им пропитание и жалование, но никто не кипел такой злобой, как сэра Саймон.

Его злила несправедливость. Она жгла ему душу, и рыцарь жаждал мести. Ведь он был так близок к выплате всех своих долгов – после получения из Англии денег от продажи кораблей Жанетты он рассчитывал избавиться от всех закладных – и внезапно оказался беглецом, изгоем. Сэр Саймон знал, что мог бы прокрасться в Англию, но всякого оказавшегося в опале у короля или его старшего сына могли счесть мятежником. Ему бы еще повезло, если бы удалось сохранить хоть акр земли, не говоря уж о свободе. Поэтому сэра Саймон предпочел бежать, веря, что мечом завоюет привилегии, отнятые бретонской сучкой и ее щенком-любовником.

Никто не спрашивал, почему они оказались в Руане. Во французском сэра Саймона слышался акцент английского мелкопоместного дворянства, но этим он не отличался от десятков других воинов, прибывших из Нормандии. Что теперь нужно было английскому рыцарю – это хозяин, человек, который бы его кормил и дал ему шанс рассчитаться с его гонителями. Многие сильные сеньоры искали себе рыцарей. В полях к югу от Руана, недалеко от излучины реки, у пастбища отыскивали луг под площадку для турнира. Там перед знающей толпой воинов каждый мог выступить и показать свою доблесть. Турнир был серьезный; пусть с затупленными мечами и деревянными набалдашниками на копьях, но он давал шанс воинам без хозяина показать свое искусство во владении оружием. В роли судей выступали десятки рыцарей из свиты герцогов, графов, виконтов и просто богатых сеньоров. Участниками записались дюжины полных надежд воинов, и всякий всадник, сумевший продержаться больше нескольких минут против великолепно вооруженного рыцаря на прекрасном коне, мог получить место в свите какого-нибудь вельможи.

Сэр Саймон на краденой лошади и со старым зазубренным мечом был одним из наименее внушительных участников среди собравшихся на лугу. У него не было копья, и один из рыцарей, вынув меч, поскакал расправиться с ним. Сначала никто не обратил внимания на этих двоих, ведь продолжались другие поединки, но когда блестящий рыцарь растянулся на траве, а сэра Саймон как ни в чем не бывало продолжал сидеть в седле, толпа отметила его.

Другой рыцарь вызвал сэра Саймона и был удивлен его яростью. Он крикнул, что бой идет не насмерть, а только чтобы продемонстрировать искусство фехтования. Но сэра Саймон, сжав зубы, так рубанул мечом, что тот пришпорил коня и ускакал прочь, опасаясь получить увечье. Сэр Саймон направил своего коня на середину луга, вызывая кого-нибудь еще сразиться с ним, но вместо этого к нему трусцой подъехал на кобыле чей-то оруженосец и протянул копье.

– Кто прислал его? – спросил сэра Саймон.

– Мой господин.

– Кто это?

– Вон, – сказал оруженосец, указывая в конец луга, где с копьем дожидался какой-то высокий человек в черных доспехах и на вороном коне.

Сэр Саймон вложил меч в ножны и взял копье. Оно было тяжелое и плохо сбалансированное. У него в доспехах не было упора для копья, чтобы держать длинное древко поднятым, но он был силен, озлоблен и решил, что продержит неуклюжее оружие достаточно долго, чтобы сбить спесь с незнакомца.

Уже никто на лугу не сражался. Все только смотрели. Спорщики делали ставки, и в основном на рыцаря в черном. Большинство зрителей уже видели его бои, а его жеребец, доспехи и оружие явно были лучше. Черный рыцарь красовался в кольчуге с пластинами, а его конь был по меньшей мере на ладонь выше, чем жалкая кляча сэра Саймона. Под опущенным черным забралом сэра Саймон не видел лица соперника, а на его старом дешевом шлеме, доставшемся от английских лучников, забрала не было. Один лишь Генри Колли поставил на сэра Саймона,

хотя со своим знанием французского ему пришлось изрядно потрудиться, но в конце концов деньги были приняты.

У незнакомца был черный щит с простым белым крестом. Сэр Саймон не знал такого герба. Противник двинулся вперед, черная попона его коня краем мела по траве. Сэр Саймон, взяв копьё наперевес, пришпорил свою лошадь. Соперников разделяло шагов сто, и они легким галопом быстро приближались друг к другу. Сэр Саймон следил за копьём противника, определяя, насколько крепко тот его держит. Черный рыцарь был хорошим воином. Копьё даже не подрагивало, несмотря на неровный галоп коня. Щит умело закрывал рыцаря.

В настоящем сражении сэр Саймон опустил бы копьё, чтобы поразить вражеского коня, или более сложным приемом направил бы копьё в высокую луку седла. Он видывал, как копьё пробивает дерево и кожу седла и входит всаднику в пах, что неминуемо несло смерть. Но сегодня требовалось показать свое рыцарское искусство, выиграть чисто и в то же время обезопасить себя от несущегося навстречу копыя. Мастерство заключалось в том, чтобы отклонить удар, который, усиленный весом коня, мог сломать всаднику спину, опрокинув его через заднюю луку. Столкновение двух тяжеловооруженных всадников, вложивших всю свою силу и мощь в удар копыя, напоминает выстрел пушечного ядра.

Но сэр Саймон не думал об этом. Он следил за мчащимся на него всадником с копьём, в то же время поглядывая на белый крест на его щите. Туда он и направил свое копьё, управляя конем одними движениями колен. Он обучался этому с тех пор, как впервые сел на пони, и часами упражнялся на чучеле во дворе отца, а еще больше времени потратил на выездку жеребцов, чтобы они не шарахались в шуме и хаосе битвы. Теперь сэр Саймон слегка отклонил коня влево, желая увеличить угол столкновения копий и отчасти ослабить силу удара, но заметил, что незнакомец не последовал за его движением, спрямляя линию, а словно бы с охотой воспринял снижение риска. Потом оба всадника вонзили шпоры в бока коней, пуская их в полный галоп. Сэр Саймон тронул шпорой правый бок лошади и сам спрямил линию столкновения; он несся на противника, слегка нагнувшись вперед, готовый к удару. Незнакомец тоже попытался наклониться к нему, но было поздно. Копьё сэра Саймона с глухим стуком ударило в черно-белый щит, и самого его отбросило назад, а копьё незнакомца лишь вскользь хлопнуло по простому щиту противника и отскочило в сторону.

Копьё сэра Саймона разломилось на три части, и он выпустил его, тем временем коленями разворачивая коня. Копьё же противника повернулось поперек коня и мешало черному рыцарю. Сэр Саймон вынул меч и, пока незнакомец пытался избавиться от копыя, с размаху, как кувалдой, ударил его по шлему.

Все поле замерло. Генри Колли протянул руку за выигрышем. Проигравший притворился, что не понимает его ломаного французского, но сразу почувствовал озарение, когда желтоглазый англичанин откуда-то быстро достал нож. С той же скоростью появились деньги.

Всадник в черных доспехах не стал продолжать поединок, а повернул коня и поднял забрало.

– Твое имя? – спросил он.

– Сэр Саймон Джекилл.

– Англичанин?

– Я сражался за Англию.

Два коня уже стояли рядом. Незнакомец бросил свое копьё и повесил щит на луку седла. У него было серое лицо, черные усы, умные глаза и перебитый нос. Он был немногим старше сэра Саймона.

– Чего ты хочешь? – спросил рыцарь.

– Убить принца Уэльского.

Незнакомец улыбнулся:

– И это все?

– Еще мне нужны деньги, пища, земли, женщины.

Черный рыцарь жестом пригласил его отъехать в сторону.

– Здесь собрались сильные владыки, сэр Саймон, которые предложат тебе плату, стол и девок. Я тоже могу платить тебе, но не так много; я могу предложить тебе пищу, но она будет простой. Девиц тебе придется найти самому. Я могу лишь обещать, что дам тебе лучшие доспехи, оружие и коня. Я возглавляю лучших рыцарей в этом войске, и мы поклялись брать в плен тех, за кого дадут богатый выкуп. А никто, полагаю, не богат так, как король Англии и его щенок. Обрати внимание: мы собираемся не убивать, а брать в плен.

Сэр Саймон пожал плечами:

– Захватить ублюдка в плен тоже неплохо.

– И его отца, – сказал незнакомец. – Мне нужен и его отец.

В его голосе прозвучала мстительность, насторожившая сэра Саймона.

– Зачем? – спросил он.

– Моя семья жила в Англии, но когда к власти пришел этот король, мы поддержали его мать.

– И лишились земель? – догадался сэр Саймон.

Он был слишком молод, чтобы помнить те времена, когда мать короля пыталась удержать власть для себя и своего любовника, а юный Эдуард боролся за самостоятельность. Он тогда победил, и некоторые его старые враги не забыли этого.

– Мы потеряли все, – сказал черный рыцарь, – но обязательно вернем. Ты поможешь нам?

Сэр Саймон поколебался, задумавшись, не поискать ли другого хозяина, но его заинтриговало спокойствие этого человека и его решимость вырвать сердце Англии.

– Кто вы такой? – спросил он.

– Иногда меня называют Арлекином.

Это имя ничего не говорило сэру Саймону.

– И вы берете на службу только лучших? – спросил он.

– Я же сказал.

– Тогда я вам подхожу. Вместе с моим слугой.

Он кивнул в сторону Генри Колли.

– Хорошо, – согласился Арлекин.

И вот сэр Саймон получил нового господина, а французский король собрал войско. Великие владыки: граф Алансонский, Иоанн Эносский, Омаль, граф Блуаский, приходившийся братом претенденту на трон герцога Бретани, герцог Лорренский, граф Сансеррский – все собрались в Руане со своей многочисленной свитой из тяжеловооруженных рыцарей. Численность войска оказалась столь велика, что было не счесть рядов. В Руане собралось по меньшей мере восемь тысяч латников и пять тысяч арбалетчиков, и это означало, что войско Филиппа Валуа уже превосходит силы Эдуарда Английского числом, а тем временем приходили все новые солдаты. Привел своих грозных рыцарей Иоанн, граф Люксембургский и король Богемский, друг Филиппа Французского. Со своими знаменитыми копыносцами пришел король Майорки, а герцог Нормандский приказал снять осаду с английских крепостей на юге и вести войска на север. Священники благословляли воинов и обещали, что Бог заметит их верность Франции и безжалостно сокрушит англичан.

Войску в Руане не хватало провизии, и в конце концов оно перешло через мост на северный берег Сены, оставив грозный гарнизон охранять речные переправы. Оказавшись вне города, на длинных дорогах, тянущихся через только что сжатые поля, люди сами смутно представляли, насколько огромно их войско. Колонны латников, отряды всадников, батальоны арбалетчиков и обозы за ними, бесчисленные толпы пехоты, вооруженной топорами, тесаками и копьями, протянулись на многие мили. Это была мощь всей Франции и сплотившихся вокруг нее друзей. Здесь был отряд рыцарей из Шотландии – эти рослые, дикого вида люди питали

особую ненависть к Англии. Были также наемники из Германии и Италии и рыцари, чьи имена прославились на турнирах христианского мира, искусные убийцы, разбогатевшие на войне, которая казалась им забавой вроде охоты. Французские рыцари говорили не только о разгроме Эдуарда Английского, но о перенесении военных действий в его королевство, предвкушая получение графских титулов в Эссексе и герцогских в Девоншире. Епископ города Мо предложил своему повару подумать, что приготовить из пальцев лучников – возможно, потушить их под тимьяновым соусом? Он требовал затолкать это блюдо в глотку Эдуарду Английскому.

Теперь сэр Саймон гарцевал на семилетнем сером красавце-жеребце, обошедшемся Арлекину, наверное, фунтов в сто. На рыцаре была кольчуга из крепко пригнанных мелких пластин и плащ с белым крестом. Коня прикрывал шанфрон из вареной кожи и черная попона, а у самого сэра Саймона на бедре висел меч, выкованный в Пуатье. Генри Колли был экипирован почти так же, но вместо меча у него была четырехфутовая дубина с железными шипами на конце.

– Что за унылая компания, – пожаловался он сэру Саймону, рассматривая людей Арлекина. – Как монахи, честное слово!

– Они умеют воевать, – ответил тот, хотя его и самого обескуражила мрачная решимость воинства Арлекина.

Все они были самоуверенны, но не воспринимали англичан так легкомысленно, как остальное войско, убедившее себя, что сражение можно выиграть количеством. Арлекин расспрашивал сэра Саймона и Генри Колли об английской тактике ведения боя, и точность его вопросов заставила обоих забыть о напыщенности и задуматься.

– Они сражаются пешими, – обобщил сэр Саймон.

Как и все рыцари, он мечтал о сражении верхом, представлял, как вихрем ворвется в строй англичан и начнет разить их копьем и топтать лошадей. Но англичане научились своему делу, воюя с шотландцами, и поняли, что пешие защищают позиции более эффективно, чем всадники.

– Даже рыцари будут сражаться пешими, – предположил сэр Саймон, – и на каждого латника придется по два-три лучника. За этими ублюдками нужен глаз да глаз.

Арлекин кивнул.

– И как же нам разбить лучников?

– Пусть выпустят все свои стрелы, – сказал сэр Саймон. – Стрелы когда-нибудь должны кончиться. Пусть все горячие головы в войске атакуют, а вы подождите, когда стрелы у них иссякнут, и тогда возьмете реванш.

– Я хочу не просто реванша, – тихо проговорил Арлекин.

– А чего же?

Арлекин улыбнулся ему, но эта улыбка была страшной и зловещей.

– Власти, – спокойно сказал он. – С властью, сэр Саймон, приходят привилегии, а с привилегиями – богатство. Кто такие короли? Всего лишь высоко вознесшиеся люди. И мы тоже вознесемся и воспользуемся поверженными королями как ступеньками на лестнице славы.

Такие слова произвели впечатление на сэра Саймона, хотя до конца он их не понял. Арлекин казался ему человеком с сильным воображением, но это не имело значения, лишь бы он был непоколебимо привержен идее разгрома врагов сэра Саймона. Сам сэр Саймон мечтал о сражении: он видел перед собой испуганное лицо английского принца, слышал его крик и наслаждался мыслью, как возьмет этого щенка в плен и Жанетту тоже. Пусть Арлекин остается таинственным и странным, сколько ему заблагорассудится, если он приведет сэра Саймона к исполнению этих простых желаний.

Итак, французское войско шло вперед, постоянно пополняясь за счет людей, стекавших из отдаленных закоулков королевства и вассальных государств за пределами Франции. Оно двигалось, чтобы поймать англичан в капкан на излучине Сены, и самоуверенность его

укрепило известие о паломничестве короля в аббатство Сен-Дени, откуда была доставлена орифламма, самый священный символ – алое знамя, хранившееся бенедиктинцами в монастыре, где были похоронены французские короли. Все знали, что, когда развернута орифламма, никто не отступит ни на шаг. Говорили, что ее принес туда сам Карл Великий и ее красный, как кровь, шелк означает для врагов Франции кровавую бойню. Англичанам придется сражаться, орифламма будет развернута, и боевые действия начнутся.

Мессир Гийом дал Томасу льняную рубаху, хорошую кольчугу, шлем на кожаной подкладке и меч.

– Старый, но хороший, – сказал он про меч, – им лучше рубить, а не колоть.

Он дал Томасу коня, седло, уздечку и денег. Томас пытался отказаться от этого последнего дара, но мессир Гийом отмел все возражения:

– Ты отнял у меня, что хотел, и теперь я могу отдать тебе остальное.

Томас не понял и даже обиделся на обвинение.

– Что это я отнял?

– Ты отнял у меня Элеонору.

– Я не отнимал ее! – запротестовал Томас.

На изуродованном лице мессира Гийома появилась улыбка.

– Ну отнимешь, мальчик. Отнимешь.

На следующий день они поскакали на восток, понимая, что английское войско неподалеку. До Кана доходили слухи о сожженных городах, но никто не знал, куда ушел враг, и потому мессир Гийом решил вести двадцать своих латников, оруженосца и слугу в Париж.

– Кто-нибудь должен знать, где находится король, – сказал он. – А ты, Томас, что будешь делать?

Томас думал об этом с тех пор, как очнулся в доме мессира Гийома, но сейчас нужно было принять решение, и на этот раз он не сомневался.

– Отправляюсь к своему королю.

– А что насчет сэра Саймона? Вдруг он снова тебя повесит?

– Я под защитой графа Нортгемптонского, – ответил Томас, хотя однажды это не помогло.

– А как же Элеонора?

Мессир Гийом обернулся к дочери, которая, к удивлению Томаса, отправилась с ними. Отец дал ей маленькую лошадку, и непривычная к верховой езде девушка неуклюже сидела в седле, ухватившись за луку. Она не знала, почему отец разрешил ей поехать, и сказала Томасу, что, возможно, он захочет держать ее при себе поварихой.

Томас покраснел. Он знал, что не сможет сражаться против своих товарищей, но и не хотел покидать Элеонору.

– Я буду приезжать к ней, – сказал он мессиру Гийому.

– Если останешься в живых, – буркнул француз. – А почему ты не хочешь сражаться за меня?

– Потому что я англичанин.

Мессир Гийом ухмыльнулся:

– Ты катар, француз из Лангедока. Кто знает, кто ты такой? Ты сын священника, полукровка еретического происхождения.

– Я англичанин, – повторил Томас.

– Ты христианин, – возразил мессир Гийом, – и Бог возложил на тебя и на меня долг. Как ты исполнишь этот долг в английском войске?

Томас ответил не сразу. Действительно ли Бог возложил на него долг? Если так, он не хотел признавать его, поскольку это означало поверить в легенду о Вексиях. В тот вечер после

встречи с братом Жерменом Томас поговорил в саду мессира Гийома с Мордехаем и спросил старика, читал ли тот Книгу Даниила.

Мордехай вздохнул, словно его утомили подобные вопросы.

– Много лет назад, – ответил он. – Много-много лет назад. Это часть Кетувима, писания, которое должны прочесть все молодые евреи. А что?

– Это пророк, да? Он предсказывал будущее?

– Вот те на! – воскликнул лекарь, сев на скамейку и теребя худыми пальцами раздвоенную бороду. – Вы, христиане, утверждаете, что пророки предсказывали будущее, но на самом деле они не делали ничего подобного. Они просто предостерегали Израиль. Они говорили нам, что если мы не исправимся, то нас постигнет смерть, разорение и ужас. Это были проповедники, Томас, просто проповедники, видит бог, и они были правы насчет смерти, разорения и ужаса. Что касается Даниила... Он был странный, очень странный. Его голова была наполнена мечтами и видениями. Он был опьянен Богом.

– Но не кажется ли тебе, что Даниил предсказал происходящее сейчас?

Мордехай наморщил лоб:

– Если Бог пожелал от него этого, то да, но с чего бы Богу желать это? И я допускаю, Томас, что Даниил мог предсказать происходящее теперь здесь, во Франции, но какой интерес это могло представлять для Бога Израиля? Кетувим полон фантазий, видений и таинств, и вы, христиане, видите в нем больше, чем когда-либо видели мы. Но стоит ли принимать какое-то решение только потому, что когда-то давным-давно Даниил наелся тухлых устриц и перед ним возникли яркие видения? Нет, нет и нет. – Он встал и поднял к свету бутылку с мочой. – Верь тому, что перед твоими глазами, Томас, тому, что пахнет, что ты можешь слышать и ощущать на вкус, что можешь увидеть и потрогать. Прочее опасно.

Томас взглянул на мессира Гийома. Он полюбил этого француза, чья загрубевшая в боях внешность скрывала доброе сердце, и знал, что влюблен в его дочь, однако у него был более важный долг – долг верности.

– Я не могу сражаться против Англии, – сказал он, – как и вы не можете поднять копье против короля Филиппа.

Мессир Гийом только пожал плечами:

– Тогда сражайся против Вексиев.

Но Томас не мог чують, слышать и ощущать на вкус Вексиев, он не мог видеть их и потрогать. Он не верил, что южный король пошлет свою дочь на север. Не верил, что святой Грааль укрыт в каких-то еретических крепостях. Он верил в силу тисового лука, натяжение пеньковой тетивы и мощь стрелы с белым оперением, поражающей врагов короля. Думать о темных владыках и еретиках было все равно что заигрывать с безумными видениями, терзавшими его отца.

– Если найду человека, убившего моего отца, – уклонился он от предложения мессира Гийома, – я убью его.

– Но будешь ли ты искать его?

– Где же мне его искать? Где вам его искать? – спросил Томас и сам же ответил: – Если Вексии действительно еще существуют, если они в самом деле хотят уничтожить Францию, то с чего бы они начали? Пошли бы в английское войско. И я буду искать их там.

Такой ответ был отговоркой, но он отчасти убедил мессира Гийома, который ворчливо признал, что Вексии в самом деле могли присоединить свои силы к Эдуарду Английскому.

В ту ночь путники нашли пристанище в руинах сожженной фермы. Они собрались вокруг небольшого костра и поджарили подстреленного Томасом кабана. Латники относились к чужаку настороженно. Он был одним из ненавистных английских лучников, чьи стрелы пробивали даже латы. Не будь он другом мессира Гийома, они бы отрезали ему указательный и средний пальцы в отместку за все те неприятности, которые стрелы с белым оперением достав-

ляли французским всадникам, а так приходилось относиться к нему со сдержанным любопытством.

После ужина мессир Гийом сделал знак Элеоноре и Томасу, чтобы они отошли с ним. Его оруженосец был начеку, и мессир Гийом отвел их подальше, на берег ручья, где со странной торжественностью взглянул на Томаса.

– Значит, ты покидаешь нас, – сказал он, – и будешь сражаться за Эдуарда Английского.

– Да.

– Но если увидишь моего врага, что будешь делать?

– Убью его, – сказал Томас.

Стоявшая чуть в стороне Элеонора внимательно смотрела и слушала.

– Он будет не один, – предостерег мессир Гийом, – но ты клянешься мне, что он и твой враг?

– Клянусь, – сказал Томас, удивленный, что нужно задавать такой вопрос.

Мессир Гийом протянул ему правую руку:

– Ты слышал про братство по оружию?

Томас кивнул. Титулованные рыцари часто заключали такие договоры, давая клятву помогать друг другу в бою и делиться добычей.

– Тогда я клянусь тебе в братстве по оружию, – сказал мессир Гийом, – даже если мы будем сражаться на разных сторонах.

– И я клянусь в том же, – неловко произнес Томас.

Мессир Гийом отпустил его руку.

– Что ж, – обратился он к Элеоноре, – я обезопасил себя от одного проклятого лучника. – Потом помолчал, не отрывая глаз от девушки, и вдруг сказал: – Я снова женюсь и снова заведу детей, и они будут моими наследниками. Ты понимаешь, о чем я, верно?

Стоявшая с опущенной головой Элеонора быстро взглянула на отца и опять потупилась. И ничего не сказала.

– А если у меня милостью Божьей будут еще дети, – проговорил мессир Гийом, – что останется тебе, Элеонора?

Она чуть заметно пожала плечами, словно говоря, что этот вопрос не представляет для нее большого интереса.

– Я никогда ничего у вас не просила.

– А чего бы хотела попросить?

Девушка посмотрела на рябь на воде и немного погодя ответила:

– То, что вы и так мне давали. Доброту.

– И больше ничего?

Она помолчала.

– Я бы хотела называть вас отцом.

Мессир Гийому как будто стало неловко от такого ответа. Он посмотрел на север.

– Вы оба незаконнорожденные, – проговорил он после небольшой паузы, – и я завидую этому.

– Завидуете? – спросил Томас.

– Семья – она как берега у реки. Берега не дают реке менять русло. А незаконнорожденные прокладывают собственный путь. Они ничего не ждут и могут двигаться куда хотят. – Мессир Гийом нахмурился и бросил в воду камешек. – Я всегда думал, Элеонора, что выдам тебя за кого-нибудь из своих латников. Твоей руки просил у меня Бенуа, и Фосса тоже. Тебе пора замуж. Сколько тебе лет? Пятнадцать?

– Пятнадцать, – кивнула девушка.

– Ты зачакнешь так, девочка, если и дальше будешь ждать, – угрюмо проговорил мессир Гийом. – Так кого же ты выберешь? Бенуа? Или Фосса? – Он помолчал. – Или предпочитаешь Томаса?

Элеонора ничего не сказала, и Томас тоже молчал в смущении.

– Хочешь ее? – грубо спросил его мессир Гийом.

– Да.

– А ты, Элеонора?

Она посмотрела на Томаса, потом снова взглянула на ручей и просто ответила:

– Да.

– Конь, кольчуга, меч и деньги – приданое моей незаконнорожденной дочери, – сказал Томасу мессир Гийом. – Береги ее, иначе снова станешь моим врагом.

Он отвернулся.

– Мессир Гийом! – окликнул его Томас.

Француз обернулся.

– Когда вы пришли в Хуктон, – продолжил Томас, сам удивляясь, почему спрашивает об этом, – то забрали с собой одну темноволосую девушку. Она была беременна. Ее звали Джейн.

Мессир Гийом кивнул:

– Она вышла за одного из моих воинов. А потом умерла при родах. И ребенок тоже. А что? – нахмурился он. – Ребенок был твой?

– Она была моей подругой, – уклончиво ответил Томас.

– Хорошенькая подружка, – сказал мессир Гийом, – я ее помню. Когда она умерла, мы отслужили двенадцать месс за ее английскую душу.

– Спасибо вам.

Мессир Гийом перевел взгляд с Томаса на Элеонору, потом снова на Томаса.

– Хорошая ночка, чтобы поспать под звездами, – сказал он. – А на рассвете мы уходим.

Рыцарь пошел прочь, а Томас с Элеонорой сели на берегу ручья. Небо еще не совсем потемнело, в нем оставалось матовое мерцание, как от свечи за роговой пластиной. С другого берега ручья соскользнула в воду выдра. Она вынырнула, и ее шкурка заблестела в вечернем свете. Зверек поднял голову, взглянул на Томаса и, снова нырнув, скрылся из виду, лишь на темной поверхности осталась полоска серебристых пузырьков.

Молчание прервала Элеонора; она произнесла единственные известные ей английские слова:

– Я женщина лучника.

– Да, – улыбнулся Томас.

На рассвете они поскакали дальше, а к вечеру увидели на горизонте на севере столб дыма и поняли, что английское войско продолжает свое дело. Утром следующего дня они расстались.

– Не знаю, как вы доберетесь до этих ублюдков, – сказал мессир Гийом, – но, когда все закончится, отыщите меня.

Он обнял Томаса, поцеловал Элеонору и залез в седло. На его коне была длинная синяя попона, расшитая желтыми ястребами. Рыцарь устроил свою большую ногу в стремя, разобрал поводья и тронул шпорами коня.

Дорога вела на север через заросшую вереском пустошь, где пахло тимьяном и порхали голубые бабочки. Томас с висящим на луке седла шлемом и мечом на бедре двинулся на дым. Элеонора, настоявшая на том, что будет носить его лук, потому что она женщина лучника, поехала следом. На небольшом возвышении они оглянулись, но мессир Гийом отъехал уже на полмили к западу и не оборачивался. Он спешил к орифламме.

И Томас с Элеонорой поехали дальше.

Англичане шли на восток, постоянно удаляясь от моря в поисках места, где можно перейти Сену, но все мосты были разрушены или находились под охраной какой-нибудь крепости. Войско продолжало уничтожать все на своем пути. Чинимые им разрушения простирались на двадцать миль в ширину, позади на десятки миль оставался выжженный след. Простой народ Франции бежал от вражеского войска, забирая с собой скотину и только что убранный урожай, так что солдатам Эдуарда приходилось в поисках пищи продвигаться все дальше. Позади них оставалась пустыня, а впереди возвышались грозные стены Парижа. Некоторые думали, что король возьмет Париж штурмом, другие считали, что он не будет зря губить солдат на этих огромных стенах, а нападет на один из мощно укрепленных мостов, который позволит ему перейти на северный берег реки. И войско в самом деле попыталось захватить мост у Мелёна, но защищавшая его южную часть крепость имела такие массивные стены и в ней было столько арбалетчиков, что атака кончилась неудачей. Французы со стен показывали англичанам голые задницы. Говорили, что король, уверенный в форсировании реки, велел послать припасы в порт Ле-Кротуа, находившийся далеко на севере, не только за Сеной, но и за Соммой. Но если даже припасы и дожидались там, до них было не добраться. Сена стала стеной, за которой англичане оказались заперты на опустошенных ими же самими землях. Захрамали первые лошади, а у солдат стоптались сапоги, и некоторые шли босиком.

Англичане приблизились к Парижу и вошли в обширные охотничьи угодья французских королей. Они заняли охотничьи домики Филиппа и содрали со стен гобелены и гравюры, а во время охоты Эдуарда на его королевских оленей французский король прислал ему официальный вызов на бой. Это было по-рыцарски и с Божьей милостью положило бы конец разграблению его земель. Поэтому Филипп отправил к англичанам епископа с вежливым уведомлением, что он с войском будет дожидаться их к югу от Парижа. Английский король любезно принял приглашение, французы провели свои войска через город и выстроили их среди виноградников на вершине холма близ Бур-Ла-Рена. Они хотели, чтобы англичане атаковали их там и английским лучникам и латникам пришлось бы подниматься на холм под массивным обстрелом генуэзских арбалетчиков. Французская знать уже оценивала величину выкупа за захваченных пленных.

Французы ждали в боевых порядках, но, как только войско Филиппа заняло позиции, англичане коварно повернули и пошли в другую сторону, направляясь в городок Пуасси, где мост через Сену был разрушен, а население эвакуировано. Защищать северный берег остались лишь несколько французских ополченцев, бедняков, вооруженных копьями и топорами. Они не могли остановить полчища лучников, плотников и каменщиков, которые из выломанных в Пуасси досок на пятнадцати сломанных опорах старого моста соорудили новый. Строительство заняло два дня, а французы среди зреющего винограда у Бур-Ла-Рена продолжали ждать оговоренного сражения. Тем временем англичане перешли Сену и направились на север. Бесы вырвались из ловушки и были снова на свободе.

Там-то, в Пуасси, Томас с Элеонорой и присоединились к войску.

И там-то по Божьей милости начались трудные времена.

* * *

Элеонора опасалась английского войска.

– Они не полюбят меня, потому что я француженка, – волновалась она.

– В войске полно французов, – убеждал ее Томас. – Гасконцы, бретонцы, нормандцы, и половина женщин – француженки.

– Женщины лучников? – спрашивала она с робкой улыбкой. – Но это нехорошие женщины?

– Есть хорошие, есть нехорошие, – туманно отвечал Томас. – Но ты будешь моей женой, и все поймут, что ты не такая, как все.

Если Элеонора и радовалась, то не подавала никаких признаков этого. Когда они оказались на разбитых улицах Пуасси, английские лучники из арьергарда приказали им поторапливаться. Наскоро построенный мост еле держался, и по доскам перебирались последние войсковые увальни. На мосту не было перил, его построили наспех из всего, что попало под руку в покинутом городе, и когда Томас с Элеонорой направили своих коней на мост, неровные доски шатались, скрипели и прогибались. Лошадь Элеоноры так перепугалась ненадежной опоры под ногами, что отказалась идти. Томасу пришлось завязать ей глаза, и только тогда, все еще дрожа, животное медленно двинулось по доскам, меж щелей которых Томас видел текущую внизу реку.

Несколько войсковых повозок были брошены в Пуасси, и их груз взвалили на сотни лошадей, захваченных к югу от Сены.

Когда последние оставшиеся солдаты перешли мост, лучники стали валить доски в реку, ломая ту хрупкую связь, что позволила англичанам вырваться. Король Эдуард надеялся, что теперь, на широкой равнине между Сенной и Соммой, найдет новые земли для разорения, и три колонны, растянувшись вширь на двадцатимильную полосу, двинулись на север. На ночь они разбили лагерь на расстоянии короткого перехода от реки.

Томас искал полк принца Уэльского, а Элеонора старалась не обращать внимания на грязных, оборванных, опаленных солнцем стрелков, больше смахивавших на беглых преступников. Им нужно было устраивать себе ночлег, но они предпочитали глазеть на женщин и отпускать непристойные шуточки.

– Что они говорят? – спросила Элеонора Томаса.

– Что ты самое прекрасное существо во Франции, – ответил он.

– Ты врешь, – сказала она и вздрогнула, когда какой-то солдат что-то закричал ей. – Они что, никогда раньше не видели женщину?

– Такую, как ты, – нет. Наверное, тебя принимают за принцессу.

Она посмеялась над этим, но не без удовольствия. Элеонора повсюду видела женщин, которые собирали хворост, пока их мужчины устраивали ночлег, и большинство, как она заметила, говорили по-французски.

– На следующий год родится много детишек, – улыбнулась девушка.

– Это точно.

– И солдаты вернутся в Англию?

– Некоторые, может быть, вернутся, – ответил Томас, хотя совсем не был уверен в этом. –

Или отправятся в свои гарнизоны в Гаскони.

– А если я выйду за тебя замуж, то стану англичанкой?

– Да.

День клонился к концу, и на сжатых полях дымили костры, хотя готовить было почти нечего. На каждой лужайке паслось по паре десятков коней, и Томас понял, что им с Элеонорой надо дать отдых своим лошадям, накормить и напоить их. Он многих спрашивал, как найти солдат принца Уэльского, но одни указывали на запад, другие на восток, и в сумерках, не зная, куда еще пойти, Томас просто повернул усталых лошадей к ближайшей деревне. Деревня была забита солдатами, но Томас с Элеонорой нашли более-менее тихое местечко на краю поля. Там Томас развел огонь, а Элеонора напоила в ручье коней. Из-за плеча у нее торчал черный лук как знак принадлежности к войску. Они приготовили скудную пищу, а потом сели под забором и стали смотреть на звезды, сияющие над темным лесом. Из деревни доносились голоса, женщины пели там французскую песню, и Элеонора стала тихо подпевать.

– Помню, мне пела ее мама, – сказала она, выдергивая стебли травы, из которых плела себе браслетик. – Я не единственный его незаконный ребенок, – печально проговорила

девушка. – Я слышала о двоих других. Одна девочка умерла совсем маленькой, а мальчик стал солдатом.

– Это твой брат.

– Сводный. – Она пожала плечами. – Я его не знаю. Он пропал куда-то. – Она надела браслетик на тонкое запястье. – А зачем ты носишь собачью лапу?

– По дурости. И дразню Бога.

«Это правда», – с грустью подумал он. С силой дернув высохшую лапу, он разорвал веревку и зашвырнул свой талисман в поле. На самом деле Томас не верил в святого Гинфорта, а просто кривлялся. Собака не поможет ему найти копьё. Он поморщился, потому что епитимья тяготила его совесть и душу.

– Ты и правда дразнишь Бога? – обеспокоенно спросила Элеонора.

– Нет. Но мы шутим над тем, чего боимся.

– А ты боишься Бога?

– Конечно, – сказал Томас и замер.

В кустах за спиной раздался шорох, и к его шее кто-то приставил холодный клинок. Металл казался очень острым.

– Что нам нужно, так это вздернуть ублюдка и забрать его женщину. Она хорошенькая, – сказал чей-то голос.

– Хорошенькая, – согласился другой. – А он нам не нужен.

– Мерзавцы! – воскликнул Томас, оборачиваясь.

Это были Джейк и Сэм. Он уставился на них, не веря своим глазам.

– Это вы! Что вы тут делаете?

Хлестнув тесаком по кустам, Джейк вышел и наградил Элеонору ободряющей, по его мнению, улыбкой, хотя своим обезображенным шрамами лицом и косыми глазами он напоминал существо из кошмарного сна.

– Карлу Блуаскому расквасили морду, – объяснил ситуацию Джейк, – и Уилл привел нас сюда, чтобы разбить нос французскому королю. Это твоя женщина?

– Это царица Савская, – ответил Томас.

– А графиня, ходят слухи, подцепила принца, – осклабился Джейк. – Уилл заметил тебя еще раньше, а ты нас не видел. Держи нос выше. Мы слышали, что ты помер.

– Да, был близок к этому.

– Уилл хочет тебя видеть.

Мысль об Уилле Ските, о Джейке и Сэме стала для Томаса огромным облегчением. Эти люди жили в простом мире, далеком от зловещих пророчеств, похищенных копий и темных владык. Он объяснил Элеоноре, что это его друзья, его лучшие друзья, и что на них можно положиться. Но ее встревожили иронические шуточки, которыми встретили Томаса, когда он зашел в деревенскую таверну. Стрелки хватили себя руками за горло и, гримасничая, изображали висельников, а Уилл Скит в притворном отчаянии только качал головой.

– Божье брюхо! – воскликнул он. – Да они даже повесить по-человечески не могут! – Он посмотрел на Элеонору. – Еще одна графиня?

– Дочь мессира Гийома д'Эвека, рыцаря моря и суши, – ответил Томас. – Ее зовут Элеонора.

– Твоя? – спросил Скит.

– Мы собираемся пожениться.

– Адский огонь! – вскричал Уилл. – Ты по-прежнему туп, как морковка. Не женись на ней, Том, женщины нужны не для этого. И все-таки она неплохо выглядит, а? – Он подвинулся и галантно освободил для Элеоноры место. – Здесь было не так уж много пива, и мы все его выпили.

Он оглядел таверну. Она была совершенно пуста, даже ни одного пучка травы не висело на стропилах.

– Гады все вычистили перед уходом, – мрачно проговорил Скит, – и добычи здесь не больше, чем волос на плечи лысого.

– А что случилось в Бретани? – спросил Томас.

Уилл пожал плечами:

– Это было без нас. Герцог Карл привел своих людей на нашу территорию и загнал Томми Дагдейла на вершину холма. Три тысячи их и три сотни у Томми, и к концу дня герцог Карл улепетывал, как ошпаренный заяц. Стрелы, мальчик, стрелы.

Граф Нортгемптонский передал свои полномочия в Бретани Томасу Дагдейлу, и тот переходил из одной английской крепости в другую, когда его настигло войско герцога. Но английские стрелки и латники, укрывшись за густыми кустами на вершине холма, растерзали врага в клочья.

– Они бились весь день, – сказал Скит, – с утра до вечера, а эти ублюдки не усвоили урока и посылали на холм все новые войска. Они рассчитывали, что у Томми скоро кончатся стрелы. Но видишь ли, он вез в крепости несколько телег с запасами, так что стрел ему хватило бы до Судного дня. Вот так герцог Карл положил своих лучших солдат, крепости остались в безопасности, пока он не наберет новых, а мы оказались здесь. За нами послал граф. «Возьми с собой только полсотни лучников», – сказал он мне, и я так и сделал. И отца Хобба, конечно. Мы приплыли в Кан и присоединились к войску на марше. Но что за чертовщина приключилась с тобой?

Томас рассказал свою историю. Скит только покачал головой, услышав про повешение.

– Сэра Саймона больше тут нет, – сказал он. – Возможно, перешел к французам.

– Что он сделал?

– Исчез. Насколько мы слышали, твоя графиня его поймала и разделалась с ним. – Скит хмыльнулся. – Тебе чертовски везет. Один Бог знает, зачем я сохранил для тебя это. – Он поставил на стол глиняный кувшин с пивом и кивнул в сторону лука у Элеоноры за плечом. – Ты еще не научился стрелять из этой штуки? Я хочу сказать, ты так долго якшался с аристократией, что мог забыть, зачем Бог послал тебя на землю.

– Не научился.

– Тогда можешь присоединиться к нам, – сказал Скит, но признался, что сам плохо понимает действия войска. – Никто со мной не делится планами, – презрительно проговорил он, – но говорят, что на севере есть еще одна река и ее нам тоже надо перейти. И по-моему, чем скорее, тем лучше, так как французишки как следует вымели эти места. Здесь и котенка не прокормишь.

Это была поистине опустошенная земля. Томас увидел это воочию на следующий день, когда отряд Уилла Скита медленно двинулся по сжатым полям на север. Все зерно, вместо того чтобы лежать в амбарах, было забрано французским войском, как и угнанный скот. К югу от Сены англичане жали зерно на брошенных полях, и их авангарды двигались достаточно быстро, чтобы захватить тысячи голов коров, свиней и коз, но здесь вся земля была выметена начисто таким же большим войском, и потому король велел спешить. Он хотел, чтобы его армия перешла реку Сомму и попала в земли, которые французское войско, возможно, еще не опустошило. Он надеялся увидеть в Ла-Кротуа ожидающие его корабли с провизией. Но несмотря на повеление короля, войско двигалось мучительно медленно. По пути встречались укрепленные города с запасами пищи, и солдаты настаивали на их штурме. Они действительно захватили несколько таких городов, другим удалось отбиться, но все это отнимало время, которого у короля не было, и, пока он старался навести порядок в войске, более заинтересованном в добыче, чем в продвижении, король Франции провел свое войско обратно через Сену, через Париж и направил к Сомме.

Была приготовлена новая ловушка, еще более губительная, поскольку теперь англичане оказались на земле, лишенной провизии. Войско Эдуарда наконец дошло до Соммы, но оказалось там блокировано, как раньше на Сене. Мосты были разрушены или защищены мощными крепостями с большими гарнизонами. Потребовались бы многие недели, чтобы выбить оттуда защитников, а у англичан не было времени. Они слабели с каждым днем. Солдаты прошли от Нормандии до окраин Парижа, потом перешли Сену и оставили за собой разорение до самого южного берега Соммы. Долгий поход измотал войско. Уже сотни шли босыми, другие сотни ковыляли в разваливающейся обуви. В войске хватало коней, однако не хватало подков и гвоздей, и люди вели лошадей в поводу, чтобы сберечь их копыта.

Кони питались травой, но люди нуждались в зерне, и на большие расстояния посылались продовольственные отряды в поисках деревень, где крестьяне могли спрятать часть урожая. Французы, почувствовав уязвимость англичан, становились все наглее. Стычки вспыхивали все чаще. Люди ели незрелые плоды, портили желудки и расстраивали кишечник. Некоторые сочли, что у них нет другого выбора, кроме возвращения в Нормандию, но другие понимали, что войско развалится задолго до того, как достигнет безопасных нормандских бухт. Единственным выходом было переправиться через Сомму и идти к английским крепостям во Фландрии. Но французы разрушили мосты или хорошо охраняли их, и когда войско прошло мимо пустынных болот к бродам, оказалось, что на противоположном берегу его ждет враг. Англичане дважды пытались пройти, но оба раза французы, надежно укрепившись на высоком сухом берегу, поражали лучников в реке, заполнив весь берег генуэзскими арбалетчиками. И англичанам пришлось отступить и отправиться на запад, в направлении к устью. С каждым шагом число переправ уменьшалось, река становилась шире и глубже. Восемь дней они шли между рек, и за это время голод все возрастал, а боевой дух падал.

– Берегите стрелы, – как-то к вечеру предупредил своих стрелков Уилл Скит.

Солдаты разбили лагерь у маленькой заброшенной деревушки, такой же пустой, как и прочие места, где они побывали после перехода через Сену.

– В бою нам понадобится каждая стрела, – продолжал Скит. – Видит бог, у нас нет лишних.

Через час, когда Томас обирал черную смородину с кустов, образовавших живую изгородь, откуда-то сверху раздался голос:

– Томас! Тащи свои грешные кости сюда!

Взглянув вверх, Томас увидел на колокольне деревенской церквушки Уилла Скита. Он побежал туда, поднялся по лестнице, прошел мимо балки, где когда-то висел колокол, пока жители не сняли его, чтобы не украли англичане, и протиснулся через люк на плоскую крышу башни, где столпилось с полдюжины людей. Среди них был граф Нортгемптонский, весьма насмешливо взглянувший на Томаса.

– А я слышал, что тебя повесили!

– Я выжил, милорд, – хмуро ответил тот.

Граф хотел было спросить, не приложил ли к этому руку сэр Саймон Джекилл, но продолжать эту склоку не имело смысла. Сэр Саймон сбежал, и их соглашение больше не действовало. Граф соорудил гримасу.

– Никому не под силу убить щенка дьявола, верно? – сказал он, а затем отвернулся и показал на восток.

Томас увидел в сумерках войско на марше.

Оно было далеко, на другом берегу текущей среди камышей реки, но Томас видел силуэты всадников, повозок, пехотинцев и арбалетчиков, заполнивших все дороги и дорожки. Войско приближалось к стенам города – как сказал граф, Аббевиля, – где через реку был перекинут мост. При виде змеящихся к нему черных полос Томасу показалось, что распахнулись врата

ада и извергли огромную орду копий, мечей и арбалетов. Потом, вспомнив, что там и мессир Гийом, он перекрестился и молча взмолился, чтобы отец Элеоноры остался жив.

– Боже милостивый, – проговорил Уилл Скит, приняв жест Томаса за проявление страха, – они хотят нас напугать.

– Они знают, что мы измотаны, – сказал граф, – что у нас когда-нибудь кончатся стрелы и что солдат у нас меньше. Гораздо меньше. И нам некуда отойти. – Он указал на блестящее вдалеке море. – Нас поймали в ловушку. Завтра их войско перейдет мост у Аббевиля и атакует нас.

– Значит, будем сражаться, – проворчал Уилл Скит.

– На этих позициях, Уилл? – спросил граф.

Местность была ровная, идеальная для конницы, но не для лучников. Редкие кусты и рощицы – скверное укрытие.

– И против такого количества? – добавил он, глядя вдаль на врага. – Они превосходят нас числом, Уилл, их больше. Клянусь Богом, их много больше. – Граф вздохнул. – Пора двигаться дальше.

– Куда? – спросил Скит. – Почему не выбрать позицию и не встать на ней?

– На юг? – неуверенно проговорил граф. – Может быть, снова перейти Сену и отплыть на кораблях из Нормандии? Видит бог, Сомму нам не перейти. – Он приставил ладонь ко лбу и, посмотрев за реку, выругался: – Черт возьми, но почему здесь нет брода? Мы бы улизнули от этих ублюдков к нашим крепостям во Фландрии и оставили бы Филиппа в дураках, к коим он и принадлежит.

– Не давать ему сражения? – потрясенно спросил Томас.

Граф покачал головой:

– Мы уже нанесли ему урон. Ограбили его дочиста. Мы прошли через его королевство и оставили страну в дымящихся развалинах, так зачем еще давать сражение? Он потратил целое состояние, наняв рыцарей и арбалетчиков, так почему бы нам не сделать эти траты бесполезными? – Он нахмурился. – Если только нам удастся улизнуть.

С этими мрачными словами граф спустился в люк, и за ним последовала его свита. Наверху остались лишь Скит и Томас.

– На самом деле они не хотят сражаться, потому что боятся попасть в плен, – проворчал Скит, когда граф удалился и не мог его слышать. – Выкуп может в мгновение ока выместить все семейное состояние. – Он плюнул через перила и подвел Томаса к северному краю колокольной площадки. – А тебя, Том, я на самом деле позвал сюда потому, что у тебя глаза лучше моих. Видишь вон там деревню?

Он указал на север. Томас не сразу разглядел в камышах несколько невысоких крыш.

– Жалкая деревенька, – сказал он.

– И все же там мы еще не искали жратвы, – заметил Скит, – а тамошние жители, поскольку живут на болоте, могли закоптить нескольких угрей. Люблю копченого угря. Это лучше, чем кислые яблоки или суп из крапивы. Можно сходить посмотреть.

– Сегодня?

– А что же, на следующей неделе? – проговорил Скит, подходя к люку. – Или на следующий год? Конечно сегодня, гаденьш. Поторопись!

Томас взял двадцать стрелков. Никто из них не хотел идти, было уже поздно, и они боялись, что на дороге, нескончаемо тянувшейся через дюны и камыши близ Соммы, могут поджидать французские патрули. Это была пустынная местность. Из камышей вспархивали птицы, и лошади пробирались по таким низменным местам, что приходилось стелить вязовые гати, а вокруг меж илистых кочек булькала и чавкала вода.

– Наступает отлив, – заметил Джейк.

Томас ощущал запах соленой воды. Они были достаточно близко от моря, и в зарослях тростника и болотной травы чувствовались отливы и приливы, хотя местами, на песчаных берегах, где росла бледная жесткая трава, дорога становилась тверже. «Зимой, – подумал Томас, – это совсем забытые богом места, только холодный ветер гоняет пену по замерзшим болотам».

Уже почти стемнело, когда они добрались до деревни. Она оказалась жалким поселением всего из дюжины крытых тростником покинутых хижин. Люди ушли, наверное, незадолго до прихода Томаса и стрелков, поскольку в каменных очагах еще тлел огонь.

– Поищите еды, – сказал Томас, – особенно копченого угря.

– Быстрее будет самим поймать долбаного угря и закоптить, – ответил Джейк.

– Займись этим, – посоветовал Томас, а сам направился в конец деревни, где стояла маленькая, покосившаяся от ветра деревянная церквушка.

Она мало чем отличалась от сарая – возможно, здесь хранились мощи какого-нибудь святого этих жалких болот, – но Томас счел, что строение выдержит его вес, и, соскочив с коня на замшелую тростниковую крышу, вскарабкался наверх и ухватился за приколоченный к коньку крест.

Среди болот не было заметно никакого движения, только дым от костров во французском лагере затуманивал меркнувший свет на севере от Аббевиля. Томас подумал, что завтра французы перейдут мост и потянутся через городские ворота навстречу английскому войску. Костры горели на юге, и клубы дыма свидетельствовали, насколько французское войско больше английского.

Из ближайшей хижины появился Джейк с мешком в руке.

– Что это? – спросил Томас.

– Зерно! – Джейк встряхнул мешок. – Чертовски сырое. Проросшее.

– А угрей что же, нет?

– Какие, к черту, угри! У угрей хватает ума не жить в таких халупах.

Томас усмехнулся и посмотрел на море, что, подобно окрашенному кровью клинку, блестело на западе. Вдали на затянутом тучами горизонте белым пятнышком виднелся парус. Над рекой кружили чайки. Вода в этом месте широко разлилась и среди камыша и отмелей там и сям текла к морю. Было трудно различить границу между рекой и болотом – так все перепуталось. А потом Томас задумался, почему это чайки так кричат и ныряют в воду. Приглядевшись, он заметил на берегу что-то похожее на дюжину коров. Томас уже раскрыл рот, чтобы позвать Джейка, но тут разглядел рядом с коровами людей – человек двадцать, мужчин и женщин. Не иначе, жителей этой деревни. Наверное, увидели английских стрелков и сбежали, угнав с собой скот. Но куда? В болота? Это имело смысл, поскольку среди топей, вероятно, спрятались безопасные тропы. Но зачем они сунулись на песчаную косу, где Томас их увидел? И тут он понял, что они стараются не укрыться, а убежать, поскольку деревенские жители брели по воде к северному берегу.

«Боже милостивый, – подумал он, – да тут же брод!» Он смотрел, не смея поверить собственным глазам, но люди упорно продвигались через реку, таща за собой скотину. Брод был глубокий, и Томас догадался, что его можно перейти только во время отлива, но все же это был брод.

– Джейк! – крикнул он. – Джейк!

Джейк обыскивал церковь. Томас нагнулся и втащил его на прогнивший люк. Когда второй стрелок влез на конек, постройка угрожающе зашаталась под двойным весом. Схватившись за выбеленный солнцем деревянный крест, Джейк посмотрел, куда указывал Томас, и воскликнул:

– Божья задница! Это же долбаный брод!

– И долбаные французы, – сказал Томас, увидев на более твердой почве, возвышавшейся над болотными зарослями и водой, солдат в серых кольчугах.

Они только что пришли, иначе Томас увидел бы их раньше, и теперь их вечерние костры осветили мрак в тени деревьев. Их присутствие говорило, что французам известно о существовании брода и они хотят не дать англичанам возможности перейти. Но это уже не его забота. Его дело – сообщить войску, что через реку есть брод и, возможно, это выход из ловушки.

Томас съехал по церковной крыше и спрыгнул на землю.

– Возвращайся к Уиллу, – велел он Джейку, – и скажи ему про брод. И еще скажи, что я подожгу хижины, чтобы они служили маяком.

Уже стемнело, и без сигнального огня деревню было бы не найти.

Джейк взял шесть человек и поскакал на юг, а Томас остался ждать. То и дело он забирался на крышу церкви и смотрел за реку, и каждый раз ему казалось, что среди деревьев появляются все новые костры. Французы, заключил он, собрали здесь грозные силы, что и неудивительно, поскольку это был последний выход и они хотели его заблокировать. И все же Томас поджег одну за другой хижины, чтобы англичане видели, где может быть спасение.

Пламя взметнулось в ночи, разбрасывая по болоту искры. Стрелки нашли немного припрятанной вяленой рыбы и, запивая ее солоноватой водой, устроили себе ужин. Настроение у них было унылое.

– Надо было оставаться в Бретани, – сказал один.

– Они загонят нас в угол, – предрек второй.

Он сделал из сухого тростника дудочку и играл печальную мелодию.

– У нас есть стрелы, – возразил третий лучник.

– И их хватит, чтобы перебить этих ублюдков?

– Должно хватить.

Музыкант извлек из своей дудки несколько тихих звуков, потом ему надоело, и он швырнул инструмент в огонь. Для Томаса ночь тянулась слишком медленно. Он опять пошел к церкви, но вместо того, чтобы забраться на крышу, отворил ветхую дверь и раскрыл ставни на окнах, впуская отсветы пожара. И тут он увидел, что это не просто церковь, а рыбацкое святилище. Здесь был алтарь из выбеленных морем досок, установленных на двух бочках, а на алтаре стояла напоминающая куклу фигурка, замотанная полосками белой ткани, с венком из высушенных водорослей на голове. Рыбаки в Хуктоне иногда устраивали такие святилища, особенно если теряли в море лодку. Отец Томаса терпеть их не мог. Одно он сжег дотла. Он называл фигуры идолами, но Томас считал, что рыбакам нужны святилища. Море было суровым местом, а кукла, подумал он, изображала женщину и, возможно, представляла какую-то местную святую. Женщины, чьи мужчины уходили далеко в море, наверное, приходили сюда молиться святой и просили, чтобы корабль вернулся назад.

Крыша святилища была низкой, и удобнее было опуститься на колени. Томас прочел молитву. «Оставь меня жить, – просил он, – оставь меня жить» – и обнаружил, что думает о копье, о брате Жермене и мессире Гийоме, об их страхах, о новом зле, порожденном на юге темными владыками. «Это не твое дело», – сказал он себе. Все это предрассудки. Катары мертвы, они сгорели в церковном огне и отправились в ад. «Берегись сумасшедших», – говорил отец, а кто лучше его знал правду? Но неужели верно, что он из Вексиев? Томас склонил голову и вознес молитву, чтобы Бог уберег его от безумия.

– И о чем ты теперь молишься? – прозвучал чей-то голос.

Томас вздрогнул. Оглянувшись, он увидел отца Хобба, который ухмылялся, стоя в дверях. В последние дни они со священником болтали о том о сем, но не оставались наедине. Томас даже сомневался, что ему хочется этого, так как присутствие отца Хобба напоминало о долге.

– Молюсь, чтобы было больше стрел, святой отец.

– Да ответит Бог на твою молитву, – сказал отец Хобб и уселся на земляной пол. – Я проделал дьявольскую работу, разыскивая путь через трясины, но мне хотелось поговорить с тобой. У меня такое чувство, что ты меня избегаешь.

– Святой отец! – с упреком проговорил Томас.

– И вот ты снова здесь, да еще с красивой девушкой! Говорю тебе, Томас, если тебя заставить лизать задницу прокаженного, ты ощутишь лишь сладость. Ты просто заколдован. Тебя не смогли даже повесить!

– Смогли, но не как следует.

– Благодарю за это Бога, – сказал священник и улыбнулся. – А как епитимья?

– Копья я не нашел, – коротко ответил Томас.

– Но ты хотя бы искал? – спросил отец Хобб и вытащил из мешка кусок хлеба. Он разломил его и половину протянул Томасу. – Не спрашивай, где я его достал, но я его не украл. Помни, Томас, ты можешь не исполнить возложенного на тебя наказания и все же получишь отпущение грехов, если будешь искренне стараться.

Томас скривился – не на слова отца Хобба, а потому, что на зуб попал запекшийся в хлебе кусочек жернова. Он выплюнул камешек.

– Моя душа не так черна, как вы думаете, святой отец.

– Откуда тебе знать? Все наши души черны.

– Я приложил усилия, – сказал Томас и неожиданно для себя рассказал всю историю о том, как пришел в Кан, нашел дом мессира Гийома, как оказался там гостем, рассказал про брата Жермена и катаров Вексиев, а также про пророчество из Книги Даниила и совет Мордехая.

Услышав про Мордехая, отец Хобб перекрестился.

– Не следует слушать таких людей, – строго сказал священник. – Может быть, он и хороший лекарь, кто знает, но евреи всегда были врагами Христа. Если он принял чью-то сторону, то сторону дьявола.

– Он добрый человек, – настаивал Томас.

– Томас! Томас! – печально проговорил отец Хобб и нахмурился, а чуть погодя сказал: – Я слышал, что катарская ересь еще жива.

– Но она не может бросить вызов Франции и святой Церкви!

– Откуда ты знаешь? Она пересекла море, чтобы украсть у твоего отца копье, и ты сам рассказал, как она прошла через Францию, чтобы убить жену мессира Гийома. Дьявол творит свои дела во мраке, Томас.

– Есть еще кое-что, – сказал стрелок и рассказал священнику, что катары владеют святым Граалем.

Свет от горящих хижин плясал на стенах и придавал стоящей на алтаре фигуре с венком из водорослей зловещий вид.

– Пожалуй, я не верю всему этому, – закончил Томас.

– Почему же?

– Потому что если это правда, то я не Томас из Хуктона, а Томас Вексий. И не англичанин, а наполовину француз. И не лучник, а благородный рыцарь.

– Хуже того, – с улыбкой проговорил отец Хобб, – это означает, что на тебя возложена миссия.

– Это все рассказы, – пренебрежительно сказал Томас. – Наложите на меня другую епитимью, святой отец. Я совершу для вас паломничество. Если хотите, на коленях дойду до Кентерберии.

– Я от тебя ничего не хочу, Томас, но вот Бог хочет многого.

– Тогда скажите Богу, пусть выберет кого-нибудь другого.

– Я не привык давать советы Всевышнему, – ответил отец Хобб. – Я лишь слушаю Его. Ты думаешь, никакой священной чаши нет?

– Люди тысячу лет ее искали, и никто не нашел. Разве что та штуковина в Генуе – настоящая.

Отец Хобб прислонился затылком к стене, сплетенной из ивняка.

– Я слышал, – тихо проговорил он, – что настоящая чаша сделана из простой глины. Простая крестьянская миска, как та, которой дорожила моя мать, упокой Бог ее душу, поскольку она могла себе позволить лишь одну миску, а я, неуклюжий болван, взял однажды и разбил ее. А настоящую чашу можно забить в одну из тех пушек, которые так позабавили всех в Кане, и она бы не разбилась даже о стену крепости. А когда на мессе в эту обычную глиняную посудину положишь хлеб и вино – кровь и плоть, – она превращается в золото, Томас. Чистое, сверкающее золото. Таков святой Грааль, да поможет мне Бог, и он существует.

– Значит, вы хотите, чтобы я блуждал по всей земле, разыскивая крестьянскую миску? – спросил Томас.

– Этого хочет Бог, и у Него есть на это причина. – Священник погрузился. – Повсюду ересь, Томас. Церковь окружена врагами. Епископы, кардиналы и аббаты падки на богатства, сельские священники закоснели в невежестве, а дьявол затевает зло. Но некоторые среди нас, немногие, еще верят, что Церковь можно возродить, что она снова засверкает во славу Божию. Я думаю, святой Грааль может совершить это.

– Святой отец!

– И возможно, я могу помочь этому, – сказал отец Хобб, не обращая внимания на протест. – Когда все это закончится, – он махнул рукой, имея в виду войско и его дела, – я, пожалуй, сам присоединюсь к тебе. Мы вместе будем разыскивать твою семью.

– Вы? – удивился Томас. – С чего бы это?

– По зову Бога, – просто сказал отец Хобб и поднял голову. – Тебе надо идти, Томас, тебе надо идти. Я помолюсь за тебя.

Томасу действительно нужно было идти, потому что ночную тишину нарушили перестук конских копыт и людские крики. Томас схватил лук и, выскочив из церкви, увидел в деревне пару десятков латников. На их щитах виднелись львы и звезды графа Нортумберлендского, а их командир желал знать, кто старший среди стрелков.

– Я, – сказал Томас.

– Где брод?

Из палки и охапки тростника с крыши Томас сделал себе факел, и, пока тот горел, он повел солдат через болото к отдаленному броду. Факел отбрасывал колеблющийся свет и вскоре погас, но Томас был уже у того места, откуда видел коров. Снова начался прилив, и у ног коней, столпившихся на сужающейся песчаной полоске, плескалась черная вода.

– Вон там виден другой берег, – сказал солдатам Томас, указывая на французские костры примерно в миле от них.

– Поджидают нас, гады?

– И их там немало.

– Мы все равно переправимся, – сказал старший над латниками. – Так решил король, и мы сделаем это, когда спадет вода. – Он обернулся к своим солдатам. – Слезайте с коней. Найдите путь. Отметьте его. – Он указал на несколько ив. – Вырежьте палки и установите вехи.

Томас с трудом отыскал путь в деревню, несколько раз пришлось идти по пояс в воде. От наступающего прилива поднимался легкий туман, и, если бы не горящие хижины, запросто можно было заблудиться.

Когда Томас вернулся, деревня, стоявшая на возвышенности над болотом, уже привлекла толпу всадников. Там собрались стрелки и латники, и кто-то успел завалить церквушку, чтобы развести из ее бревен костер.

С остатками своих стрелков прибыл и Уилл Скит.

– Бабы остались со скарбом, – сказал он Томасу. – Там полный кавардак. Все надеются утром переправиться.

– Сначала будет бой.

– Или так, или позднее днем придется сражаться со всем их войском. Нашел хоть немного угрей?

– Мы их съели.

Скит хмыкнул и обернулся на позвавший его голос. Это был граф Нортгемптонский, попона его коня покрылась грязью почти до самого седла.

– Хорошая работа, Уилл!

– Это не я, милорд, а вон тот умник.

Скит ткнул большим пальцем в сторону Томаса.

– Похоже, повешение пошло тебе на пользу, – усмехнулся граф, глядя, как вереница латников поднимается на песчаную возвышенность, где стояла деревня. – На рассвете будь готов к выступлению, Уилл, а как только вода спадет, начнем переправу. Я хочу пустить твоих парней вперед. Коней оставьте здесь, я поставлю надежных людей присмотреть за ними.

В ту ночь спали мало, хотя Томас вздремнул, лежа на песке в ожидании рассвета, который оказался бледным и туманным. В дымке маячили ивы, а латники, присев у кромки воды, смотрели на север, где туман усиливался дымом вражеских костров. Река текла обманчиво быстро, ускоренная отливом, но все равно для переправы было еще слишком глубоко.

На песке у брода собрались полсотни стрелков Скита и еще полсотни под началом Джона Армстронга. Столько же пеших латников вел граф Нортгемптонский, которому поручили возглавить переправу. Руководить сражением хотел сам принц Уэльский, но отец запретил ему. Командование поручили гораздо более опытному графу. Однако граф не радовался этому. Он хотел бы иметь гораздо больше людей, но песчаная полоса не могла вместить столько воинов, а тропа через болота была узка и ненадежна, затрудняя подход подкреплений.

– Вы знаете, что делать, – сказал граф Скиту и Армстронгу.

– Знаем.

– Может быть, еще пару часов?

Граф следил за отливом. Проползли два часа, а англичане могли лишь смотреть сквозь редящий туман на выстроившегося в боевые порядки врага на другой стороне. Отхлынувшая вода допустила новых солдат на песчаный берег, но это по-прежнему была жалкая горстка – не больше двух сотен, в то время как у французов одних латников было вдвое больше. Томас, насколько мог, пересчитал их по методу, которому научил его Уилл Скит: разделил вражеское войско пополам, потом еще пополам, потом пересчитал людей в полученном небольшом отряде и умножил на четыре, – и пожалел о своем подсчете, поскольку врагов оказалось слишком много. Кроме тяжеловооруженных всадников, там наверняка было пять-шесть сотен пеших ополченцев, вероятно набранных к северу от Аббевиля. Они не представляли серьезной угрозы, как и большинство ополченцев, скверно обученных и с плохим древним оружием или орудиями крестьянского труда, но они могли доставить неприятности солдатам графа, если последним придется туго. Единственным благоприятным знаменем Томас счел малое число арбалетчиков. Хотя зачем им арбалетки, когда есть столько конных латников? Грозные силы, собравшиеся на северном берегу, будут отчаянно сражаться, зная, что если отобьют атаку англичан, то прижмут врага к морю, где его сокрушит огромное французское войско.

Вьючные лошади подвезли связки драгоценных стрел, которые раздали лучникам.

– Не обращайтесь внимания на чертовых крестьян, – говорил своим солдатам Скит. – Стреляйте в латников. Пусть ублюдки кричат, как козлы, каковыми и являются.

– На том берегу полно еды, – внушал своим голодным стрелкам Джон Армстронг. – У этих ублюдков есть мясо, хлеб и пиво, и, когда вы их опрокинете, все будет ваше.

– И не тратьте стрелы впустую, – рычал Скит. – Стреляйте как следует! Цельтесь, ребята, цельтесь. Я хочу увидеть, как эти гады истекают кровью.

– Следите за ветром! – наставлял Армстронг. – Он направит стрелы туда, куда следует.

Две сотни пеших французских латников выстроились у самой воды, а еще две сотни верхом ожидали в десятках шагов за ними. Толпа ополченцев разбилась на два больших отряда по бокам. Пешим латникам предстояло остановить англичан у берега, а всадникам надлежало вступить в бой, если враг все же прорвется. Ополчение создавало видимый перевес в численности и должно было помочь в побоище, которое последует за победой французов. Они, похоже, не сомневались в победе, поскольку до того пресекали все попытки перейти Сомму. На прежних переправах враг расставлял арбалетчиков, которые не давали английским лучникам выйти с глубокого места и должным образом воспользоваться своими луками без опасения намочить тетиву, а здесь арбалетчиков не было.

Граф Нортгемптонский, спешившись, как и его солдаты, плюнул в сторону реки.

– Ему следовало отвести пехоту назад, а вперед выдвинуть тысячу генуэзцев, – заметил он Уиллу Скиту. – Мы доставим им хлопот.

– У них есть несколько арбалетов, – ответил тот.

– Мало, Уилл, мало.

Граф был в старом шлеме без забрала. Его сопровождал седобородый латник с глубокими морщинами на лице, в много раз чиненной кольчуге.

– Ты знаком с Реджиналдом Кобгемом, Уилл? – спросил граф.

– Я слышал о вас, мастер Кобгем, – почтительно проговорил Скит.

– А я о вас, мастер Скит, – ответил Кобгем.

Среди стрелков Скита пронесся шепоток, что к броду пришел Реджиналд Кобгем, и они оглядывались на седобородого воина, чье имя славилось в войске. Простой человек, как они, он состарился на войне и наводил страх на врагов Англии.

Граф посмотрел на веху, отмечавшую край брода.

– Кажется, вода достаточно спала, – сказал он и похлопал Скита по плечу. – Иди развлекись бойней, Уилл.

Оглянувшись, Томас увидел, что все более-менее сухие кочки на болоте заполнены солдатами, конями и женщинами. Все английское войско спустилось сюда, ожидая, когда граф форсирует брод.

На востоке, хотя никто возле брода не знал об этом, основное французское войско заполнило мост у Аббевиля, готовясь обрушиться на англичан с тыла.

С моря дул свежий ветерок, неся утреннюю промозглость и запах соли. Над бледным камышом уныло кричали чайки. Течение реки было в полмили шириной, и сотня лучников, вошедших цепью в воду, казалась ничтожной. Стрелки Армстронга шли слева, Скита – справа, а за ними – графские латники. Они двигались в пешем строю, и их задачей было дожидаться, когда стрелы лучников ослабят противника, и тогда вступить в бой с мечами, топорами и фальшионами. Двое вражеских барабанщиков начали бить по козлиной коже, потом трубач во французском лагере спугнул птиц с деревьев.

– Учитывайте ветер! – крикнул своим стрелкам Скит. – Порывистый, черт его дерит!

Дувший против отлива ветер волновал водную поверхность, и гребни волн пенились. Французское ополчение кричало. Над зелеными лугами неслись серые тучи. Барабанщики отбивали устрашающий ритм. Над ожидающими французскими латниками развевались знамена, и Томас с облегчением заметил, что ни одно не украшено желтыми ястребами на синем поле. Вода была холодная и доходила ему до бедер. Он поднял лук над головой и наблюдал за противником, ожидая, что вот-вот над водой полетят первые арбалетные стрелы.

Но стрелы не летели. Лучники уже были на расстоянии дальнего выстрела из лука, но Уилл Скит хотел подойти поближе. Какой-то французский рыцарь на черном коне, покрытом

сине-зеленой попоной, подскакал к своим пешим товарищам, потом резко свернул и, вздымая фонтаны брызг, ринулся в реку.

– Болван хочет прославиться, – сказал Скит. – Джейк! Дэн! Питер! Разберитесь с ним! Выметнулись три лука. Вылетели три стрелы.

Французский рыцарь откинулся назад в седле, и его падение вызвало крик ярости у французов. Они издали воинственный клич «Монжуа Сен-Дени!», и латники ринулись в реку, готовые встретить лучников, которые стали натягивать луки.

– Стойте! – кричал Скит. – Погодите! Ближе, подойдем ближе!

Барабаны забили громче. Мертвого рыцаря вынес его конь, и к кромке реки подъехал другой француз. Вода доходила Томасу до колен, и расстояние до противника сокращалось. Оставалось не более ста шагов, и это наконец удовлетворило Скита.

– Начать стрельбу! – крикнул он.

Лучники оттянули тетивы до правого уха и отпустили. Пока первые стрелы еще летели над покрытой рябью водой, им вслед полетели вторые, а когда первые достигли цели, на тетиве уже лежали третьи. Послышался лязг металла по металлу, словно стук сотни молоточков, и французы в строю вдруг присели, подняв щиты.

– Выбирайте каждый своего! – крикнул Скит. – Каждый своего!

Он сам время от времени стрелял из лука и каждый раз, прежде чем пустить стрелу, дожидался, пока кто-нибудь из французов опустит щит. Томас следил за толпой ополчения справа от себя. Похоже, они готовились к дикой рубке, и ему хотелось всадить несколько стрел им в брюхо, прежде чем они подойдут к воде.

Десятка два французских латников было убито или ранено, и их командир кричал остальным, чтобы они сомкнули щиты. С дюжину латников арьергарда спешили и поспешили вперед, чтобы укрепить строй на берегу.

– Спокойно, ребята, спокойно! – кричал Джон Армстронг. – Считайте стрелы!

Вражеские щиты были утыканы стрелами. Французы, полагаясь на свои заслоны, присели в ожидании, когда у вражеских стрелков кончится запас стрел или когда приблизятся английские латники. Томас подумал, что некоторые выстрелы могли пробить щит и нанести рану, но в основном они пропадали даром. Он снова посмотрел на ополченцев и увидел, что те еще не двинулись. Английские луки стреляли не так часто, выжидая удобную цель, и графу Нортгемптонскому, наверное, это надоело. А может, он опасался возвращения прилива. Граф послал своих латников вперед. Раздался крик:

– Святой Георгий! Святой Георгий!

– Разойтись в стороны! – крикнул Уилл Скит, желая, чтобы его стрелки оказались на флангах атаки и могли использовать свои луки, когда французам придется вступить в бой.

Но как только Томас двинулся против течения, сразу стало глубже, и он не смог отойти, насколько хотел.

– Бей их! Бей!

Граф уже подходил к берегу.

– Держать строй! – крикнул Реджиналд Кобгем.

Французские латники приободрились, поскольку подошедшие ближе англичане заслонили своим лучникам цель. Томас умудрился послать еще две стрелы, когда французы встали. Два отряда латников на берегу столкнулись, издав гром стали и щитов. Те и другие выкрикивали имена своих святых – святой Дионисий против святого Георгия.

– Смотрите направо! Направо! – крикнул Томас, когда крестьянское ополчение французов бросилось вперед.

Он послал в них две свистящие стрелы. Его рука со всей мыслимой быстротой доставала из мешка стрелы.

– Стреляйте во всадников! – проревел Уилл Скит, и Томас, сменив цель, выстрелил над головами сражающихся во французских всадников, двигавшихся по берегу на помощь своим товарищам.

Через брод пустились несколько английских конников, но они не могли скакать навстречу противникам, так как на северном выходе с брода в плотном рукопашном бою схватились латники.

Они кололи и рубили. Мечи встречались с топорами, фальшионы раскалывали шлемы и головы. Шум стоял, как в чертовой кузнице, и на отмелях по реке текла кровь. Один англичанин с воплем упал в воду. Двое французов стали рубить его топорами. Граф короткими выпадами разил врага мечом, не обращая внимания на тяжелые удары по щиту.

– Ближе! Ближе! – кричал Реджиналд Кобгем.

Кто-то споткнулся о чье-то тело и открыл брешь в английском строю, и трое французов, ободряя себя криками, попытались воспользоваться этим. Но они были встречены солдатом с обоюдоострым топором, который нанес одному из врагов удар такой силы, что прорубил французю шлем и голову от затылка до шеи.

– Обходим с фланга! С фланга! – проревел Скит, и его стрелки подошли ближе к берегу, чтобы посылать стрелы во фланг французскому строю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.